Самсон Гелхвидзе

Исторический роман

ЧУЖИЕ ИМЕНА

18+

Роман

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЧУЖИЕ ИМЕНА – (роман)

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ЧУЖИЕ ИМЕНА – (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Чужие имена» — масштабное историческое произведение о человеческих судьбах, разорванных насильственной разлукой, и о непреодолимой силе памяти, родственных уз и материнской любви.На фоне сложной истории Востока XVII–XVIII веков автор раскрывает трагедию детей, лишённых родного дома, имени и привычного мира. Разбросанные по разным странам, выросшие среди чужих языков, обычаев и верований, герои проходят долгий путь к пониманию собственного прошлого. Однако роман не сводится к истории утрат: в нём есть дружба, любовь, преданность, нравственный выбор, раскаяние и надежда.Судьбы грузин, армян, черкесов и представителей других народов складываются в широкую картину эпохи, где национальные и религиозные различия не отменяют общности человеческих чувств.«Чужие имена» — роман о том, что можно потерять родину, забыть язык и прожить целую жизнь под другим именем, но память о любви и родных корнях способна пережить время и расстояние.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ЧУЖИЕ ИМЕНА – (роман)

ЧУЖИЕ ИМЕНА – (роман)
Исторический роман
О тех, кого разлучили с родиной, но не смогли заставить забыть её.

ПРОЛОГ
Колыбельная, которую не забыли
В тот вечер в горах долго не гасли огни.

Над селением стояло прозрачное осеннее небо, и на его тёмной глубине одна за другой загорались звёзды. Внизу шумела река, ударяясь о камни, а ветер, спускавшийся с горных склонов, шевелил виноградные листья и заставлял поскрипывать старую деревянную калитку у дома Гиорги.

Во дворе пахло дымом, свежим хлебом и спелым виноградом. На низком столике остывала глиняная посуда, возле очага потрескивали дрова. Старший сын хозяина, шестнадцатилетний Давид, сидел на ступеньке и чинил ремень для конской сбруи. Рядом возился его младший брат Леван, которому недавно исполнилось восемь. Он пытался вырезать из дерева маленькую лошадку, но нож всё время соскальзывал, и работа продвигалась медленно.

— Ты опять делаешь её без хвоста, — заметил Давид.

— У настоящей лошади хвост есть, — сердито ответил Леван.

— Тогда почему у твоей нет?

Мальчик посмотрел на своё творение, задумался и протянул брату нож.

— Сам сделай.

Давид рассмеялся, но нож не взял.

Из дома вышла их мать, Мариам. Она несла корзину с яблоками и поставила её на стол. В дверях на мгновение задержалась, оглядывая двор, словно хотела запомнить всё сразу: старую грушу у стены, сложенные возле сарая дрова, мальчиков на ступеньках, мужа, который разговаривал с соседями у ворот.

Всё было на своих местах. Так бывало много лет.

— Леван, — позвала она, — иди сюда. Уже поздно.

— Ещё немного, мама.

— Ты говорил это, когда солнце стояло над горой.

— Но я почти закончил!

Мариам подошла к нему, присела и осторожно взяла деревянную лошадку.

— А кто на ней будет ездить?

— Я.

— Значит, ей нужно имя.

Мальчик задумался.

— Назову её Мерани.

— Хорошее имя, — сказала мать. — Только не заставляй её скакать быстрее, чем она может.

— Лошади должны быть быстрыми!

— Быстрыми — да. Но не все дороги ведут туда, куда хочется.

Давид поднял голову. Он услышал в материнских словах что-то необычное, но спросить не успел. Из-за ворот донёсся голос отца.

Гиорги возвращался вместе с двумя соседями. Они говорили негромко, и по их лицам было заметно, что разговор за пределами дома оказался не таким весёлым, каким начинался.

Один из соседей попрощался у калитки, второй задержался, пожал хозяину руку и ушёл по узкой дороге.

— Что случилось? — спросила Мариам.

— Ничего, о чём стоило бы говорить при детях, — ответил Гиорги.

Но Давид уже заметил, как отец посмотрел в сторону горного перевала.

В последние недели в селении всё чаще обсуждали тревожные вести. Говорили о вооружённых отрядах, появлявшихся на дальних дорогах, о людях, исчезавших во время поездок, о семьях, которые покидали свои дома и перебирались к родственникам. Одни рассказывали о набегах, другие — о торговцах, скупающих пленников и перепродающих их далеко за морем. Никто не знал, где в этих рассказах правда, а где преувеличение.

Но люди всё чаще стали запирать ворота раньше обычного.

— В верхнем ущелье видели чужих всадников, — наконец произнёс Гиорги.

— Давно?

— Сегодня утром.

— Сколько?

— Не знаю. Сосед говорит, много.

Мариам посмотрела на сыновей.

— А наши мужчины что говорят?

— Что нужно быть осторожными.

— Осторожность не спасает, если беда уже у ворот.

Гиорги ничего не ответил. Он снял пояс с кинжалом и положил его рядом с собой.

В доме стало тише.

После ужина мальчиков отправили спать. Давид долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к голосам родителей за стеной. Он уже считал себя взрослым и потому сердился, когда отец не рассказывал ему всего. Ему хотелось знать, что происходит за пределами селения, кто эти всадники и почему взрослые вдруг стали говорить вполголоса.

Леван уснул быстро.

Мариам сидела возле младшего сына, поправляя одеяло. Мальчик ворочался во сне, и его рука всё время искала край материнской одежды. Она осторожно взяла его ладонь в свою.

— Спи, мой маленький, — прошептала она.

Леван открыл глаза.

— Мама, а завтра мы пойдём к реке?

— Если отец разрешит.

— А потом к дедушке?

— Может быть.

— А ты споёшь мне ту песню?

— Какую?

— Про дорогу и про дом.

Мариам улыбнулась. Она знала эту песню с детства. Её пела мать, когда сама была маленькой, потом она пела её Давиду, а теперь — Левану. В ней не было ни славных военных побед, ни царских имён. Только дорога, горы, дом и женщина, которая ждёт возвращения того, кого любит.

Она начала тихо напевать. Мальчик закрыл глаза.

Мариам продолжала петь, пока его дыхание не стало ровным. Потом наклонилась и поцеловала его в лоб. Она ещё не знала, что однажды будет вспоминать этот вечер до последнего дня своей жизни.

Не знала, что настанет утро, когда в доме перестанут звучать детские голоса. Что ей придётся всматриваться в лица незнакомых путников, расспрашивать купцов и странников, прислушиваться к чужой речи в надежде услышать знакомое имя.

И уж тем более она не могла представить, что мальчик, которого сейчас укрывала своим одеялом, однажды будет жить под другим именем, говорить на другом языке и просыпаться в далёкой стране, не помня ни названия родного селения, ни лица женщины, которая пела ему эту песню.

Но кое-что останется с ним.

Где-то глубоко, под слоями чужих слов и воспоминаний, сохранится мелодия. Он не сможет объяснить, откуда она пришла, не сумеет назвать её и, возможно, даже не поймёт, почему при первых звуках ему становится трудно дышать.

А пока над селением стояли звёзды. В доме Гиорги ещё горел огонь. И никто из живших под этой крышей не знал, что их прежняя жизнь уже приближалась к концу. На рассвете дорога через перевал была пустынна.

Лишь далеко внизу, за поворотом, показались всадники. Они двигались неторопливо, не торопя коней и не поднимая лишней пыли. Впереди ехал человек с тёмным лицом и короткой бородой. Он несколько раз оглянулся на спутников, затем указал рукой на селение.

За его спиной тянулась долгая дорога, которая для одних была способом заработать, для других — путём к власти и богатству, а для тех, кого по ней увозили, становилась началом жизни, в которой даже собственное имя могло перестать им принадлежать.

Утро только начиналось. Мать ещё спала, а дорога уже знала, кого собиралась забрать.

Глава 1. Дом над горной рекой

Дом над горной рекой

Утро в селении начиналось раньше, чем солнце показывалось над вершинами.

Сначала просыпались собаки. Они перебегали от одного двора к другому, лениво облаивали прохожих и, казалось, знали обо всём, что происходило в округе, задолго до того, как об этом узнавали люди. Затем начинали кричать петухи, открывались деревянные ставни, и над крышами поднимался первый дым.

Гиорги уже был во дворе. Он проверял ограду возле сарая, где за ночь расшаталась одна из жердей. Работа была нехитрая, но он не любил оставлять её на потом. В хозяйстве, как он часто говорил, большая беда редко приходит одна. Обычно она начинается с маленькой неисправности, которой вовремя не придали значения.

— Отец!

Он обернулся. Давид стоял возле конюшни, держа под уздцы молодого коня.

— Что с ним?

— Хочу сегодня съездить к Закарии.

— Зачем?

— Он обещал показать мне старую дорогу через лес.

Гиорги посмотрел на сына, затем на коня.

— А ты уже умеешь находить дорогу по старым следам?

— Научусь.

— Это не ответ.

Давид улыбнулся.

— Тогда научи меня сам.

Отец невольно усмехнулся. В последние годы сын всё чаще пытался говорить с ним как взрослый мужчина. Иногда это раздражало, иногда вызывало гордость. Гиорги помнил себя в таком возрасте: ему тоже казалось, что весь мир находится за ближайшим перевалом и ждёт только его появления.

— Сначала закончи то, что обещал сделать вчера.

— Я закончил.

— Дрова?

— Сложил.

— Загон?

— Починил.

— А седло?

Давид замолчал.

— Вот видишь, — сказал отец. — У большой дороги есть неприятная привычка: она не ждёт, пока ты закончишь свои дела.

— Значит, сегодня я останусь дома?

— Сегодня ты поедешь к Закарии. Но сначала принесёшь воду и поможешь матери.

Давид не стал спорить. Он знал, что отец редко меняет решение, если уже высказался.

Из дома вышла Мариам. В одной руке она держала кувшин, в другой — небольшой свёрток ткани.

— Вы опять обсуждаете дороги? — спросила она.

— Наш Давид собирается покорять мир, — ответил Гиорги.

— Пусть сначала покорит ведро с водой, — заметила она.

Давид рассмеялся и взял кувшин.

— Вы оба против меня.

— Мы оба за тебя, — сказала Мариам. — Просто каждый по-своему.

Она посмотрела на сына с такой нежностью, что он на мгновение отвёл глаза. Ему уже было неловко, когда мать проявляла к нему слишком много ласки при отце. Но он всё ещё любил, чтобы она поправляла ему волосы перед дорогой, проверяла, застёгнут ли ворот рубахи, и спрашивала, не забыл ли он поесть.

Леван появился во дворе, когда Давид уже собирался идти к колодцу.

— Я тоже поеду к Закарии!

— Тебя там никто не приглашал, — ответил старший брат.

— Я сам себя пригласил.

— Тогда спроси у отца.

Мальчик повернулся к Гиорги.

— Можно?

— А уроки кто будет делать?

— Вечером.

— А если вечером ты захочешь спать?

— Тогда утром.

— А если утром опять захочешь к Закарии?

Леван задумался.

— Тогда я буду делать уроки по дороге.

Гиорги рассмеялся. Даже Мариам не смогла удержать улыбку.

— Вот видишь, Давид, — сказала она, — у тебя появился серьёзный соперник. Он уже научился находить оправдания быстрее тебя.

Младший брат остался доволен собой и отправился за деревянной лошадкой, которую оставил возле стены.

Вскоре во дворе показалась Нино. Она несла корзинку с орехами, прикрытую белым полотенцем. Синяя лента, вплетённая в её тёмные волосы, слегка развевалась на ветру.

— Мариам-тётя, мама просила передать. Она вчера обещала, но забыла.

— Спасибо, доченька. А сама как?

— Хорошо.

— Твоя мать дома?

— Да. Только отец ушёл к винограднику.

Нино поставила корзинку на стол и повернулась к Давиду.

— Ты сегодня куда-нибудь собираешься?

— К Закарии.

— Опять?

— А что?

— Ничего. Просто ты всё время куда-то собираешься.

— А ты всё время спрашиваешь.

— Потому что ты никогда ничего не рассказываешь.

Давид хотел ответить, но передумал. Нино была из тех людей, с которыми спорить иногда труднее, чем с отцом: она замечала то, что другие пропускали, и не забывала сказанного.

— Закария обещал показать мне старую дорогу, — сообщил он.

— А зачем?

— Чтобы знать, куда она ведёт.

— Ты ведь даже не знаешь, куда хочешь попасть.

— Вот поэтому и хочу узнать.

Нино посмотрела на него внимательно.

— А если дорога окажется плохой?

— Тогда вернусь.

— Все так говорят.

Она произнесла это почти шутливо, но в её голосе мелькнула неожиданная серьёзность.

Мариам, стоявшая неподалёку, услышала последние слова.

— Дороги бывают разные, дети. Некоторые ведут к соседнему селению, некоторые — к морю. Но самая трудная дорога та, по которой человек уходит от своих.

Давид хотел спросить, почему мать вдруг заговорила об этом, однако в этот момент со стороны ворот раздался громкий голос:

— Гиорги! Если ты сегодня не выйдешь из дома, я решу, что ты окончательно превратился в старика!

Это был Бесо.

Он вошёл во двор с таким видом, словно собирался не на обычную встречу, а на важное государственное совещание. На плече у него висела сумка, а под мышкой он держал небольшой кувшин.

— Я принёс тебе кое-что, — объявил он.

— Если опять вино, то я не буду благодарить, — сказал Гиорги.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз ты принёс столько, что благодарить пришлось наутро.

— Значит, вино было хорошее.

Бесо поставил кувшин на стол и огляделся.

— А где твой старый Закария? Я слышал, сегодня он собирается учить молодёжь военному искусству.

— Давид поедет к нему, — ответил Гиорги.

— Прекрасно! Тогда у нас скоро появится новый полководец. Только, Давид, запомни: прежде чем командовать людьми, научись командовать собственной лошадью. Это гораздо труднее.

— А ты умеешь? — спросил мальчик.

— Я? Конечно. Моя лошадь всегда делает то, что я ей говорю.

— И что ты ей говоришь?

— Обычно прошу не сбрасывать меня при людях.

Смех разошёлся по двору. Даже Леван, который не до конца понял шутку, захихикал вслед за взрослыми.

Именно такими были дни, которые потом вспоминаются человеку всю жизнь. Не потому, что в них происходило что-то великое, а потому, что всё казалось естественным и вечным.

Человек не замечает счастья, пока оно живёт рядом с ним в привычных мелочах: в голосе матери, в шутке друга, в скрипе ворот, в споре из-за пустяка.

К полудню Давид собрался в дорогу.

Мариам вышла проводить его за ворота и поправила ремень на его плече.

— Не задерживайся.

— Не буду.

— Если Закария предложит остаться до вечера, откажись.

— Хорошо.

— И не спорь с ним.

— Мама!

— Что?

— Я уже не ребёнок.

Она посмотрела на него, улыбнулась и ничего не ответила.

Давид вскочил в седло и направил коня вниз по дороге. Нино стояла возле калитки и следила за ним.

— Передай Закарии, что я тоже хочу увидеть эту дорогу! — крикнула она.

— Сама и передай!

— Ты же едешь!

— В следующий раз!

— Ты всегда говоришь «в следующий раз»!

Давид оглянулся, поднял руку и исчез за поворотом.

Мариам ещё немного постояла у ворот. Потом вернулась во двор и принялась за домашние дела.

Ничто не предвещало беды.

За горой шумела река. На склонах паслись стада. Солнце медленно поднималось к середине неба, и жизнь продолжалась так, как продолжалась вчера, неделю назад и много лет до этого.

Только старый Закария, увидев приближавшегося Давида, не сразу улыбнулся.

Он стоял возле своего дома, опираясь на длинный посох, и смотрел куда-то за перевал.

— Ты сегодня рано, — сказал он.

— Отец отпустил.

— Значит, решил, что пора.

— Пора чему?

Закария не ответил сразу. Он посмотрел на юношу, словно пытался понять, насколько тот готов услышать то, о чём взрослые в последнее время предпочитали молчать.

— Пора научиться различать дорогу и путь, Давид.

— А разве это не одно и то же?

— Нет, сынок. Дорога проходит по земле. А путь проходит через жизнь человека.

Старик повернулся к дому.

— Пойдём. Сегодня я расскажу тебе кое-что, чего не рассказывал даже твоему отцу.

Давид последовал за ним. И впервые за долгое время ему показалось, что впереди действительно начинается что-то большое. Но он ещё не знал, насколько большой окажется цена этого знания.

Глава 2. Голоса за праздничным столом

Старик, знавший дороги

Дом Закарии стоял немного в стороне от остальных строений, на невысоком склоне, откуда открывался вид на реку и дальнюю дорогу. Когда-то здесь жил его отец, затем сам Закария с женой и детьми. Но годы изменили домочадцев быстрее, чем стены: жена умерла, сыновья разъехались, один ушёл служить, другой перебрался к родственникам за горы. Старик остался

один, если не считать двух собак, нескольких кур и старого коня, который давно уже больше напоминал домашнего питомца, чем боевого товарища.

Давид вошёл вслед за хозяином и огляделся. Внутри всё было просто: низкий стол, деревянные лавки, полки с посудой, оружие на стене и несколько потемневших от времени ковров. Возле очага стоял медный котёл. На стене висела небольшая икона, перед которой горела лампада.

— Садись, — сказал Закария. — Чай будешь?

— Буду.

— Тогда не торопись. У хорошего разговора не должно быть свидетелей, кроме тех, кому он предназначен.

Старик поставил на стол две чашки, достал из деревянного ящика сушёные травы и принялся готовить напиток. Давид ждал. Ему хотелось поскорее узнать, какую тайну собирается открыть Закария, но он не решался спрашивать.

Наконец старик сел напротив.

— Ты хотел увидеть старую дорогу?

— Да.

— Почему?

— Хочу знать, куда она ведёт.

— А если она приведёт туда, откуда не возвращаются?

Давид улыбнулся.

— Тогда я не пойду дальше.

— Хороший ответ. Только иногда человек не знает, что уже перешёл границу, после которой возвращение становится трудным.

Закария отпил из чашки и посмотрел в окно.

— Много лет назад я служил в одном отряде, который сопровождал купцов через горные перевалы. Не думай, будто мы были разбойниками. Тогда дороги были неспокойные, и люди нанимали вооружённую охрану. Везли ткани, железо, соль, оружие, лошадей. Иногда драгоценности. Иногда людей.

Давид поднял глаза.

— Людей?

— Пленных. Рабов. Как их только не называли. Слово менялось, а судьба оставалась прежней.

— Но разве людей можно продавать?

Закария посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты задаёшь правильный вопрос. Только мир далеко не всегда отвечает на правильные вопросы.

Он помолчал, затем продолжил:

— Я видел, как после набега целые семьи уходили из домов. Видел мужчин, которых уводили связанными. Видел женщин, пытавшихся удержать детей. Видел и другое: как местные правители заключали соглашения с людьми, которые ещё вчера сжигали их селения. Одни выкупали пленных, другие торговали ими. Иногда один и тот же человек мог утром говорить о вере и милосердии, а вечером торговаться за цену чужого сына.

— А ты?

— Что я?

— Ты сопровождал таких купцов?

Закария не отвёл глаз.

— Да.

Давид не ожидал такого ответа.

— Почему?

— Потому что был молод. Потому что нуждался в деньгах. Потому что мне казалось, будто я отвечаю только за охрану каравана и не обязан думать о том, что происходит с грузом. Человек умеет находить себе оправдания, особенно когда они помогают ему спокойно спать.

— И что изменилось?

— Однажды я услышал, как мальчик попросил торговца вернуть ему настоящее имя.

Давид молчал.

— Его звали Арсен, — сказал старик. — По крайней мере, так он назвался мне. Ему было лет десять. Он не плакал, не кричал, не просил еды. Только каждый раз, когда его называли иначе, повторял: «Меня зовут Арсен». Один из торговцев смеялся над ним. Другой бил. А мальчик всё равно повторял своё имя.

— И что с ним стало?

Закария провёл пальцем по краю чашки.

— Не знаю. Я больше никогда его не видел.

— Ты не попытался помочь?

— Пытался. Но тогда я понял, насколько мало может один человек, если остальные считают происходящее обычным делом.

Старик поднялся, подошёл к стене и снял с гвоздя старый кинжал. Ножны были потёрты, рукоять местами потемнела.

— Вот это осталось у меня с тех лет. Я носил его, когда сопровождал караваны. А потом перестал. Не потому, что состарился. Просто однажды понял, что больше не хочу быть частью дороги, по которой детей увозят от матерей.

— И ты вернулся домой?

— Да. Только домой возвращаются не все. И не всегда человек возвращается прежним.

Закария положил кинжал на стол.

— Запомни, Давид: если когда-нибудь увидишь, что человека лишают имени, не думай, будто это мелочь. Сначала у него отнимают имя. Потом язык. Потом память. А однажды ему уже объясняют, что прежней жизни никогда не существовало.

Давид долго молчал.

За окном ветер качнул ветви орехового дерева. Где-то внизу прокричала птица.

— Ты обещал показать мне дорогу, — наконец сказал юноша.

Закария улыбнулся.

— Покажу. Только сначала мы поедем не туда, куда ты ожидал.

Он вышел во двор и позвал коня.

— Сегодня познакомлю тебя с одним человеком.

— С кем?

— С человеком, который недавно вернулся из Тбилиси. Он знает больше, чем говорит. И, что гораздо опаснее, знает, кому нельзя говорить лишнего.

Старик оседлал коня, проверил подпругу и кивнул Давиду.

— Поехали.

В это время, далеко от горного селения, в большом торговом городе на побережье Чёрного моря, другой человек тоже начинал свой день.

Его звали Кара-Мустафа. Он был не воином и не правителем, хотя носил дорогую одежду, держал при себе вооружённую охрану и имел знакомых среди людей, распоряжавшихся судьбами целых областей.

Он занимался торговлей.

В его конторах учитывали ткани, зерно, лошадей, металл, оружие и множество других товаров. Он знал цены на товары в нескольких портах, имел доверенных людей на дорогах и мог за несколько дней получить сведения, на которые местным чиновникам требовались недели.

Но была у него и другая торговля, о которой он предпочитал не говорить вслух.

Люди.

В тот день к нему явился молодой посредник по имени Юсуф. Он происходил из семьи, давно связанной с торговыми делами, знал несколько языков и обладал редким даром запоминать лица. Ему было около двадцати пяти лет, и он уже успел понять, что в торговле человеческими судьбами опаснее всего не жестокость, а привычка.

— Караван задерживается, — сообщил он.

— Насколько?

— На два дня. На перевале неспокойно.

— Кто сопровождает?

— Люди Селима-бея.

Кара-Мустафа недовольно нахмурился.

— Он опять набрал молодых и неопытных?

— Говорит, что они надёжны.

— Все говорят, что их люди надёжны, пока не случается беда.

Юсуф положил на стол небольшую дощечку с записями.

— Есть ещё одна новость. В соседнем районе появились семьи, желающие продать детей.

Кара-Мустафа поднял голову.

— Продать?

— Некоторые утверждают, что это временное устройство. Будто бы детей отправляют в богатые дома на воспитание и службу.

— А ты им веришь?

Юсуф пожал плечами.

— Я верю только тому, что вижу.

— Тогда смотри внимательнее. Не каждый человек, который сам называет себя благодетелем, является таковым.

Он произнёс это без особого волнения, словно обсуждал качество товара. Но в его голосе прозвучала усталость.

— И ещё, — добавил он. — Мне нужно, чтобы ты нашёл человека, который говорит по-грузински.

— Зачем?

— Для одного разговора. Среди прибывающих может оказаться человек из горных областей. Я не хочу пользоваться переводчиком, которому нельзя доверять.

Юсуф кивнул.

— Постараюсь.

Когда молодой посредник вышел, Кара-Мустафа остался один.

Он подошёл к окну. Внизу шумел порт. Люди разгружали корабль, носильщики перекрикивались, торговцы спорили о цене, дети бегали между складами. Город жил своей обычной жизнью, в которой чужая беда давно стала частью привычного порядка.

Кара-Мустафа не считал себя чудовищем. Он не мучил людей собственными руками, не участвовал в набегах и не любил видеть кровь. Он был убеждён, что занимается делом, существовавшим задолго до него и которое продолжится после его смерти.

И всё же однажды ему предстояло столкнуться с человеком, чья судьба заставит его впервые усомниться в этом удобном убеждении.

Пока он этого не знал.

К полудню Давид и Закария добрались до небольшого поселения у дороги. Здесь жили ремесленники, возчики и несколько семей, занимавшихся торговлей. В центре стоял старый каменный дом с широким навесом. Возле него отдыхали двое путников, а неподалёку молодой человек чинил колесо повозки.

— Это и есть тот человек? — спросил Давид.

— Нет. Это его племянник.

— А где он?

— Там, где его обычно не ищут.

Закария спешился и направился к дому.

Из дверей вышел высокий мужчина лет пятидесяти. Его звали Арчил. Лицо было обветренным, борода аккуратно подстрижена, одежда неброская, но добротная. Он узнал Закарию и улыбнулся.

— Старый друг! Я думал, ты уже забыл дорогу сюда.

— Я многое забываю, Арчил. Но не людей.

Они обнялись.

— А это кто?

— Давид, сын Гиорги.

Арчил внимательно посмотрел на юношу.

— Значит, вырос. Помню тебя совсем маленьким. Ты тогда пытался оседлать козу.

— Я не пытался, — возразил Давид. — Я уже сидел на ней.

Арчил рассмеялся.

— Тем хуже для козы.

Они прошли под навес и сели за стол. Разговор сначала шёл о хозяйстве, урожае, дорогах и знакомых. Но постепенно Арчил стал серьёзнее.

— Закария, — произнёс он, — ты слышал о том, что произошло за перевалом?

— Только слухи.

— Тогда слухи правдивы. Несколько семей исчезли. Не все из одного селения. Одних увели во время ночного нападения, других застали на дороге.

— Кто?

— Люди, которых никто толком не знает. Одни говорят, что это разбойники. Другие — что за ними стоят влиятельные купцы.

Закария посмотрел на него.

— А ты что думаешь?

— Думаю, что случайным разбойникам не нужны переводчики и люди, умеющие оформлять сделки в дальних портах.

Давид почувствовал, как у него похолодели руки.

— Значит, детей действительно продают?

Арчил посмотрел на него.

— Да, сынок. И не только детей. Но дети особенно удобны тем, кто хочет изменить их жизнь целиком. Маленького легче заставить забыть прежнюю речь, приучить к новой вере, новому порядку, новому имени.

— Но разве можно заставить забыть мать?

Арчил долго не отвечал.

— Заставить можно многое. Но забыть — не всегда.

Он поднялся, прошёл к сундуку и достал из него небольшой свёрток. Развернув ткань, показал старую деревянную фигурку птицы.

— Это сделал мальчик, которого я когда-то встретил на дороге. Он был из одной семьи, жившей неподалёку. Его увезли. Я не смог помочь. А эту вещь он оставил у меня.

— Почему ты её сохранил? — спросил Давид.

— Потому что однажды обещал ему, что, если он вернётся, я отдам её обратно.

Арчил осторожно завернул фигурку и положил на место.

— Я до сих пор держу слово.

В доме наступила тишина.

Давид смотрел на свёрток и впервые подумал, что дорога, которую он так хотел увидеть, может быть не просто дорогой через лес и перевал. Возможно, она соединяет миры, между которыми человек способен потерять всё, что прежде считал своим.

— Я хочу знать, где эти люди, — произнёс он.

Закария повернулся к нему.

— Зачем?

— Чтобы понять, можно ли им помочь.

Старик не ответил сразу. Он посмотрел на Арчила, затем снова на Давида.

— Вот теперь ты начинаешь понимать, зачем человеку знать дороги.

Вечером, когда Давид и Закария отправились обратно, на другом конце торгового пути Юсуф получил письмо. В нём сообщалось, что караван наконец прошёл перевал. Среди людей, находившихся под охраной, были дети из нескольких горных селений. Их имена записали небрежно, некоторые — со слов посредников, некоторые — по памяти сопровождавших.

Юсуф перечитал список дважды. Одно имя показалось ему знакомым, хотя он не мог вспомнить, где слышал его прежде. Он провёл пальцем по строке, затем сложил письмо и убрал его в поясную сумку.

В тот момент ему казалось, что это всего лишь очередной документ в длинной череде торговых бумаг. Но однажды именно эта строка станет причиной того, что он нарушит приказ своего хозяина. А пока караван двигался на юг. И вместе с ним двигались судьбы людей, которые ещё не знали, что их прежняя жизнь осталась по другую сторону гор.

Глава 3. Мальчик, который мечтал о дальних дорогах

Девочка из дома у моря

Море в тот день было неспокойным.

Невысокие волны накатывали на каменистый берег, оставляя на песке белую пену, а над портом висела лёгкая дымка. Рыбаки возвращались с утреннего промысла, торговцы открывали лавки, носильщики перекрикивались возле складов. Город просыпался шумно, словно за ночь накопил столько дел, что теперь боялся не успеть выполнить их до заката.

В одном из домов, стоявших неподалёку от гавани, девочка по имени Эстер сидела возле окна и пыталась читать письмо.

Ей было одиннадцать лет. Она жила с отцом, матерью и младшим братом Давидом. Их семья принадлежала к армянской общине, давно обосновавшейся в этом городе. Отец, Арам, занимался торговлей тканями и красителями, мать, Маро, вела хозяйство и помогала мужу вести записи. В доме говорили по-армянски, на рынке — на нескольких языках, а письма от родственников приходили из мест, названия которых Эстер пока не умела правильно произносить.

— Ты опять читаешь его вверх ногами? — спросил брат.

Эстер подняла голову.

— Я не читаю вверх ногами.

— Тогда почему ты всё время поворачиваешь бумагу?

— Потому что здесь плохой почерк.

— Значит, письмо плохое.

— Давид, займись своими делами.

Мальчик вздохнул и вернулся к деревянному кораблику, который мастерил уже третий день. Он был младше сестры на четыре года и считал, что мир существует главным образом для того, чтобы в нём можно было что-нибудь разобрать, построить или испортить.

Эстер снова склонилась над письмом.

Оно пришло от её дяди, жившего далеко от побережья. Он писал о здоровье, урожае, ценах на ткани и о том, что собирается приехать к ним весной. В конце письма было несколько

строк, адресованных лично Эстер. Дядя обещал привезти ей книгу с картами и рассказами о дальних странах.

Девочка улыбнулась.

— Что там? — спросил Давид.

— Дядя обещает книгу.

— А мне?

— Тебе ничего.

— Тогда он плохой дядя.

— Он обещал тебе деревянную саблю.

Давид мгновенно оживился.

— Настоящую?

— Конечно. Из дерева.

— Тогда хорошая сабля!

Из соседней комнаты вышла Маро.

— Не кричите. Отец разговаривает с гостем.

— Кто пришёл? — спросила Эстер.

— Госпожа Шушаник.

Девочка сразу подняла голову.

Шушаник была вдовой купца, умершего несколько лет назад. Она жила неподалёку, хорошо знала торговые порядки и свободно говорила на нескольких языках. В молодости она сопровождала мужа в поездках, помогала ему вести переписку и нередко самостоятельно договаривалась с купцами. После его смерти она не оставила торговых дел, хотя многие считали, что женщине незачем заниматься подобными вопросами.

Эстер любила её слушать. Шушаник рассказывала о городах, где дома были выше крепостных стен, о рынках, на которых продавали товары со всего света, и о людях, которые могли прожить всю жизнь, ни разу не увидев моря.

— Можно я к ней выйду? — спросила девочка.

— Сначала помоги мне убрать со стола.

— Но я уже всё убрала.

— Значит, тебе осталось совсем немного.

Маро улыбнулась и направилась в комнату.

Шушаник сидела за столом напротив Арама. Перед ней лежал раскрытый торговый реестр. Она внимательно изучала записи, время от времени задавая вопросы.

— Ты уверен, что товар отправили именно этим путём? — спросила она.

— Так указано в документе.

— Документ составлен посредником. А посредник мог записать всё, что ему было выгодно.

Арам нахмурился.

— Ты думаешь, он обманул нас?

— Я думаю, что он не сказал всей правды.

Она перелистнула страницу.

— Здесь указаны ткани, железо и несколько лошадей. Но в сопроводительной записи говорится ещё о людях.

Арам откинулся на спинку стула.

— Опять?

— Да.

— Сколько можно? Я не хочу иметь к этому отношения.

— Тогда не имей. Но не закрывай глаза, когда твои деловые партнёры начинают использовать одни и те же дороги для перевозки товаров и пленников.

— Я не могу отвечать за всё, что происходит между городами.

— Не можешь. Но можешь отвечать за то, кому продаёшь свои товары и кому помогаешь деньгами.

Арам задумался.

Он был человеком добрым, но не любил вмешиваться в дела, которые считал чужими. Ему казалось, что честный торговец должен держаться в стороне от споров правителей и военных. Однако последние месяцы всё чаще показывали, что торговля уже не отделена от чужой беды.

Вошла Маро с подносом.

— Вы опять говорите о караванах?

— О том, что происходит на дорогах, — ответила Шушаник.

— Тогда лучше говорите потише. Дети слышат.

— Иногда детям полезно слышать правду, — сказала Шушаник.

Маро посмотрела на неё.

— Только не всю сразу.

В этот момент в комнату заглянула Эстер.

— Госпожа Шушаник, можно я покажу вам письмо?

— Конечно, дорогая. Подойди.

Девочка протянула бумагу.

Шушаник прочитала несколько строк, похвалила почерк дяди и спросила, понимает ли Эстер всё написанное.

— Почти всё. Только здесь я не поняла одного слова.

— Покажи.

Шушаник объяснила значение, затем взглянула на девочку.

— А ты хотела бы научиться читать письма на других языках?

— Очень!

— Тогда приходи ко мне дважды в неделю. Я покажу тебе несколько букв, а потом будем учиться читать.

Эстер посмотрела на мать.

— Если ты будешь помогать по дому и не забудешь остальные занятия, — сказала Маро.

Девочка радостно кивнула.

Шушаник улыбнулась.

— Знаешь, Эстер, язык — это не только слова. Иногда он открывает дверь, которую нельзя открыть ключом.

— А если дверь закрыта навсегда?

— Тогда язык хотя бы поможет понять, кто за ней находится.

Эстер не совсем поняла ответ, но запомнила его.

Вечером Арам долго сидел во дворе.

Он перебирал бумаги и время от времени поглядывал на гавань. В доме было тихо. Давид уже спал, а Эстер читала книгу, которую ей дала Шушаник.

Маро вышла к мужу.

— Что тебя тревожит?

— Шушаник права. В торговых бумагах появляются вещи, о которых прежде не писали.

— Ты ведь не участвуешь в этой торговле.

— Пока не участвую.

— Что значит «пока»?

Арам помолчал.

— Сегодня ко мне приходил человек из конторы Кара-Мустафы. Предлагал заключить договор на поставку тканей. Деньги хорошие.

— И что ты ответил?

— Попросил время подумать.

Маро села рядом.

— Арам, я не хочу, чтобы наши дети когда-нибудь узнали, что их отец разбогател на чужом несчастье.

Он посмотрел на жену.

— Я тоже.

Они сидели молча. Внизу, у воды, кто-то громко смеялся. Издалека доносился стук молотков по корпусу корабля.

— Завтра я откажусь от договора, — наконец сказал Арам.

Маро положила руку ему на плечо.

— Тогда мы будем жить скромнее.

— Зато спокойно.

Она улыбнулась.

Они ещё не знали, что спокойствие иногда заканчивается не по воле человека, который его бережёт.

Через несколько дней Шушаник отправилась на рынок.

Ей нужно было купить бумагу, чернила и несколько лекарственных трав. Она шла по узким улицам, здоровалась со знакомыми торговцами и внимательно прислушивалась к разговорам. У одного из складов она заметила Юсуфа.

Он стоял рядом с двумя мужчинами и рассматривал список товаров. Шушаник узнала его: несколько лет назад он помогал одному купцу, с которым она вела дела.

— Юсуф! — окликнула она.

Молодой человек обернулся.

— Госпожа Шушаник. Давно не виделись.

— Ты всё ещё работаешь с Кара-Мустафой?

— Иногда.

— Значит, не всё так плохо, как говорят.

Юсуф улыбнулся, но ничего не ответил.

— Я слышала, на дорогах неспокойно.

— На дорогах всегда неспокойно.

— Это не ответ.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы всё ещё задаёте вопросы, на которые люди предпочитают не отвечать.

— А ты всё ещё пытаешься отвечать так, чтобы ничего не сказать.

Юсуф тихо рассмеялся.

— Вы не изменились.

— К сожалению, не все изменения полезны.

Она уже собиралась уйти, когда заметила у него в руке небольшой листок.

— Что это?

Юсуф быстро сложил бумагу.

— Обычный список.

— Списки бывают разными.

Он посмотрел на неё и вдруг спросил:

— Вы знаете грузинский?

— Немного. Достаточно, чтобы понять простую речь. А зачем?

— Кара-Мустафа ищет человека, который мог бы переводить разговоры с людьми, прибывающими с горных дорог.

Шушаник нахмурилась.

— И почему ты спрашиваешь меня?

— Потому что вы знаете больше языков, чем большинство людей в этом городе.

— Я не буду помогать в торговле пленниками.

— Я не говорил, что речь именно об этом.

— Но подумал.

Юсуф отвёл глаза.

— Возможно.

Шушаник внимательно посмотрела на него.

— Запомни, Юсуф: переводчик отвечает не только за точность слов. Иногда от того, как он переведёт одну фразу, зависит судьба человека.

Она ушла, оставив молодого посредника стоять возле склада.

Юсуф долго смотрел ей вслед.

Впервые за долгое время ему стало неприятно от того, что он не смог ответить на простой вопрос.

Тем же вечером в доме Арама Эстер снова читала письмо.

Она уже знала несколько новых слов и с гордостью объясняла брату, что некоторые слова в разных языках звучат похоже.

— А слово «мама» тоже одинаковое? — спросил Давид.

— Не всегда.

— А как у других народов?

— Не знаю. Надо спросить у госпожи Шушаник.

Мальчик задумался.

— А если человек забудет свой язык, он забудет и маму?

Эстер отложила книгу.

— Нет. Наверное, нет.

— Почему?

— Потому что мама — это не только слово.

Давид кивнул, словно получил вполне исчерпывающий ответ, и вернулся к кораблику.

Эстер снова склонилась над страницей.

За окном шумело море. На пристани зажигались огни, и в темноте медленно покачивались корабли.

Девочка ещё не знала, что однажды ей придётся переводить слова человека, который не сможет назвать ни своей родины, ни собственного имени.

А Юсуф, стоявший в это время у склада, уже начинал понимать, что список, который он носил при себе, может оказаться страшнее любого оружия.

Глава 4. Соседи, друзья и старые обиды

Человек, которого звали Хасаном

В Каире утро начиналось с шума.

Едва первые солнечные лучи касались минаретов, город уже жил полной жизнью. На узких улицах открывались лавки, из дворов доносились голоса слуг, торговцы раскладывали товары, а погонщики верблюдов прокладывали путь через толпу, громко предупреждая прохожих. Над крышами поднималась пыль, смешиваясь с запахом свежего хлеба, пряностей, кожи и конского пота.

Город был огромен и противоречив. Здесь рядом стояли роскошные дома влиятельных беев и тесные жилища ремесленников. Здесь человек мог разбогатеть за несколько лет, а мог всю жизнь провести в услужении у того, чьего имени даже не смел произносить вслух.

В одном из просторных домов неподалёку от цитадели жил Хасан-бей.

Ему было около тридцати пяти лет. Он был высок, широкоплеч, умел держаться в седле и владел оружием с той спокойной уверенностью, которая приходит не от упражнений во дворе,

а от многих лет настоящей опасности. Его уважали молодые воины, с ним считались старшие служители военного дома, а хозяин поручал ему дела, которые не доверял случайным людям.

Но мало кто знал, что в детстве его звали иначе.

Когда-то он был мальчиком по имени Темир. Его семья жила далеко на северо-востоке, среди лесистых гор и долин, где зимы были суровыми, а летние пастбища уходили высоко к облакам. Отец держал небольшое хозяйство, мать занималась домом, а старшая сестра умела так рассказывать сказки, что даже взрослые забывали о своих делах.

Темир был вторым ребёнком. Он не любил сидеть дома, постоянно пропадал возле реки, забирался на деревья и однажды едва не утонул, пытаясь переплыть поток после сильного дождя.

Отец тогда долго сердился.

— Ты думаешь, река обязана тебя ждать? — спросил он.

— Я умею плавать, — ответил мальчик.

— Умение плавать не означает, что ты сильнее воды.

Темир запомнил эти слова, хотя тогда они показались ему несправедливыми.

Он не помнил точного дня, когда его прежняя жизнь закончилась. В памяти сохранились отдельные картины: ночной шум, испуганные голоса, бегущие люди, дым над крышами, чья-то сильная рука, схватившая его за плечо. Потом были долгие переходы, незнакомая речь, чужие лица и несколько сменившихся хозяев.

Ему было около девяти лет.

В одном из прибрежных городов его купили для большого военного дома в Египте. Там мальчика переименовали в Хасана, обучили новой речи, правилам поведения, религиозным обычаям и военному делу.

Он не стал сразу покорным и благодарным учеником. Первые годы были тяжёлыми. Он скучал по дому, не понимал языка, сердился на наставников и часто просыпался ночью, пытаясь вспомнить голос матери.

Постепенно память начала терять подробности.

Сначала исчезли названия соседних селений. Потом он перестал ясно представлять лицо отца. Ещё позднее ему стало трудно вспомнить, как звучал собственный детский голос, когда он разговаривал на родном языке.

Но одно осталось.

Он помнил, как сестра называла его Темиром.

И всякий раз, когда это имя всплывало в памяти, он испытывал странное чувство: словно где-то существовал другой человек, которому принадлежала часть его жизни.

Хасан-бей стоял во внутреннем дворе и наблюдал за тренировкой молодых воинов.

Их было шестеро. Все примерно одного возраста, хотя происходили из разных земель. Один родился в горах Кавказа, другой — на Балканах, третий происходил из семьи, жившей неподалёку от Чёрного моря. Они говорили на разных языках, но теперь учились действовать как одно подразделение.

— Снова! — приказал Хасан.

Молодые люди повторили упражнение.

Один из них, худощавый юноша по имени Али, слишком рано поднял щит и пропустил удар деревянного меча.

— Ты смотришь на оружие противника, — заметил Хасан. — А нужно смотреть на самого человека.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Оружие показывает, чем он собирается ударить. Человек показывает, когда он это сделает.

Али задумался.

— А если человек обманывает?

— Тогда смотри на то, чего он не хочет показывать.

Молодой воин улыбнулся.

— Значит, нужно научиться читать мысли?

— Нет. Для начала научись читать собственные ошибки.

Остальные засмеялись.

Хасан не был суровым наставником ради одной только суровости. Он знал, что страх не делает человека хорошим воином. Он может заставить подчиняться, но не научит думать. Поэтому он требовал от молодых дисциплины, но не унижал их за промахи.

После тренировки Али задержался.

— Хасан-бей, можно спросить?

— Спрашивай.

— Вы помните свою родину?

Хасан посмотрел на него.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что вы никогда о ней не говорите.

— А ты говоришь?

Али отвёл глаза.

— Иногда.

— Тогда зачем тебе мои рассказы?

— Чтобы знать, что со мной будет дальше.

Хасан помолчал.

— Не знаю, Али. Человек может прожить всю жизнь вдали от места, где родился. Может обрести друзей, стать уважаемым, иметь собственный дом. Но это не означает, что прежняя жизнь исчезает.

— А вы хотели бы вернуться?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

— Я не знаю, существует ли теперь мой дом. Не знаю, живы ли люди, которых я помню. Не знаю даже, сумел бы я узнать их, если бы встретил.

Али тихо произнёс:

— Значит, вы тоже потерялись.

Хасан улыбнулся, но в этой улыбке не было веселья.

— Возможно. Только я уже давно научился находить дорогу там, где оказался.

В тот же день Хасана вызвали к хозяину дома.

Бей Абдулла был человеком немолодым, осторожным и чрезвычайно влиятельным. Он участвовал в сложных переговорах между военными домами, поддерживал отношения с представителями османской администрации и умел вовремя понять, когда необходимо уступить, а когда лучше не показывать слабости.

Он не был ни бескорыстным покровителем, ни кровожадным тираном. Его главным достоинством считалась способность сохранять власть в мире, где вчерашний союзник мог завтра стать соперником.

— Садись, Хасан, — сказал он.

Хасан сел напротив.

— Я получил письмо из порта. Наши люди сообщают о прибытии нового каравана.

— С товарами?

— И с людьми.

Хасан не изменился в лице.

— Откуда они?

— Говорят, из северных областей. Среди них есть дети.

— Сколько?

— Точного числа пока нет.

Бей Абдулла отложил письмо.

— Ты знаешь, что происходит в этих краях?

— Достаточно, чтобы понимать: люди там исчезают не только во время войн.

— Торговцы утверждают, что некоторые семьи сами отдают детей в чужие дома.

Хасан посмотрел на хозяина.

— А дети знают, что их отдают?

Бей Абдулла не ответил.

— Я хочу, чтобы ты встретил караван, — продолжил он. — Посмотри, кто там находится. Если среди прибывших есть способные мальчики, их могут определить в обучение.

— А если они не хотят?

— Хасан, ты задаёшь вопросы, на которые не существует удобных ответов.

— Я знаю.

— Тогда не усложняй дело.

Хасан поднялся.

— Я выполню поручение.

Когда он вышел, бей Абдулла ещё некоторое время смотрел на закрытую дверь.

Он знал, что Хасан не любит разговоров о пленниках. Но именно поэтому и поручал ему подобные встречи. Бей был уверен: человек, однажды прошедший через чужую волю, лучше других понимает, что происходит с теми, кто ещё не научился защищаться.

Вопрос заключался в другом: сумеет ли Хасан остаться исполнителем приказа, когда увидит среди прибывших ребёнка, похожего на него самого?

Вечером он вышел на террасу.

Над городом медленно сгущались сумерки. Где-то внизу звучали голоса торговцев, на соседней улице спорили два погонщика, а издалека доносился протяжный призыв к вечерней молитве.

Хасан снял с руки перстень и положил его на стол.

Под ним была маленькая царапина — след старого удара. Он помнил, как получил её много лет назад, когда ещё был мальчиком и пытался убежать из дома одного из первых хозяев.

Тогда его поймали. Он был наказан, но не за побег переживал сильнее всего. Он боялся, что мать не узнает, куда он исчез.

Хасан закрыл глаза.

В памяти возникла женщина, сидевшая возле очага. Её лицо расплывалось, но руки он помнил хорошо. Она умела быстро и ловко завязывать узел на его одежде, поправляла волосы и каждый раз, провожая его за ворота, повторяла одно и то же:

«Не уходи далеко, Темир».

Он открыл глаза.

Впервые за долгое время произнёс это имя вслух.

— Темир…

Слово прозвучало непривычно, словно принадлежало не ему, а человеку, которого он когда-то знал. Но он не стал его отгонять.

Глава 5. Девочка с синей лентой

Письмо без обратного адреса

В селении Гиорги тревожные вести становились всё настойчивее.

Сначала они приходили с путниками, затем с купцами, потом их стали приносить люди, которые прежде никогда не вмешивались в разговоры о дальних дорогах. Одни рассказывали о нападениях на небольшие поселения, другие — о похищенных семьях, третьи утверждали, что на побережье появились посредники, предлагающие деньги за пленников.

Никто не мог сказать, какие сведения достоверны.

Гиорги не любил слухов. Он предпочитал увидеть человека, поговорить с ним, выяснить, кто поручился за его слова. Но даже он начал замечать, что в последнее время люди стали чаще запирать ворота, а мужчины всё реже отправлялись в путь поодиночке.

Однажды утром к нему пришёл Закария.

Старик был непривычно серьёзен.

— Есть новости, — сказал он.

— Какие?

— Арчил получил письмо.

— От кого?

— От человека, который живёт у побережья.

Гиорги отложил работу.

— И что он пишет?

Закария достал из-за пазухи сложенный лист.

— Прочти сам.

Гиорги развернул письмо. Почерк был неровным, некоторые строки расплылись, словно бумага намокла в дороге.

В письме говорилось о караванах, которые двигались через торговые поселения. Упоминались люди из горных областей, переправляемые к портам, и посредники, связанные с несколькими влиятельными купцами. Автор предупреждал, что похищения могут повториться, а местные власти не всегда способны или желают вмешиваться.

Гиорги дочитал до конца и поднял глаза.

— Кто написал?

— Человек по имени Шота. Арчил знает его давно.

— Почему он не обратился к властям?

— Говорит, что обращался. Ему ответили, что доказательств недостаточно.

Гиорги сжал письмо.

— А сколько ещё должно исчезнуть людей, чтобы доказательств стало достаточно?

Закария тяжело вздохнул.

— Я не знаю.

В комнату вошла Мариам.

— Что случилось?

Гиорги передал ей письмо.

Она прочла первые строки, затем остановилась.

— Значит, это правда?

— Похоже на то, — ответил муж.

Мариам медленно сложила бумагу.

— Тогда нужно поговорить с соседями.

— Я уже собирался.

— И отправить Давида к родственникам?

Гиорги посмотрел на неё.

— Пока нет.

— А если опасность приблизится?

— Тогда решим.

Мариам хотела возразить, но сдержалась. Она знала, что муж не станет принимать решение только под влиянием страха. Однако в последнее время ей всё чаще казалось, что осторожность, которой они привыкли доверять, перестаёт помогать.

Давид вернулся с пастбища ближе к полудню.

Он заметил, что во дворе находятся Закария и Арчил, и сразу понял: разговор идёт не о хозяйственных делах.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего такого, что тебе нужно было бы знать, — ответил отец.

— Значит, что-то случилось.

Гиорги посмотрел на сына.

— Ты стал слишком внимательным.

— Я просто не слепой.

Арчил усмехнулся.

— В этом возрасте слепота редко бывает физической. Обычно человек не хочет видеть то, что ему не нравится.

Давид сел рядом.

— Я слышал, что за перевалом пропали люди.

Отец нахмурился.

— Кто тебе сказал?

— Нино.

— А ей?

— Не знаю.

Гиорги переглянулся с Закарией.

— Послушай, сын. В ближайшие дни не уходи далеко от дома. Если понадобится отправиться к соседям, предупреди меня или мать.

— Я уже не маленький.

— Именно поэтому я говорю с тобой как со взрослым.

Давид хотел спорить, но остановился. В голосе отца не было привычной строгости. Там звучало что-то другое, чего он прежде не слышал.

— Хорошо, — сказал он.

Гиорги положил руку ему на плечо.

— И ещё. Если увидишь незнакомых людей, не пытайся выяснять отношения с ними самостоятельно. Не всякая смелость полезна.

— Я понял.

Но, как часто бывает с молодыми людьми, он понял слова отца, не до конца почувствовав их смысл.

В тот же вечер к дому Гиорги пришла Саломе.

Она была вдовой уже много лет. Её муж погиб во время одной из прежних стычек, а единственный сын давно жил в другом районе. Женщина держалась независимо, не любила жаловаться и никогда не просила о помощи без крайней необходимости.

На этот раз она пришла не за помощью.

— Гиорги, мне нужно с тобой поговорить.

Он вышел навстречу.

— Что случилось, Саломе?

— Сегодня утром у меня был незнакомец. Спросил, сколько детей живёт в нашем доме.

Гиорги насторожился.

— Кто он?

— Не знаю. Сказал, что торговец. Спрашивал о скоте, зерне, дорогах. А потом вдруг начал расспрашивать о семьях.

— Ты ответила?

— Сказала, что не знаю. Но он назвал несколько имён.

— Каких?

Саломе посмотрела на него.

— Твоих сыновей.

Гиорги почувствовал, как внутри поднимается холодная злость.

— Как он выглядел?

— Среднего роста, тёмная борода, на правой щеке шрам. Говорил с чужим акцентом. С ним был молодой человек, почти мальчик.

— Куда они ушли?

— В сторону нижней дороги.

Гиорги поблагодарил её и попросил больше не оставаться одной, если незнакомец появится снова.

Когда Саломе ушла, он долго стоял у ворот.

Мариам вышла к нему.

— Что она сказала?

Он не хотел пугать жену, но теперь скрывать было бессмысленно.

— Кто-то расспрашивает о наших детях.

Мариам побледнела.

— Тогда мы должны уехать.

— Куда?

— К моему брату. В Мцхету. Там нас знают.

Гиорги задумался.

— Если мы уедем без подготовки, то можем попасть прямо в руки тех, кто следит за дорогами. Нужно сначала выяснить, кто эти люди.

— А если ждать опаснее?

Он повернулся к жене.

— Я не собираюсь ждать сложа руки.

Мариам подошла ближе.

— Тогда пообещай мне, что не будешь рисковать собой ради гордости.

Гиорги посмотрел на неё.

— Обещаю.

Но оба понимали: в трудную минуту человек не всегда может выполнить даже самое искреннее обещание.

Через два дня Арчил получил ответ на своё письмо.

Его принёс молодой посыльный, который проделал долгий путь и выглядел так, будто последние сутки почти не спал.

Арчил прочитал письмо в присутствии Закарии и Гиорги.

— Шота пишет, что в порту действительно появился новый посредник. Его зовут Юсуф. Он работает на человека по имени Кара-Мустафа.

— Что ему известно? — спросил Закария.

— Караван должен прибыть через несколько недель. Среди сопровождающих есть люди, которые говорят на грузинском и черкесском языках. Значит, они заранее готовились к встрече с пленниками из этих мест.

Гиорги встал.

— Надо предупредить все селения.

— Предупредим, — ответил Арчил. — Но есть проблема.

— Какая?

— Никто не знает, кто именно покупает людей. Одни посредники продают их дальше, другие устраивают в богатые дома, третьи отправляют на военное обучение. А некоторые дети исчезают так, что о них больше никто ничего не слышит.

Закария посмотрел на письмо.

— Значит, мы имеем дело не с одной шайкой разбойников.

— Именно.

Гиорги прошёлся по комнате.

— Тогда нужно искать не только тех, кто приходит ночью. Нужно искать тех, кто встречает их днём.

Арчил кивнул.

— Теперь ты начинаешь понимать, насколько всё это велико.

Вечером Давид сидел возле стены и точил небольшой нож.

Нино подошла к нему без обычной улыбки.

— Ты слышал?

— Что?

— Мать сказала, что мы, возможно, уедем к родственникам.

Давид поднял голову.

— Зачем?

— Она боится.

— Чего?

Нино помолчала.

— Того, что однажды кто-нибудь придёт и заберёт нас.

Давид отложил нож.

— Никто тебя не заберёт.

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу.

Нино посмотрела на него с грустной улыбкой.

— Ты всегда обещаешь больше, чем можешь сделать.

— А ты всегда думаешь о плохом.

— Потому что взрослые перестали говорить нам правду.

Давид хотел возразить, но не нашёл подходящих слов.

Нино села рядом.

— Помнишь, ты говорил, что хочешь увидеть дальние дороги?

— Помню.

— А теперь?

Он посмотрел на горы.

— Теперь хочу, чтобы никто не уходил по ним против своей воли.

Девочка ничего не ответила.

В этот момент из дома донёсся голос Мариам. Она звала сыновей ужинать.

Давид поднялся и протянул Нино руку.

— Пойдём.

Она взяла его ладонь.

Их детство ещё продолжалось, но они уже начинали понимать, что мир взрослых способен разрушить даже самые простые обещания.

Тем временем в далёком Каире Хасан-бей получил известие о приближении каравана.

Среди сопровождающих находился человек, которого он должен был узнать по описанию: грузинский переводчик, нанятый одним из торговцев.

Хасан перечитал записку и задумался.

Он не знал ни имени этого человека, ни его прошлого. Но впервые за много лет ему предстояло услышать родную речь не во сне и не в случайном воспоминании.

Он поднялся, подошёл к окну и долго смотрел на город.

— Может быть, — произнёс он едва слышно, — дорога ещё не закончилась.

А где-то за морем, в доме у горной реки, Мариам укладывала Левана спать.

Мальчик попросил спеть ему старую песню. Она начала тихо, стараясь не разбудить Давида. И пока в одном доме звучала колыбельная, в другом человек, давно привыкший к чужому имени, впервые за много лет ждал встречи с родным языком.

Глава 6. Чужая речь

В прибрежном городе осень наступала незаметно. Утром море ещё казалось летним, солнце мягко освещало крыши и белые стены домов, но к вечеру с воды тянуло сыростью, а ветер приносил запах далёких дождей.

В доме Арама было неспокойно.

Хозяин семейства с самого рассвета разбирал счета и письма. На столе лежали образцы тканей, несколько свёртков с печатями, а рядом — маленький серебряный крестик, который Маро принесла из комнаты дочери.

— Эстер опять не спала, — сказала она, поставив перед мужем чашку кофе. — Всю ночь что-то записывала.

Арам поднял глаза.

— Если бы она так же старательно помогала мне с торговыми книгами, я бы уже давно оставил ей половину дел.

— Она ещё ребёнок.

— Именно это я и пытаюсь ей объяснить. Но наша дочь, кажется, решила, что ей следует знать все языки мира.

Маро улыбнулась.

— Не все. Только те, на которых говорят люди, которых ты не понимаешь.

Арам хотел возразить, но рассмеялся.

Эстер вошла в комнату, держа в руках небольшую тетрадь. Её тёмные волосы были собраны лентой, а на пальцах остались следы чернил.

— Отец, ты обещал показать мне старые письма из Трапезунда.

— Я обещал показать тебе одно письмо.

— А их оказалось семь.

— Ты умеешь превращать любую мою уступку в договор без срока окончания.

— Это торговое наследство нашей семьи, — серьёзно ответила Эстер.

Арам покачал головой и протянул ей несколько листов.

Она устроилась у окна. Старые письма были написаны разными руками, на разных языках. Одно пришло из Константинополя, другое — из Тифлиса, третье — из небольшого поселения, название которого Эстер едва могла разобрать.

Она читала медленно, иногда останавливаясь, чтобы свериться со словарём.

— Вот здесь написано о мальчике, — произнесла она наконец.

Арам отвлёкся от счетов.

— О каком мальчике?

— Не знаю. Письмо старое. Его отправили вместе с обозом. Здесь говорится, что он заболел в дороге и перестал разговаривать.

Арам протянул руку.

— Дай посмотреть.

Он прочитал несколько строк, нахмурился и вернул письмо дочери.

— Это не торговое письмо.

— Но оно оказалось среди торговых.

— В старых сундуках чего только не найдёшь.

Эстер посмотрела на отца.

— Почему его никто не забрал домой?

Арам долго молчал.

— Возможно, потому, что никто не знал, где его дом.

Девочка опустила глаза. В этот момент вошёл младший брат Давид, держа в руках деревянную лодочку.

— Эстер, ты опять читаешь? Пойдём к морю!

— Я занята.

— Ты всегда занята, когда я хочу с тобой играть.

— А ты всегда хочешь играть, когда я занята.

— Значит, мы оба правы.

Арам рассмеялся. Давид подошёл к столу и положил лодочку рядом с письмами.

— Отец, а если я поплыву на ней, далеко ли она уплывёт?

— До края стола, если ты не будешь мешать ей руками.

— А если на море?

— Тогда тебе понадобится корабль побольше.

Мальчик задумался.

— Когда я вырасту, у меня будет корабль. Я буду возить людей, но никого не стану продавать.

Эстер подняла голову. Арам посмотрел на сына, потом на старое письмо.

— Хорошее намерение, Давид. Постарайся сохранить его, когда вырастешь.

В тот же день Шушаник пришла к ним без предупреждения. Она принесла корзинку с гранатами и несколько листов бумаги.

— Я слышала, ваша дочь теперь разбирает древние письма, — сказала она, целуя Маро в щёку. — Надеюсь, она не решила прочитать всю историю мира до наступления зимы.

— Она уже приступила, — ответил Арам.

Шушаник попросила Эстер показать тетрадь. Девочка с гордостью раскрыла её на странице, где записала несколько слов на грузинском, армянском, турецком и греческом.

Шушаник внимательно посмотрела на записи.

— А это слово ты знаешь?

Она написала по-грузински: «დედა».

Эстер прочитала:

— Деда.

— Нет. Это означает «отец». А вот это, — Шушаник написала рядом другое слово, — «деда» по-грузински означает мать.

Эстер повторила слово несколько раз, стараясь уловить его звучание.

— Деда…

— Именно.

— А почему ты решила меня этому научить?

Шушаник закрыла тетрадь.

— Потому что однажды тебе может встретиться человек, который не сумеет объяснить тебе, откуда он родом. Но если ты услышишь, как он произносит слово «мать», возможно, ты поймёшь больше, чем из длинного рассказа.

Эстер не ответила. Она ещё не знала, что когда-нибудь ей действительно придётся слушать человека, потерявшего не только родину, но и собственную историю.

А пока за окном шумело море, Давид запускал свою деревянную лодочку по лужам во дворе, а Маро накрывала на стол. Жизнь продолжалась, не подозревая, что иногда достаточно одного чужого письма, чтобы привычный мир начал меняться.

Глава 7. Дорога на север

Кара-Мустафа не любил торопиться. Он считал, что спешка нужна бедным людям, которым нечего терять. Богатый человек должен ждать, пока обстоятельства сами придут к нему в руки.

В тот день он сидел в комнате над складом, где пахло кожей, пряностями и дорогим табаком. Перед ним лежала карта торговых дорог, испещрённая пометками. Рядом стоял Юсуф, который уже третий раз перечитывал письмо.

— Значит, караван задерживается? — спросил Кара-Мустафа.

— На два дня. Дороги размыты. Кроме того, сопровождающие не хотят двигаться ночью.

— Разумно. А дети?

Юсуф поднял глаза.

— Их четверо.

— Всего?

— Четверо, которых удалось доставить к последнему пункту. Остальные люди в обозе — взрослые.

Кара-Мустафа отложил трубку.

— Ты стал задавать вопросы, Юсуф.

— Я должен знать, кого и куда сопровождать.

— Ты должен знать, кому передать груз.

Юсуф промолчал.

Слово «груз» неприятно отозвалось в нём. Он слышал его каждый день, но в последнее время всё чаще видел перед собой не тюки, не мешки и не ящики, а лица. Особенно лица детей, которые не понимали, почему взрослые спорят о них так, словно их самих в комнате нет.

— Один из мальчиков заболел, — сказал он.

— Лекарь?

— Был. Сказал, что опасности пока нет.

— Тогда не создавай её сам. Не позволяй людям толпиться возле больного. Нам не нужна болезнь во всём караване.

Юсуф посмотрел на хозяина.

— А если он не выживет?

Кара-Мустафа медленно поднял голову.

— Тогда его уже не будет среди тех, кого можно передать.

В комнате стало тихо.

— Ты можешь идти, — произнёс торговец.

Юсуф поклонился и вышел.

Во дворе его ждал молодой слуга. Он держал под уздцы двух лошадей и что-то напевал. Юсуф узнал мелодию: её пели женщины в одном из горных селений, где он провёл несколько дней много лет назад. Он не помнил слов, но запомнил, как старуха у очага качала на руках младенца.

Тогда он ещё не работал на Кара-Мустафу.

— Что это за песня? — спросил он.

Слуга пожал плечами.

— Не знаю. Мать пела мне в детстве.

— Ты помнишь слова?

— Нет. Только мелодию.

Юсуф отвернулся.

Ему вдруг захотелось вернуться в ту комнату и сказать Кара-Мустафе, что дети — не груз. Но он знал, что одних слов недостаточно. И ещё не знал, хватит ли у него мужества сделать следующий шаг.

На северной дороге в это время двигалась небольшая группа всадников.

Впереди ехал человек по имени Шота. Его лицо было обветрено, на правой щеке тянулся старый шрам. Он редко разговаривал с попутчиками и почти никогда не рассказывал о себе.

Люди знали лишь, что он хорошо ориентируется в горах и умеет находить дорогу там, где другие видят только камни и заросли.

Рядом с ним ехал молодой грузин по имени Гурам. Он был родом из Кутаиси, несколько лет прожил в прибрежном городе и знал турецкий, греческий и немного армянский. Именно поэтому Шота взял его с собой.

— Ты уверен, что письмо дошло? — спросил Гурам.

— Не знаю.

— Тогда зачем мы едем?

— Потому что если письмо не дошло, надо доставить второе.

Гурам усмехнулся.

— А если и второе не дойдёт?

— Тогда доставим третье.

— Ты, Шота, человек упрямый.

— На дорогах это полезнее, чем быть весёлым.

Они ехали до полудня, пока не добрались до небольшого селения. Там остановились у колодца. Женщина, набиравшая воду, узнала Шоту и приветствовала его.

— Давно тебя не было.

— Дела задержали.

— У всех дела. А годы всё равно идут.

Шота посмотрел на её лицо.

— Как твой сын?

Женщина опустила ведро.

— Женился. Теперь у него двое детей. Старший уже бегает быстрее отца.

— Значит, всё хорошо.

— Хорошо, — согласилась она. — Только иногда я думаю о тех, кто не вернулся.

Шота не нашёлся с ответом.

Женщина поставила ведро на землю и внимательно посмотрела на него.

— Ты ведь опять ищешь кого-то?

— Ищу.

— Своих?

— Чужих тоже.

Она кивнула, будто именно такого ответа и ожидала.

Когда они снова тронулись в путь, Гурам некоторое время молчал, а потом спросил:

— Почему ты помогаешь этим людям?

— Каким?

— Тем, кого увозят. Ты ведь не родственник ни одному из них.

Шота поправил поводья.

— Когда-то я ехал рядом с одним таким караваном. Мне казалось, что я просто сопровождаю купцов. Я не торговал детьми, не бил их, не запирал в повозках. Только ехал рядом и получал плату за дорогу.

— А потом?

— Потом один мальчик спросил меня, куда мы едем. Я ответил, что не знаю. Он спросил, когда вернётся домой. Я снова ответил, что не знаю.

— И что было дальше?

— Он попросил меня хотя бы запомнить его имя. Я запомнил.

Шота помолчал.

— Иногда человеку кажется, что он ничего дурного не сделал. А потом выясняется, что он просто стоял рядом, когда совершалось зло.

Гурам больше не задавал вопросов.

Вечером того же дня в доме Гиорги зажгли лампу.

Давид сидел у окна и чинил ремень от старого седла. Леван устроился рядом, держа деревянную лошадку Мерани. Мариам готовила ужин, а Гиорги разговаривал с Бесо.

— Я завтра отправлюсь к Закарии, — сказал Гиорги.

— Один?

— Возьму двух людей.

— Тогда возьми и меня.

Гиорги посмотрел на друга.

— Ты же говорил, что у тебя больная спина.

— Она больная только тогда, когда надо работать. А когда нужно ехать за приключениями, совершенно здоровая.

Мариам рассмеялась, но Гиорги остался серьёзен.

— Это не приключение, Бесо.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Если кто-то действительно расспрашивал о моих детях, я должен узнать зачем.

Мариам остановилась у очага.

— Я поеду с вами.

— Нет.

— Гиорги…

— Дома должен остаться кто-то взрослый.

— А если беда придёт сюда?

Он подошёл к жене и положил руку ей на плечо.

— Тогда я хочу знать, что ты и мальчики сможете укрыться.

Мариам посмотрела на него, и в её глазах не было ни страха, ни согласия. Там была та особенная печаль, которую знают женщины, понимающие, что муж уже принял решение, но ещё надеются его изменить.

Давид отложил ремень.

— Отец, я поеду с вами.

— Нет.

— Я уже не маленький.

— Именно поэтому ты останешься.

— Но я могу помочь!

Гиорги присел перед сыном.

— Давид, однажды ты отправишься туда, куда сам захочешь. Но пока твоя задача — быть рядом с братом и матерью.

— А если ты не вернёшься?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что никто не ответил сразу.

Гиорги взял сына за плечи.

— Я вернусь.

Леван поднял голову:

— И привезёшь мне что-нибудь?

— Что ты хочешь?

Мальчик подумал.

— Ничего. Только приезжай.

Гиорги улыбнулся и поцеловал его в лоб.

За окном ветер шевелил ветви орехового дерева. Где-то вдалеке лаяли собаки, а над горами поднималась холодная луна.

Никто в доме ещё не знал, что завтрашняя поездка станет началом долгой дороги. Но каждый из них уже чувствовал: прежняя жизнь, такая простая и привычная, понемногу отступает.

И всё же в эту ночь Мариам снова спела Левану колыбельную. Она пела негромко, почти шёпотом, а мальчик, прижав к себе деревянную лошадку, постепенно засыпал.

Давид долго слушал из соседней комнаты. Он знал эту песню с самого детства, но впервые подумал, что однажды может оказаться далеко от дома и будет помнить не слова, а голос матери.

Вот так, родной. Мы постепенно расширяем мир романа: теперь у нас есть не только те, кого разлучили с домом, но и те, кто однажды может решиться им помочь. А впереди — дорога, которая начнёт сводить эти судьбы вместе.

И небольшое техническое уточнение: сейчас ты достиг лимита генерации изображений, поэтому обложку сможем создать после восстановления доступа. К самому роману это, конечно, не относится — продолжаем!

Глава 8. Птица из орехового дерева

Утро в доме Арчила начиналось с запаха свежего хлеба и потрескивания дров. Старик жил один, если не считать нескольких кур, старого пса по кличке Шави и множества вещей, которые давно перестали быть просто вещами. На стенах висели седла, потемневшие от времени ножи, связки сушёных трав. В деревянном сундуке хранились письма, которые никто уже не мог прочитать, а на полке стояли глиняные сосуды из тех мест, где Арчил побывал в молодости.

Больше всего он дорожил маленькой деревянной птицей.

Она стояла на подоконнике, повернув голову к свету. Крылья были вырезаны грубовато, одно перо не получилось, а на спине сохранился небольшой след от ножа. Но Арчил каждый раз, когда смотрел на неё, видел не дерево, а худенького мальчика с большими глазами.

Тогда мальчику было, наверное, лет девять. Его привели вместе с другими пленниками. Он почти не говорил, не плакал и не просил еды. Только однажды, увидев у Арчила нож и кусок дерева, попросил разрешения вырезать птицу.

— Зачем тебе птица? — спросил тогда Арчил.

— Чтобы она знала дорогу домой.

Старик не забыл этих слов.

Он обещал мальчику сохранить фигурку до его возвращения. Мальчик не вернулся, а обещание осталось.

В тот день к Арчилу пришёл Закария.

— Ты всё ещё держишь её на окне? — спросил он, сняв плащ.

— А куда мне её девать?

— В сундук.

— В сундуке она будет ждать впустую. А так хотя бы видит дорогу.

Закария подошёл к окну и осторожно взял фигурку в ладони.

— Я всё чаще думаю о тех мальчиках, которых мы видели тогда.

— Ты думаешь о них только теперь?

— Раньше я убеждал себя, что ничего не могу изменить.

Арчил посмотрел на него.

— А теперь?

— Теперь боюсь, что ещё не поздно что-то изменить.

Старик кивнул и указал на скамью.

— Садись. Я поставлю чай.

Они долго говорили о письме, которое получил Гиорги, о Шоте и о караванах. Закария сообщил, что собирается отправить в прибрежный город ещё одного человека. Нужно было выяснить, кто именно интересовался детьми Гиорги и почему.

— Ты думаешь, это связано с тем караваном? — спросил Арчил.

— Не знаю. Но слишком много совпадений.

— А если за ними действительно охотятся?

— Тогда надо успеть раньше тех, кто их ищет.

Арчил снова посмотрел на деревянную птицу.

— Знаешь, Закария, я ведь не раз спрашивал себя, почему тот мальчик не забыл свою мать. Он провёл с нами всего несколько дней, а всё повторял одно и то же слово.

— Какое?

— «Нана». Я тогда не понял. Потом мне объяснили, что так он звал мать.

Закария опустил голову.

— Может быть, именно это и спасает человека. Пока он помнит, кого звал в детстве, он ещё не потерян окончательно.

Арчил осторожно вернул фигурку на подоконник.

— Если когда-нибудь он вернётся, я отдам её ему. Даже если мне будет сто лет.

— А если не вернётся?

— Тогда пусть она останется здесь. Кто-нибудь другой однажды спросит, почему старик хранит такую нелепую игрушку. И я расскажу ему эту историю.

В это время в другом конце селения Нино сидела на каменной ограде и ждала Давида. В руках она держала синюю ленту, которую несколько дней назад обещала ему вернуть.

Давид появился не сразу. Он помогал отцу готовить лошадей к поездке и был недоволен тем, что ему запретили сопровождать взрослых.

— Ты опоздал, — сказала Нино.

— Я не обещал прийти к определённому часу.

— Значит, я зря ждала.

— Ты могла бы уйти.

— Могла бы.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Нино протянула ему ленту.

— Держи. Мать сказала, что я должна перестать разбрасывать вещи.

— А ты сказала ей, что лента не твоя?

— Конечно. Я сказала, что она принадлежит одному очень важному человеку.

— И что она ответила?

— Что у этого человека, должно быть, плохая память, раз он не умеет хранить чужие вещи.

Давид рассмеялся.

Они спустились к реке. Вода была холодной, прозрачной, и между камнями виднелись маленькие серебристые рыбки.

— Ты действительно хочешь поехать с отцом? — спросила Нино.

— Да.

— Даже если он запретил?

— Особенно если запретил.

— Это глупо.

— Может быть.

Она сорвала травинку и стала крутить её между пальцами.

— Давид, а ты когда-нибудь думал, что можешь уехать отсюда и больше не вернуться?

Он хотел ответить шуткой, но почему-то не смог.

— Я думал о дальних дорогах. Но не о том, чтобы не вернуться.

— А если тебя увезут?

Давид резко повернулся.

— Кто?

— Никто. Я просто спросила.

Он посмотрел на воду.

— Тогда я буду искать дорогу домой.

Нино кивнула и ничего не сказала. Потом подняла голову и посмотрела на горы.

— Обещай, что если когда-нибудь окажешься далеко, то не забудешь наше селение.

— Не забуду.

— И реку.

— И реку.

— И меня?

Давид смутился.

— Тебя тоже.

Нино улыбнулась, но на этот раз не стала его дразнить.

Глава 9. Четверо в дороге

Караван вышел из небольшого поселения на рассвете.

Впереди ехал Юсуф. За ним двигались несколько всадников, две нагруженные повозки и люди, которые сопровождали пленников. Дорога шла через каменистую равнину, затем поднималась к холмам. На востоке постепенно светлело небо.

Юсуф ехал молча. Ночью он почти не спал. Ему всё время вспоминался мальчик, заболевший в дороге. Он не знал его имени. В документах тот значился просто как «мальчик из северного селения».

Когда они остановились у ручья, Юсуф спешился и подошёл к повозке.

Внутри сидели трое детей и молодая женщина. Самый старший мальчик, лет двенадцати, держал младшего за плечи. Девочка лет десяти смотрела на дорогу через щель между досками.

— Как тебя зовут? — спросил Юсуф у старшего.

Мальчик молчал.

— Я не причиню тебе вреда. Хочу только знать твоё имя.

— Зачем?

Юсуф не сразу нашёл ответ.

— Чтобы не называть тебя мальчиком.

Тот долго смотрел на него, потом произнёс:

— Меня зовут Михаил.

Девочка рядом с ним подняла голову.

— А меня Тамара.

Младший мальчик ничего не сказал. Он прижимал к груди тряпичную куклу, у которой отсутствовала одна рука.

— А его? — спросил Юсуф.

— Его зовут Гиви. Он не разговаривает с чужими.

— А со своими?

— Тоже не всегда.

Юсуф присел возле повозки.

— Откуда вы?

Михаил посмотрел на Тамару. Девочка ответила первой:

— Из разных мест.

— Вы родственники?

— Нет. Нас посадили вместе.

— А родители?

Михаил отвернулся.

— У Тамары мать осталась дома. У Гиви была бабушка. Мой отец…

Он замолчал.

— Что с ним?

— Не знаю.

Юсуф почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он хотел сказать детям, что всё будет хорошо, но не смог произнести эту ложь.

— У вас есть вода? — спросил он вместо этого.

Тамара показала на небольшой кувшин.

— Осталось немного.

Юсуф позвал слугу и велел принести свежую воду и хлеб. Потом обратился к сопровождающему:

— Пусть дети едят отдельно от взрослых. И не связывайте им руки.

— Так приказано.

— Я отвечаю за дорогу.

— А я отвечаю за порядок.

Они долго смотрели друг на друга. Сопровождающий был старше Юсуфа и привык исполнять распоряжения без обсуждений.

— Не заставляй меня напоминать, кто здесь главный, — сказал он.

Юсуф спокойно ответил:

— Не заставляй меня напоминать, что я могу отказаться вести этот караван.

Сопровождающий отвернулся. Он не хотел ссориться из-за нескольких детей.

К вечеру они добрались до постоялого двора. Это было небольшое строение с каменным нижним этажом и деревянной галереей наверху. Во дворе стоял колодец, возле которого двое путников спорили о цене овса.

Юсуф приказал разместить детей в отдельной комнате. Женщину оставили с ними. Она была грузинкой, звали её Кетеван. Её увезли из прибрежного селения вместе с мужем, но во время одной из остановок их разделили.

Юсуф узнал об этом только вечером.

— Ты знаешь, где сейчас твой муж? — спросил он.

Кетеван покачала головой.

— Мне сказали, что его отправили другой дорогой.

— Как его зовут?

— Гурам.

Юсуф поднял глаза.

— Гурам?

— Да. Он был плотником. У него были сильные руки и дурная привычка смеяться, когда я сердилась.

Она улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— У нас есть дочь. Ей пять лет. Я не знаю, где она.

Юсуф почувствовал, что больше не может задавать вопросы.

Он вышел во двор и долго стоял возле колодца. Впервые за многие годы он подумал о том, что однажды ему придётся отвечать не перед Кара-Мустафой и не перед теми, кто платил за его работу.

Перед самим собой.

Ночью Тамара не спала.

Михаил лежал рядом, отвернувшись к стене. Гиви наконец уснул, обняв свою куклу. Кетеван сидела возле окна и смотрела на звёзды.

— Ты знаешь, где мы? — тихо спросила девочка.

— Нет, дитя.

— А далеко ли до моря?

— Может быть, недалеко.

— Если мы увидим море, значит, мы сможем вернуться?

Кетеван повернулась к ней.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что у нас дома тоже было море. Мама говорила, что оно большое и всегда помнит дорогу.

Женщина с трудом сдержала слёзы.

— Море действительно большое, Тамара. Но оно не всегда может помочь человеку найти дорогу.

— Тогда кто может?

Кетеван задумалась.

— Иногда другой человек.

Девочка легла и закрыла глаза.

— Пусть тогда он скорее найдётся.

Кетеван осторожно укрыла её своим плащом.

В соседней комнате Юсуф сидел при свете масляной лампы и рассматривал список пленников. Он нашёл в нём четыре имени, записанных чужой рукой. Михаил, Тамара, Гиви и Кетеван.

Впервые за долгое время он переписал имена в свою собственную тетрадь. Не для отчёта, не для хозяина и не для торговли, а чтобы они не исчезли.

На рассвете караван должен был продолжить путь. Но ещё до того, как во дворе начали седлать лошадей, к постоялому двору подъехал незнакомый всадник.

Он попросил позвать Юсуфа и передал ему сложенный лист бумаги. На нём было всего несколько строк:

«В прибрежном городе спрашивают о мальчиках из горных селений. Один человек по имени Шота ищет следы каравана. Не доверяй всем, кто назовёт себя помощником».

Юсуф перечитал записку дважды. Потом посмотрел в сторону комнаты, где спали дети.

Он впервые подумал, что, возможно, судьба предоставила ему возможность сделать нечто большее, чем просто облегчить дорогу нескольким несчастным людям.

Но для этого ему придётся нарушить приказ. А нарушить приказ было гораздо легче, чем решиться на жизнь после него.

Глава 10. Человек с двумя именами

Хасан-бей проснулся ещё до рассвета.

Он давно привык вставать раньше остальных. В молодости его учили, что воин должен встречать утро прежде, чем утро встретит его. С тех пор прошло много лет, но привычка осталась.

Он умылся, надел чистую одежду и вышел во внутренний двор. Там уже занимались молодые ученики. Один отрабатывал удары деревянным мечом, другой пытался удержать равновесие на движущейся перекладине. Али, самый способный из них, спорил с товарищем о том, какой конь быстрее.

— Вы ещё не научились правильно садиться в седло, а уже выбираете себе коней, — заметил Хасан.

— Учитель, хороший конь должен быть быстрым.

— Хороший конь должен прежде всего слушаться всадника.

— А если всадник не умеет ездить?

— Тогда ему нужен не конь, а терпеливый осёл.

Молодые люди рассмеялись.

Хасан взял деревянный меч и попросил Али показать вчерашний приём. Тот выполнил движение быстро, но слишком широко открылся для ответного удара.

Хасан легко коснулся его плеча.

— Вот здесь ты уже проиграл.

— Но я успел бы отступить.

— А если за твоей спиной будет товарищ?

Али задумался.

— Тогда он пострадает.

— Именно. Воин отвечает не только за себя. Запомни это раньше, чем тебе придётся проверять на собственной крови.

Он вернул меч ученику и направился к выходу.

У ворот его ждал посыльный Бея Абдуллы.

— Хасан-бей, господин просит тебя прибыть немедленно.

— Что случилось?

— Пришли известия о караване. Он хочет обсудить его прибытие.

Хасан кивнул.

В доме Бея Абдуллы уже собрались несколько человек. На низком столике стояли чашки с кофе, рядом лежали письма и небольшая карта. Сам хозяин сидел у окна, откуда открывался вид на внутренний сад.

— Ты опоздал, Хасан, — произнёс он.

— Я был на занятиях с учениками.

— Они не разбегутся.

— Пока не разбегаются.

Бей Абдулла усмехнулся и указал на место рядом с собой.

— Караван задерживается. В нём есть люди, которых должны передать нашим знакомым. Мне сообщили, что среди сопровождающих находится молодой переводчик по имени Юсуф.

Хасан посмотрел на карту.

— Я его знаю?

— Нет. Но он уже несколько раз доставлял людей из прибрежных областей. У него хорошая память и способности к языкам.

— А что требуется от меня?

— Встретить караван и проверить, всё ли доставлено в соответствии с договорённостью.

Хасан медленно поднял глаза.

— Я воин, Абдулла. Не торговый надсмотрщик.

— Ты человек, которому я доверяю.

— Тогда доверь мне не участвовать в том, чего я не одобряю.

Бей Абдулла откинулся на подушки.

— Ты всегда был слишком прямолинеен.

— Я стараюсь не забывать, что однажды сам оказался на месте тех, кого теперь привозят.

Хозяин некоторое время молчал.

— Ты думаешь, я забыл, откуда ты?

— Нет.

— Тогда пойми и другое. Я не могу отменить порядки, существующие задолго до нас. Но я могу не допустить беспорядка, жестокости и бессмысленной гибели людей. Если ты встретишь караван, дети будут находиться под твоей защитой до тех пор, пока не решится вопрос об их дальнейшей судьбе.

Хасан внимательно посмотрел на него.

— А если я решу, что их нельзя передавать дальше?

— Тогда тебе придётся объяснить мне почему.

— Хорошо. Я объясню.

Бей Абдулла улыбнулся.

— Вот за это я тебя и ценю. Ты всегда оставляешь мне возможность пожалеть о собственных поручениях.

Когда Хасан вышел из дома, солнце уже поднялось над крышами.

Он направился к конюшне. Молодой конюх подвёл ему серого коня, которого Хасан называл Сабахом.

— Сегодня далеко, господин?

— Не знаю.

— Тогда возьмите с собой тёплый плащ. Вечером будет холодно.

Хасан посмотрел на юношу.

— Как тебя зовут?

— Исмаил.

— Ты давно здесь?

— С детства.

— А помнишь, откуда родом?

Исмаил пожал плечами.

— Мне говорили, что меня привезли издалека. Я ничего не помню.

Хасан задержал на нём взгляд.

— Совсем ничего?

— Иногда мне снится река. Но я не знаю, настоящая ли она.

Хасан молча взял поводья.

Он не стал говорить, что ему тоже снились реки. Только в его снах они были окружены горами, а на берегу стояла женщина, которую он называл неизвестным ему словом. Он сел в седло и направил коня к воротам.

Глава 11. Цена молчания

Юсуф не спал почти всю ночь.

Записка, полученная на постоялом дворе, лежала перед ним. Он не знал, кто её прислал и можно ли доверять написанному. Но имя Шота было ему знакомо.

Несколько лет назад они встречались в прибрежном городе. Тогда Шота пришёл к Кара-Мустафе по делу, связанному с перевозкой товаров. Юсуф запомнил его спокойный голос и шрам на правой щеке. Этот человек не задавал лишних вопросов, но, казалось, замечал всё.

Теперь он искал караван.

Юсуф понимал, что встреча с ним может изменить многое.

Утром он подошёл к Кетеван.

— Я хочу поговорить с тобой.

Женщина насторожилась.

— Зачем?

— Ты говорила, что твой муж — плотник. Где вы жили?

— В одном селении недалеко от Кутаиси. Потом переехали ближе к морю.

— Как звали вашу дочь?

— Медея.

Юсуф повторил имя.

— Сколько ей лет?

— Пять. Скоро исполнится шесть.

— У неё были какие-нибудь приметы?

Кетеван посмотрела на него с тревогой.

— Зачем тебе это?

— Возможно, я смогу узнать, куда её отправили.

Женщина схватила его за руку.

— Ты знаешь, где она?

— Нет. Но я попробую выяснить.

— Не обещай того, чего не можешь сделать.

Юсуф опустил глаза.

— Ты права.

Кетеван отпустила его руку.

— Тогда скажи мне правду. Ты один из тех, кто нас продаёт?

Он не ответил сразу.

— Я работаю на человека, который этим занимается.

— Значит, ты тоже участвуешь.

— Да.

Женщина отвернулась.

— Тогда зачем ты пришёл ко мне?

— Потому что впервые за долгое время мне стало стыдно за свою работу.

— Стыд не возвращает детей матерям.

— Я знаю.

— И не открывает запертых дверей.

— Знаю.

Кетеван долго смотрела на него. Потом тихо сказала:

— Но если ты действительно хочешь помочь, начни с тех, кто ещё рядом.

Юсуф кивнул.

После полудня караван остановился возле небольшого ручья. Дети вышли из повозки, чтобы размять ноги. Михаил помог Гиви спуститься, а Тамара присела на камень и стала смотреть на воду.

Юсуф подошёл к ней.

— Ты умеешь читать?

— Немного.

— Кто тебя учил?

— Отец. Он говорил, что буквы похожи на маленькие дороги. Если знаешь, как по ним идти, можешь попасть куда угодно.

Юсуф невольно улыбнулся.

— Хорошие слова.

— А ты умеешь читать?

— Умею.

— Тогда почему ты не читаешь нам письма?

Юсуф удивился.

— Какие письма?

— Любые. Там, откуда я родом, отец иногда читал мне письма, которые приходили из других мест. Мне нравилось слушать, как люди рассказывают о своей жизни.

Юсуф присел рядом.

— У меня нет писем.

— Значит, расскажи сам.

Он посмотрел на девочку. Ему было трудно объяснить ребёнку, что его собственная жизнь давно превратилась в череду чужих поручений, дорог и сделок.

— Когда-то я жил в доме, где было много книг, — сказал он наконец. — Мой отец учил меня читать. Он хотел, чтобы я стал учёным.

— А ты стал?

Юсуф усмехнулся.

— Нет.

— Почему?

— Потому что однажды решил, что деньги важнее знаний.

Тамара подумала.

— А теперь ты жалеешь?

— Да.

— Тогда стань учёным.

Юсуф рассмеялся. Впервые за много дней его смех был настоящим.

— Думаешь, всё так просто?

— Не знаю. Но если ты умеешь читать, значит, ещё не поздно.

Михаил, стоявший неподалёку, услышал их разговор.

— Тамара, не разговаривай с ним слишком много.

— Почему?

— Он всё равно работает на тех, кто нас увёз.

Юсуф поднялся.

— Ты прав, Михаил. Я действительно работаю на них.

Мальчик посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда докажи, что можешь работать иначе.

Юсуф ничего не ответил.

Но эти слова он запомнил.

К вечеру к каравану присоединился ещё один всадник. Он привёз распоряжение Кара-Мустафы: задерживаться больше нельзя. Караван должен был прибыть к назначенному месту не позднее чем через три дня.

Юсуф прочитал письмо и сжал его в руке.

Он понимал, что времени почти не осталось.

Ночью, когда остальные уснули, он подошёл к повозке, где находились дети.

— Михаил, — позвал он тихо.

Мальчик открыл глаза.

— Что?

— Завтра мы изменим маршрут.

— Куда мы поедем?

— Пока не знаю. Но я постараюсь сделать так, чтобы вас больше не передавали из рук в руки.

Михаил сел.

— А почему мы должны тебе верить?

Юсуф посмотрел на него.

— Не должны. Пока я ничего не сделал, у вас нет причин мне доверять.

— Тогда что ты собираешься делать?

— То, что давно должен был сделать.

Он отошёл от повозки, не дожидаясь ответа.

В темноте за постоялым двором кто-то тихо свистнул.

Юсуф обернулся.

Из-за стены вышел незнакомый человек. На нём был дорожный плащ, лицо скрывала тень.

— Ты Юсуф?

— Кто спрашивает?

— Человек, который ищет караван.

Юсуф почувствовал, как напряглись мышцы спины.

— Шота?

Незнакомец сделал шаг вперёд.

— Значит, ты меня помнишь.

— Я получил твою записку.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно. Время у нас короткое.

Шота посмотрел на повозку, за которой скрывались дети.

— Сколько их?

— Четверо. И женщина.

— Откуда?

— Из разных мест.

— Имена знаешь?

— Теперь знаю.

Шота внимательно посмотрел на него.

— А своё имя ты ещё помнишь, Юсуф?

Молодой человек нахмурился.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Просто иногда люди так долго называют других чужими именами, что перестают замечать, как сами теряют своё.

Юсуф молчал.

Шота протянул ему руку.

— Нам нужно поговорить до рассвета.

И в эту минуту Юсуф впервые понял, что перед ним не просто человек, разыскивающий караван. Возможно, это был тот самый человек, который сумеет помочь ему сделать выбор, на который он сам никак не решался.

Но доверие, как и дорога домой, не появляется от одного рукопожатия. Его ещё предстояло заслужить.

Глава 12. До первого света

Шота и Юсуф стояли за постоялым двором, возле старой стены, сложенной из крупных камней. Ночь была прохладной. Ветер доносил запах сырой земли и дыма из соседних домов.

— Кто послал тебе записку? — спросил Юсуф.

— Человек, которому я однажды помог.

— Он знает, где находится караван?

— Знает, где он должен оказаться через два дня. Этого достаточно.

— Недостаточно, чтобы спасти людей.

Шота внимательно посмотрел на него.

— Ты говоришь так, будто уже решил их спасать.

— Я ещё ничего не решил.

— Тогда зачем ты вышел ко мне?

Юсуф опустил глаза.

— Потому что больше не могу делать вид, будто ничего не происходит.

Шота помолчал.

— Это хорошее начало. Но не путай раскаяние с поступком. Первое ничего не стоит, если за ним не следует второе.

— Ты думаешь, я не понимаю?

— Думаю, ты пока не знаешь, чего это будет тебе стоить.

Юсуф усмехнулся без радости.

— Кара-Мустафа не простит мне потери каравана. Его люди найдут меня даже в другой стране.

— Возможно.

— А ты говоришь так, словно это тебя не беспокоит.

— Меня беспокоит другое. Если мы сейчас не поможем этим детям, через несколько дней их разделят. Одних отправят в Египет, других — в другие места. После этого найти их будет гораздо труднее.

Юсуф посмотрел на него.

— Ты знаешь, что их ждёт?

— Знаю достаточно.

— А если среди них окажутся те, кто не захочет возвращаться? Если они уже привыкли к новой жизни? Если их родные умерли?

Шота не сразу ответил.

— Тогда никто не должен заставлять их возвращаться. Мы не можем отнять у человека его настоящее ради того, чтобы исправить чужое прошлое.

Юсуф удивлённо взглянул на него.

— Ты говоришь не так, как я ожидал.

— А чего ты ожидал?

— Что ты захочешь вернуть всех домой.

— Я хочу, чтобы у каждого появилась возможность выбрать дорогу самому. Это не одно и то же.

Шота присел на камень и достал небольшой свёрток.

— Здесь письмо от Закарии. Он знает о караване. Ещё один человек должен встретить нас у старой мельницы.

Юсуф развернул лист. Почерк был неровный, но слова читались ясно.

«Не доверяй человеку только потому, что он обещает помочь. Но и не отказывайся от помощи только потому, что она пришла от человека с плохим прошлым. Смотри, что он делает».

Юсуф перечитал письмо.

— Старик мудр.

— Он слишком много видел.

— А ты?

Шота посмотрел в темноту.

— Я тоже.

На рассвете они вернулись во двор.

Караванщики уже готовили лошадей. Старший сопровождающий, которого звали Салих, заметил, что Юсуф выглядит уставшим.

— Где ты был?

— Не спалось.

— В следующий раз спи. Нам предстоит длинная дорога.

Юсуф кивнул.

Салих подозрительно посмотрел на него.

— Ты стал слишком часто разговаривать с пленниками.

— Они люди.

— Я не спрашивал, кто они.

— А я ответил.

Салих подошёл ближе.

— Слушай меня внимательно. Я не знаю, что у тебя на уме, но если ты собираешься вмешиваться в дела Кара-Мустафы, подумай о последствиях.

— Я думаю о них.

— Не похоже.

Салих отвернулся и пошёл к повозкам.

Юсуф смотрел ему вслед. Он понимал, что времени остаётся всё меньше.

Глава 13. Тень над дорогой

Хасан-бей выехал из Каира с небольшим сопровождением. С ним отправились Али, два опытных воина и молодой слуга Исмаил.

Дорога была знакома Хасану. Он не раз проходил по ней, сопровождая людей своего военного дома, встречая посланников и проверяя безопасность торговых путей.

Но сегодня он ехал с тяжёлым сердцем.

— Учитель, — обратился к нему Али, когда они остановились на привал. — Можно задать вопрос?

— Ты уже задал.

— Ещё один.

— Спрашивай.

— Ты когда-нибудь хотел уйти из дома Бея Абдуллы?

Хасан посмотрел на ученика.

— Почему ты спрашиваешь?

— Вчера я слышал, как ты разговаривал с господином. Ты сказал, что не хочешь участвовать в перевозке пленников.

— И что из этого?

— Если тебе не нравится то, что здесь происходит, почему ты остаёшься?

Хасан снял перчатку и провёл ладонью по лицу.

— Потому что жизнь не всегда оставляет человеку возможность выбрать между хорошим и плохим. Иногда приходится выбирать между плохим и ещё худшим.

— Но разве это не оправдание?

Хасан внимательно посмотрел на него.

— Иногда оправдание. Иногда правда. А иногда человек просто боится потерять то, что у него есть.

Али задумался.

— А ты боишься?

— Конечно.

— Чего?

Хасан долго молчал.

— Что однажды узнаю, откуда я родом, и пойму, что все эти годы жил не своей жизнью.

Али хотел что-то сказать, но не стал.

Хасан сел на коня.

— Поехали. До вечера нужно добраться до следующего селения.

В полдень они встретили старого торговца, который вёз на осле мешки с сушёными фруктами.

Хасан остановился, чтобы дать дорогу.

— Откуда держишь путь? — спросил он.

— Из Александрии. Еду к знакомым.

— Не видел ли ты на дороге караван?

— Видел. Вчера они остановились у постоялого двора. Там были повозки, несколько всадников и дети.

Хасан напрягся.

— Сколько детей?

— Не считал. Трое или четверо. Ещё женщина.

— Куда они направились?

Торговец указал рукой на северо-восток.

Хасан поблагодарил его и продолжил путь.

Али заметил, что учитель стал задумчивым.

— Ты думаешь, среди них есть грузины?

— Возможно.

— А если есть?

— Тогда я хочу услышать их речь.

— Почему?

Хасан не ответил.

Он вспомнил одно слово, которое не произносил много лет. Слово, которое когда-то было частью его жизни, а теперь существовало лишь в самых глубоких слоях памяти.

Темир.

Вечером караван остановился возле старого сада. Несколько деревьев росли вдоль каменной ограды, а за ними виднелась заброшенная постройка.

Юсуф подошёл к Шоте.

— Завтра мы должны изменить маршрут.

— Почему?

— Салих подозревает, что я что-то замышляю.

— Он опасен?

— Не знаю. Но он предан Кара-Мустафе и не станет слушать объяснений.

— Тогда нужно действовать осторожно.

— У меня есть предложение. Мы разделим караван. Я уведу сопровождающих по главной дороге, а ты заберёшь детей и Кетеван через старую мельницу.

Шота покачал головой.

— Слишком опасно.

— Другого пути нет.

— Есть. Мы можем обратиться к человеку, который имеет влияние в Каире.

Юсуф усмехнулся.

— Ты говоришь о Хасане-бее?

Шота удивлённо посмотрел на него.

— Ты его знаешь?

— Лично нет. Но слышал о нём. Он не похож на других военных людей. Говорят, он защищает молодых учеников и не позволяет своим людям безнаказанно обижать слабых.

— Тогда нам нужно встретиться с ним.

— А если он выполнит приказ и заберёт пленников?

Шота посмотрел на Юсуфа.

— Тогда будем говорить с ним. Иногда человеку достаточно услышать правду, чтобы понять, что он стоит не на той стороне.

Юсуф не был так уверен.

В ту ночь Хасан-бей остановился в селении, где ему сообщили о приближении каравана.

Он сидел у окна, когда Исмаил принёс ему чашку горячего напитка.

— Господин, скоро рассвет. Может быть, вам стоит отдохнуть?

— Скоро.

Исмаил поставил чашку.

— Можно спросить?

— Сегодня у всех много вопросов.

— Вы когда-нибудь видели человека, который потерял память о своём детстве?

Хасан поднял глаза.

— Почему тебя это интересует?

— Сегодня я встретил старого человека. Он сказал, что меня, возможно, привезли сюда ребёнком. И что у меня могла быть семья.

Хасан долго смотрел на юношу.

— А ты хочешь её найти?

— Не знаю. Иногда мне кажется, что лучше ничего не знать.

— Это тоже понятное желание.

— А вы бы хотели узнать?

Хасан подошёл к окну. Вдалеке темнели холмы, над которыми медленно поднималась луна.

— Я много лет хотел. Потом привык жить с тем, что не знаю. Но, кажется, человек никогда до конца не привыкает к неизвестности.

Исмаил тихо произнёс:

— Мне иногда снится женщина. Она зовёт меня по имени, но я не понимаю, какому.

Хасан медленно повернулся.

— Может быть, однажды вспомнишь.

— А если нет?

— Тогда постарайся стать человеком, которым твоя мать могла бы гордиться, даже если ты никогда её не увидишь.

Исмаил опустил голову.

Хасан остался у окна.

Он вдруг подумал, что в этом мире гораздо больше потерянных детей, чем он когда-либо мог представить. И многие из них уже выросли, обзавелись именами, научились любить и ненавидеть, строить дома и защищать чужие семьи.

Их прошлое не исчезло. Оно просто ждало своего часа.

На следующий день дороги должны были пересечься.

Юсуф ещё не знал, что Хасан-бей уже близко. Хасан не знал, что среди людей, которых ему поручили встретить, находится человек, который добровольно решил помочь пленникам. А Шота пока не подозревал, что встреча с Хасаном может оказаться важнее, чем он рассчитывал.

Но где-то далеко, за горами и морями, в грузинском доме Мариам снова достала из сундука старую детскую рубашку Левана.

Она разгладила ткань ладонями, аккуратно сложила и вернула на место.

— Зачем ты её хранишь? — спросил Гиорги.

— Она ещё хорошая.

Он посмотрел на жену.

— Леван из неё вырос.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Мариам закрыла сундук.

— Чтобы помнить, каким маленьким он был.

Гиорги не стал спорить. Он подошёл к ней, обнял за плечи и некоторое время стоял молча.

За окном начинался дождь.

А где-то на далёкой дороге взрослый мужчина, которого когда-то звали Темиром, приближался к людям, среди которых могли оказаться дети, ещё помнившие свои настоящие имена. И он пока не знал, что однажды ему придётся выбирать между приказом и памятью.

Глава 14. Голос из прошлого

Караван остановился у небольшого селения, расположенного возле старой дороги. Здесь сходились пути торговцев, паломников и военных отрядов. За селением начиналась каменистая равнина, а дальше дорога уходила к землям, откуда уже можно было добраться до Каира.

Юсуф с самого утра был необычно молчалив. Он несколько раз проверял повозки, разговаривал с сопровождающими и каждый раз возвращался к детям. Салих следил за ним с нескрываемым раздражением.

— Ты ведёшь себя так, будто собираешься жениться на этой повозке, — сказал он.

— Я отвечаю за то, чтобы все прибыли живыми.

— Твоя задача — доставить их.

— Разве одно исключает другое?

Салих усмехнулся.

— Ты слишком много думаешь. Это вредная привычка для человека, который получает плату за исполнение приказов.

Юсуф ничего не ответил.

Вскоре со стороны дороги показались всадники. Впереди ехал высокий мужчина на сером коне. Его сопровождали несколько воинов и молодой ученик.

Юсуф узнал его по описанию.

Хасан-бей.

Салих поспешил навстречу прибывшим. Юсуф остался возле повозки.

Хасан спешился и поздоровался с сопровождающими. Его взгляд скользнул по повозкам, по людям, стоявшим во дворе, и остановился на Юсуфе.

— Ты Юсуф?

— Да, господин.

— Мне говорили, что ты знаешь несколько языков.

— Достаточно, чтобы понимать людей, которые не хотят, чтобы их понимали.

Хасан слегка улыбнулся.

— Хороший ответ. Давно служишь Кара-Мустафе?

— Несколько лет.

— И доволен своей службой?

Юсуф посмотрел на него.

— Раньше был доволен.

Хасан ничего не сказал. Он уже привык замечать в людях то, что они стараются скрыть.

— Где пленники?

Салих указал на повозку.

— Здесь. Четверо детей и женщина. Остальные люди отправлены другой дорогой.

— Почему их разделили?

— Таково было распоряжение.

Хасан посмотрел на него с холодным недоверием.

— Кто отдал распоряжение?

— Люди, которым принадлежит караван.

— Люди не могут принадлежать каравану.

Салих нахмурился, но промолчал.

Хасан подошёл к повозке.

— Откройте.

Юсуф сам отодвинул засов.

Внутри сидели Михаил, Тамара, Гиви и Кетеван. Дети выглядели усталыми, но уже не так испуганно, как в первые дни. Михаил сразу придвинулся ближе к младшим.

Хасан заговорил с ними на языке, который был им незнаком. Затем обратился к Юсуфу:

— Спроси, как их зовут и откуда они.

Юсуф перевёл вопрос.

Первым ответил Михаил. Потом Тамара. Гиви молчал, пока Кетеван не положила ему руку на плечо.

Хасан слушал, не перебивая.

— Они из разных мест, — сказал Юсуф. — Михаил и Гиви — из горных селений. Тамара жила ближе к морю. Кетеван из Грузии.

Последнее слово заставило Хасана чуть заметно напрячься.

— Грузия?

— Да.

Он снова посмотрел на женщину.

— Спроси, из какой области.

Юсуф перевёл вопрос.

— Недалеко от Кутаиси, — ответила Кетеван.

Хасан на мгновение закрыл глаза.

Кутаиси.

Он знал это название. Оно всплывало в памяти из детских рассказов, которые ему когда-то рассказывала мать. Но он не мог вспомнить, видел ли сам этот город или только слышал о нём.

— Спроси, давно ли она покинула дом.

Кетеван ответила, и Юсуф перевёл:

— Несколько месяцев назад.

Хасан кивнул.

Затем он попросил детей выйти из повозки.

Тамара спрыгнула первой. Она посмотрела на высокого воина и спросила Юсуфа:

— Он добрый?

Юсуф перевёл вопрос.

Хасан рассмеялся.

— Скажи ей, что я стараюсь быть справедливым. Но доброта — это то, что она сама должна решить.

Тамара внимательно посмотрела на него.

— Тогда пусть сначала поможет нам.

Юсуф перевёл.

Хасан посмотрел на девочку с неожиданной теплотой.

— У неё характер.

— Очень, — ответил Юсуф.

— Это хорошо. Характер иногда помогает выжить там, где сила оказывается бесполезной.

Глава 15. Имя, которое осталось

Позже Хасан приказал устроить детей в отдельном помещении. Кетеван дали чистую одежду и еду. Михаилу разрешили помочь Гиви умыться, а Тамара впервые за долгое время получила возможность спокойно посидеть за столом.

Али принёс им кувшин воды и несколько лепёшек.

— Меня зовут Али, — сказал он, показывая на себя.

Михаил посмотрел на него.

— А меня Михаил.

— Я знаю.

— Откуда?

— Юсуф рассказал.

Тамара взяла лепёшку.

— А ты тоже был пленником?

Али смутился.

— Нет. Я родился здесь.

— Тогда почему ты служишь воину?

— Потому что хочу стать таким же.

— А он хороший?

Али посмотрел на дверь, за которой находился Хасан.

— Он строгий. Но я ему доверяю.

Тамара задумалась.

— Доверие — это когда человек не бросает тебя?

Али не сразу ответил.

— Наверное.

— Тогда я пока никому не доверяю.

Михаил усмехнулся:

— Вот и правильно.

Али улыбнулся.

— Вы оба очень серьёзные для своего возраста.

— Нам пришлось, — ответил Михаил.

Али опустил глаза. Он впервые понял, что его собственное детство было совсем другим.

Хасан сидел в соседней комнате и слушал доклад Юсуфа.

— Кара-Мустафа намерен получить за них деньги, — сказал молодой человек. — Он уже договорился с посредниками.

— А ты?

— Я больше не хочу участвовать в этом.

— Почему?

Юсуф помолчал.

— Я видел слишком много детей, которые переставали плакать. Сначала они звали родителей, потом спрашивали, куда их везут, а потом просто замолкали. Я привык считать это обычным делом.

Хасан смотрел на него внимательно.

— И что изменилось?

— Одна девочка спросила меня, почему я не читаю им письма. Я не смог ответить.

Хасан отвернулся к окну.

— Иногда самые простые вопросы оказываются самыми трудными.

— Я хочу помочь им уйти.

— Куда?

— Домой, если получится.

— А если они не знают дороги?

— Тогда я помогу найти тех, кто знает.

Хасан некоторое время молчал.

— Ты понимаешь, что Кара-Мустафа не оставит это без последствий?

— Да.

— И что тебе придётся отвечать за свои поступки?

— Да.

Хасан встал.

— Тогда я поговорю с Беем Абдуллой. До тех пор дети останутся под моей защитой.

Юсуф с облегчением выдохнул.

— Благодарю тебя.

— Не благодари раньше времени. Я ещё не знаю, смогу ли помочь им вернуться.

— Но ты хотя бы не отдашь их дальше?

Хасан посмотрел на него.

— Пока я жив, никто не станет обращаться с ними как с товаром в моём присутствии.

После разговора Хасан вышел во двор. Тамара сидела на ступеньке и рисовала палочкой на земле. Увидев его, она поднялась.

— Господин, можно спросить?

— Спрашивай.

— Ты знаешь, где находится Грузия?

Хасан замер.

— Знаю.

— А далеко отсюда?

— Очень далеко.

— А ты там был?

Он хотел сказать, что не помнит. Но вдруг понял, что никогда не пытался ответить на этот вопрос вслух.

— Возможно, был.

Тамара посмотрела на него.

— Ты тоже оттуда?

Хасан медленно опустился рядом с ней.

— Когда-то я жил в другой стране. Я был маленьким.

— И тебя тоже увезли?

Он не ответил сразу.

— Да.

Девочка долго смотрела на него, словно пыталась понять, как человек может говорить о таком спокойно.

— А ты помнишь маму?

Хасан почувствовал, как что-то сжалось у него в груди.

— Иногда.

— Как её звали?

Он закрыл глаза.

Перед ним возникло лицо женщины. Тёмные волосы, светлая ткань на плечах, рука, поправляющая ему волосы перед сном. И голос. Тот самый голос, который он слышал во сне много лет.

— Я не помню её имени.

— А как она тебя называла?

Хасан открыл глаза.

— Темиром.

Тамара повторила:

— Темир…

Он вздрогнул.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Ты сам сказал.

Хасан посмотрел на неё, а потом тихо рассмеялся. Впервые за долгое время его прошлое не показалось ему тяжёлой ношей.

— Да. Сам сказал.

Девочка снова присела и продолжила рисовать.

— Значит, у тебя тоже было настоящее имя.

— Да.

— А почему ты его не используешь?

Хасан долго смотрел на неё.

— Потому что люди привыкли называть меня иначе.

Тамара подняла голову.

— Но ведь ты помнишь.

Он не ответил. И девочка, не подозревая, что только что коснулась самой глубокой тайны взрослого человека, продолжила рисовать на земле маленький дом с двумя окнами и деревом возле двери.

Хасан смотрел на рисунок и впервые за многие годы ясно представил себе дом, который, возможно, давно перестал существовать.

Вечером он получил письмо от Бея Абдуллы.

Хозяин военного дома сообщал, что Кара-Мустафа направил к нему посланника и требует немедленной передачи пленников. Он напоминал Хасану о договорённостях и советовал не создавать ненужных осложнений.

Хасан прочитал письмо дважды. Потом взял чистый лист и написал ответ:

«Я получил людей, которые находятся под моей защитой. Пока не выяснено, каким образом они оказались здесь и куда должны быть отправлены, я не считаю возможным передавать их кому-либо».

Он поставил подпись: Хасан-бей. Затем долго смотрел на неё. И впервые подумал, что, возможно, однажды подпишет письмо другим именем, - Темир.

Глава 16. Человек, которому пришлось выбирать

Бей Абдулла прочитал письмо Хасана утром, за чашкой кофе.

Он не спешил. Несколько раз перечитал последние строки, затем положил лист на стол и подозвал слугу.

— Позови Мурада.

Мурад был его давним доверенным человеком. Он занимался хозяйственными делами, знал торговцев, военных и чиновников, а главное — умел отличать опасность от обычной неприятности.

Когда он вошёл, Бей Абдулла указал на письмо.

— Прочти.

Мурад пробежал глазами строки.

— Хасан не хочет передавать пленников.

— Я умею читать, Мурад.

— Простите.

— Что ты думаешь?

— Он всегда был человеком чести. Но иногда честь мешает человеку понимать, в каком мире он живёт.

Бей Абдулла усмехнулся.

— А иногда помогает не превратиться в скота. Продолжай.

— Кара-Мустафа может пожаловаться своим покровителям. У него есть связи. Если мы вступим с ним в спор, это затронет и наши дела.

— Значит, ты советуешь отдать детей?

Мурад помедлил.

— Я советую не торопиться. Сначала нужно выяснить, кто именно заинтересован в их доставке.

— Хорошо. Отправь человека к Хасану. Пусть передаст, что я хочу поговорить с ним лично.

Мурад поклонился и направился к выходу.

— И ещё, — остановил его Бей Абдулла.

— Слушаю.

— Узнай, что известно о происхождении этих детей. Особенно о грузинке.

— Почему именно о ней?

Бей Абдулла посмотрел в окно.

— Потому что Хасан слишком внимательно отнёсся к её словам. Я знаю его много лет. Так он смотрит только тогда, когда прошлое неожиданно оказывается рядом.

Хасан получил приглашение ближе к полудню.

Он перечитал письмо, позвал Али и попросил его остаться с детьми.

— А ты куда? — спросил ученик.

— К Бею Абдулле.

— Он сердится?

— Не знаю.

— А если прикажет отдать пленников?

Хасан посмотрел на него.

— Тогда я должен буду объяснить, почему не могу этого сделать.

— А если он не согласится?

— Значит, придётся искать другой путь.

Али задумался.

— Ты ведь всегда говорил, что воин должен исполнять приказ.

— Я говорил, что воин должен понимать, зачем он его исполняет. Это не одно и то же.

Он накинул плащ и вышел.

Разговор состоялся в саду.

Бей Абдулла встретил Хасана без свидетелей. Они сели возле небольшого фонтана, в котором плавали две золотистые рыбки.

— Ты поставил меня в неудобное положение, — сказал хозяин.

— Не хотел.

— Но поставил.

— Я не могу передать этих людей торговцам.

— Ты знаешь, сколько денег вложено в их перевозку?

— Знаю.

— И знаешь, что Кара-Мустафа не простит нам убытков?

— Пусть требует деньги с меня.

Бей Абдулла усмехнулся.

— У тебя нет таких денег.

— Тогда пусть требует объяснений.

— Ты всегда был бедным человеком с богатой совестью.

Хасан улыбнулся.

— Не знаю, богатая ли она. Но пока ещё моя.

Бей Абдулла некоторое время смотрел на него.

— Ты понимаешь, что твои слова могут поставить под угрозу положение всего дома?

— Понимаю.

— Тогда почему ты так поступаешь?

Хасан помолчал.

— Потому что однажды меня самого привезли сюда ребёнком. Я не помню, кто продал меня и кто получил за меня деньги. Но я помню, что никто не спросил, хочу ли я уезжать.

Бей Абдулла отвёл взгляд.

— Я не был тем человеком.

— Я знаю.

— И не отнимал тебя у семьи.

— Я знаю.

— Я дал тебе образование, оружие, положение. Ты стал человеком, которого уважают.

— И я благодарен тебе за это.

— Тогда почему ты ставишь под сомнение всё, что я делал?

Хасан покачал головой.

— Я ничего не ставлю под сомнение. Я не отказываюсь от своей жизни здесь. Но если мне удалось построить её, это не значит, что я должен считать правильным то, как началась жизнь этих детей.

Бей Абдулла долго молчал.

— Ты хочешь, чтобы я помог им?

— Да.

— А если они захотят вернуться домой?

— Мы должны дать им такую возможность.

— А если дома их никто не ждёт?

— Тогда они должны сами решить, где жить.

Бей Абдулла поднялся и подошёл к фонтану.

— Хорошо. Пока они останутся под твоей защитой. Но я не обещаю, что смогу защитить тебя от всех последствий.

Хасан тоже поднялся.

— Этого я и не прошу.

Глава 17. Возвращение к реке

Гиорги и Бесо выехали из селения ранним утром.

С ними отправились ещё двое мужчин — опытные охотники, знавшие горные тропы. Давид стоял у ворот и провожал отца взглядом.

— Не забудь, что я умею обращаться с оружием! — крикнул он.

Гиорги обернулся.

— Именно поэтому я и оставляю тебя дома!

Бесо рассмеялся.

— Не переживай, Давид! Если твой отец найдёт приключение, я постараюсь привести его обратно целым.

— Ты бы лучше себя сберёг! — ответил Гиорги.

Мариам стояла на пороге. Когда всадники скрылись за поворотом, она ещё долго смотрела им вслед.

Давид подошёл к матери.

— Они вернутся сегодня?

— Не знаю, сынок.

— А завтра?

Мариам погладила его по голове.

— Не заставляй меня отвечать на вопросы, на которые я сама не знаю ответа.

Давид кивнул.

Впервые он понял, что взрослые тоже могут чего-то не знать.

К полудню всадники добрались до дома Закарии.

Старик уже ждал их. Он сидел во дворе и чистил яблоки небольшим ножом. Увидев Гиорги, поднялся.

— Наконец-то.

— Ты знаешь, кто спрашивал о моих детях?

— Пока нет. Но знаю, что это не случайный человек.

— Почему?

Закария достал из-за пазухи небольшой клочок бумаги.

— Вот что мне передали вчера.

Гиорги прочитал несколько строк. Почерк был незнакомый. В записке сообщалось, что в прибрежном городе видели человека, который интересовался мальчиками из горных селений. Его сопровождал молодой переводчик.

— Это тот самый человек со шрамом? — спросил Гиорги.

— Возможно.

— Ты его знаешь?

— Нет. Но Шота знает.

Бесо присел на скамью.

— А кто такой этот Шота? Мы всё время говорим о нём, словно он наш родственник.

Закария улыбнулся.

— Он человек, который умеет находить тех, кого другие давно перестали искать.

— Прекрасно. А где его искать?

— В прибрежном городе.

Гиорги нахмурился.

— Значит, придётся ехать туда.

— Не торопись, — остановил его Закария. — Сначала выслушай меня.

Старик рассказал о караванах, о посредниках, о торговцах, которые собирали людей в разных селениях и переправляли их через порты. Он не скрывал и собственной вины.

— Я сопровождал такие обозы, — закончил он. — И каждый раз убеждал себя, что не участвую в торговле. Я только показывал дорогу.

Гиорги долго смотрел на него.

— Ты видел детей?

— Видел.

— И молчал?

Закария не стал оправдываться.

— Да.

Гиорги резко поднялся.

— Ты мог бы предупредить людей!

— Мог.

— Мог бы помочь им!

— Мог.

— Тогда почему не сделал?

Старик поднял на него усталые глаза.

— Потому что боялся потерять заработок. Потому что считал, что от меня ничего не зависит. Потому что слишком поздно понял, каким человеком становлюсь.

Гиорги отвернулся.

Бесо тоже молчал. Даже он, обычно находивший шутку для любой ситуации, не знал, что сказать.

Наконец Гиорги произнёс:

— Если мы найдём детей, ты поможешь нам?

— Помогу.

— Даже если придётся отвечать за прошлое?

— Особенно тогда.

После обеда они отправились к реке.

Гиорги хотел осмотреть старую переправу, которой пользовались торговцы и путники. Закария говорил, что несколько лет назад здесь проходил караван, увозивший людей из соседних селений.

У переправы они встретили старого лодочника по имени Мераб. Он сидел возле своей лодки, чинил весло и насвистывал мелодию.

Увидев Закарию, он поднял голову.

— Ты всё ещё ходишь по дорогам?

— Пока ноги носят.

— А я всё ещё переправляю людей. Только теперь стараюсь выбирать, кого переправлять.

Гиорги подошёл ближе.

— Ты видел здесь караваны с детьми?

Мераб перестал насвистывать.

— Видел.

— Когда?

— Прошлой осенью. И до того. Несколько раз.

— Куда они направлялись?

— К морю.

— Кто их сопровождал?

Лодочник задумался.

— Один молодой человек. Невысокий, худощавый. Хорошо говорил по-гречески. У него была привычка смотреть людям прямо в глаза.

Гиорги переглянулся с Закарией.

— Ты помнишь его имя?

— Кажется, Юсуф.

Старик медленно выпрямился.

— Юсуф…

— Знаешь его?

— Слышал о нём. Он работал на Кара-Мустафу.

Гиорги сжал кулаки.

— Значит, мы знаем, кого искать.

Мераб покачал головой.

— Не торопись, человек. Я видел этого Юсуфа недавно. Он уже не выглядел таким, как прежде.

— Что ты имеешь в виду?

— Он остановился у моей лодки, дал мне денег и попросил перевезти через реку женщину с ребёнком. Сказал, что они должны добраться до другого берега до наступления темноты.

— И ты перевёз?

— Конечно.

— Почему?

Мераб пожал плечами.

— Потому что женщина плакала, а ребёнок спал у неё на руках. Мне не понадобилось знать больше.

Гиорги задумался.

Впервые за последние дни он услышал о человеке, связанном с торговцами, но совершившем поступок, который не укладывался в привычную картину.

— Может быть, он пытается что-то исправить, — сказал Закария.

— А может быть, это ловушка, — ответил Гиорги.

— Может быть и так.

Бесо поднялся с камня.

— Значит, нам нужно найти Юсуфа, Шоту и этого Кара-Мустафу. Прекрасно. А я-то думал, что мы просто съездим к старому Закарии выпить чаю.

Мераб рассмеялся.

Гиорги впервые за день улыбнулся.

Но улыбка быстро исчезла. Он вспомнил слова Мариам и представил, как Леван засыпает с деревянной лошадкой в руках.

Он должен был вернуться домой.

И должен был сделать всё, чтобы его дети никогда не узнали, что значит просыпаться в чужой стране, не помня дороги назад.

Вечером, когда Гиорги и его спутники уже возвращались, Давид сидел возле дома и вырезал из дерева маленькую фигурку.

Нино подошла к нему.

— Что делаешь?

— Птицу.

— Зачем?

— Просто так.

Она села рядом.

— У тебя плохо получается.

— Я только начал.

— Тогда у тебя ещё есть надежда.

Давид рассмеялся.

Нино взяла фигурку и повертела в руках.

— Она похожа на голубя.

— Я хотел сделать орла.

— Тогда тебе придётся ещё поработать.

Она вернула фигурку и посмотрела на дорогу.

— Твой отец скоро вернётся?

— Надеюсь.

— А если он узнает что-нибудь плохое?

Давид задумался.

— Тогда мы будем думать, что делать дальше.

— Ты говоришь совсем как взрослый.

— Не очень-то приятно.

Нино улыбнулась.

— Не переживай. Ты ещё успеешь им стать.

Она поднялась и направилась домой.

Давид остался возле порога, продолжая работать ножом. Он ещё не знал, что деревянная птица однажды станет для него важнее многих дорогих вещей.

Глава 18. Возвращение домой

Гиорги вернулся в селение к вечеру третьего дня. Дорога оказалась длиннее, чем он рассчитывал: после дождей горная река вышла из берегов, и им с Бесо пришлось искать обходную тропу. Лошади устали, одежда пропиталась сыростью, но Гиорги почти не замечал неудобств. Всё это время он думал о словах Мераба, о человеке по имени Юсуф и о том, что впервые за долгие дни у него появилась не просто тревога, а направление, в котором можно было двигаться.

Мариам ждала у ворот. Увидев мужа, она не бросилась к нему с расспросами. Сначала подошла, взяла его за руку и внимательно посмотрела в лицо.

— Ты вернулся, — сказала она.

— Обещал же.

— Обещания иногда бывают крепче дорог, — ответила Мариам. — Но я всё равно боялась.

Из дома выбежал Леван. Он обнял отца за пояс и сразу потянул его к порогу.

— Мама оставила тебе ужин. А я каждый вечер смотрел на дорогу.

— И что же ты там увидел?

— Ничего. Поэтому и смотрел.

Гиорги улыбнулся и поднял сына на руки. Мальчик уже стал тяжелее, чем отец помнил, хотя прошло всего несколько дней. За его спиной стоял Давид. Он старался держаться спокойно, но в глазах его было столько вопросов, что Гиорги понял: сын всё это время не находил себе места.

— Поговорим, — сказал он Давиду. — Только сначала поужинаем.

Бесо, разувшись у порога, с удовольствием уселся возле очага.

— Вот это я понимаю — возвращение к цивилизации! — объявил он. — Три дня я ел сухой хлеб, пил воду из ручьёв и слушал, как твой отец разговаривает с лошадьми. Причём лошади, кажется, понимали его лучше меня.

— Потому что лошади не задают лишних вопросов, — отозвался Гиорги.

Мариам поставила на стол горячую похлёбку. На несколько минут разговоры стали простыми: о дороге, о дожде, о соседях, о том, что у Бесо за время отсутствия успели починить крышу, хотя он сам уверял, будто без него никто ничего путного сделать не способен.

Лишь когда Леван уснул, а Мариам убрала со стола посуду, Гиорги рассказал о встрече с Мерабом.

— Юсуф, — повторил Давид. — Это тот самый молодой человек, который был с торговцем?

— Возможно. Мераб видел его не однажды. Говорит, что прежде он сопровождал караваны Кара-Мустафы, но недавно помог женщине с ребёнком переправиться через реку.

— Значит, он хороший человек? — спросила Мариам.

Гиорги покачал головой.

— Этого я не знаю. Один добрый поступок ещё не объясняет всей жизни человека. Но он может стать началом другой жизни.

— А Шота? — спросил Давид.

— Шота ищет караваны. Он связан с Закарией. Возможно, именно через него мы сможем узнать, куда увезли детей.

Мариам присела напротив мужа.

— Ты собираешься ехать к морю?

— Собираюсь. Но сначала нужно понять, кому можно доверять. Кара-Мустафа — не случайный торговец. У него есть люди, деньги и связи. Если мы двинемся неосторожно, можем потерять не только след, но и тех, кто ещё способен нам помочь.

Давид подался вперёд.

— Я поеду с тобой.

— Нет.

— Отец…

— Я уже ответил.

— Но я не ребёнок!

Гиорги посмотрел на сына без раздражения.

— Именно поэтому я хочу, чтобы ты научился отличать смелость от нетерпения. Ты думаешь, что взрослый человек тот, кто первым бросается навстречу опасности. Это не так. Иногда взрослость начинается с умения остаться дома, когда сердце требует другого.

Давид опустил глаза. Ему было трудно принять эти слова, но он не стал спорить.

Мариам молчала. Она знала, что муж прав, и всё же понимала сына. Ей самой хотелось отправиться на поиски, пройти все дороги, заглянуть в каждый дом, спросить каждого встречного, не видел ли он мальчика с деревянной лошадкой.

— А если они уже далеко? — тихо спросила она.

Гиорги взял её руку.

— Тогда мы будем искать дальше.

— А если Леван забудет наш дом?

— Он не забудет.

— Ты так говоришь, потому что веришь в это или потому что хочешь, чтобы я поверила?

Гиорги не сразу ответил.

— Потому что дом — это не только стены. Он в том, как ты зовёшь его к ужину, как поправляешь ему одеяло, как поёшь, когда он не может уснуть. Даже если однажды он не вспомнит дороги сюда, что-то из этого останется с ним.

Мариам отвернулась к очагу. Она не хотела, чтобы дети видели её слёзы, но теперь рядом были только муж и старший сын.

Давид поднялся.

— Я завтра пойду к Арчилу. Он обещал показать мне ту птицу, которую хранит.

— Иди, — сказал Гиорги. — Только не задерживайся до темноты.

Когда Давид вышел, Бесо, до этого необычно молчаливый, негромко произнёс:

— Я поеду с тобой к морю.

Гиорги посмотрел на друга.

— Ты и так слишком много для меня сделал.

— Не начинай. Я не из тех, кто бросает друга на полпути. К тому же у меня есть одно преимущество перед тобой.

— Какое?

— Я умею разговаривать с людьми, которые не желают разговаривать с тобой.

Мариам впервые за вечер улыбнулась.

— Это правда. Иногда мне кажется, что Бесо мог бы уговорить даже камень уступить ему дорогу.

— Только если камень хорошо воспитан, — ответил Бесо.

Смех получился коротким, но он вернул дому привычное тепло. И Гиорги подумал, что именно ради таких мгновений нельзя позволить страху стать хозяином их жизни.

Глава 19. Под защитой чужого имени

В Каире утро начиналось раньше, чем в горах. Над городом ещё держалась прохлада, когда Хасан вышел во внутренний двор военного дома. На каменных плитах блестела вода после ночного полива, у стены стояли осёдланные лошади. Али уже занимался с двумя молодыми учениками. Он исправлял их стойку с такой серьёзностью, будто от каждого движения зависела судьба целого войска.

— Ты рано поднялся, — заметил Хасан.

— Я хотел успеть до твоего прихода.

— Значит, ты хотел, чтобы я увидел, как ты работаешь.

Али улыбнулся.

— А разве это плохо?

— Нет. Плохо, когда человек работает только тогда, когда на него смотрят.

Хасан остановился возле учеников и несколько минут наблюдал за занятием. Один из мальчиков держал деревянный меч слишком высоко. Хасан поправил его руку, показал, как переносить вес тела, и объяснил, почему сильный удар ещё не означает победу.

— Запомните, — сказал он обоим, — оружие помогает человеку защитить себя. Но если человек начинает искать повод его применить, оружие уже управляет им.

Али посмотрел на наставника. В последние дни Хасан всё чаще говорил о вещах, которые прежде оставлял при себе.

После занятия они направились к помещению, где временно разместили детей и Кетеван. За ночь удалось достать чистую одежду, воду и еду. У Гиви прошёл жар, но мальчик всё ещё был слаб. Тамара сидела рядом с ним, а Михаил помогал Али разложить принесённые вещи.

Кетеван стояла у окна. Она услышала шаги и повернулась.

— Господин Хасан, — сказала она по-грузински, — мне нужно поговорить с вами.

Он остановился.

Её речь была простой, без украшений, но каждое слово отозвалось в нём странным чувством. Он понимал не всё. Некоторые звуки казались знакомыми, словно он когда-то слышал их во сне, а потом забыл.

— Говорите медленнее, — попросил он на языке, который она понимала.

Кетеван повторила просьбу. Она хотела узнать, удалось ли выяснить что-нибудь о её муже и дочери.

— Пока нет, — ответил Хасан. — Но Юсуф занимается этим. Он отправил людей в несколько мест, где могли останавливаться караваны.

— Моей дочери шесть лет. Её зовут Медея. Она боится темноты и не любит оставаться одна. Если она проснётся и не увидит меня…

Кетеван не закончила фразу.

Хасан не стал говорить ей, что всё непременно будет хорошо. Он уже понял, насколько жестоки бывают такие обещания.

— Я не могу обещать, что мы быстро найдём её, — сказал он. — Но я обещаю, что не позволю забыть её имя.

Кетеван долго смотрела на него.

— Вы знаете, что такое потерять имя?

Хасан невольно опустил глаза.

— Знаю.

— Тогда вы понимаете меня.

Он не ответил. В памяти неожиданно возникла женщина, склонившаяся над маленьким мальчиком. Он не видел её лица ясно, не мог вспомнить цвет одежды или место, где это происходило. Но помнил ладонь на своей голове и голос, произносивший короткое слово.

Мальчик в воспоминании плакал. Женщина пела.

Хасан медленно отошёл к окну. За стенами военного дома шумел город, звенели медные сосуды, перекликались торговцы. Здесь была его жизнь — настоящая, прожитая им, а не выдуманная. Он не собирался от неё отказываться. Но теперь понимал, что за стенами этой жизни существовала другая история, начало которой он не знал.

Вскоре появился Юсуф. Он принёс несколько листов с записями и выглядел усталым.

— Есть новости? — спросил Хасан.

— Немного. Один из караванщиков подтвердил, что женщина по имени Медея действительно была среди детей, доставленных на промежуточную стоянку. Но потом караван разделили. Девочку отправили не в Каир.

Кетеван схватилась за край стола.

— Куда?

— Точно неизвестно. Есть два возможных направления. Одно ведёт к побережью, другое — к владениям человека, который снабжает военные дома молодыми слугами.

— Ты знаешь его имя? — спросил Хасан.

— Пока нет. Но знаю, кто может его назвать.

— Кто?

— Салих.

Хасан нахмурился.

— Он не станет говорить добровольно.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты собираешься к нему?

Юсуф положил записи на стол.

— Потому что я слишком долго знал, где искать выгоду, и слишком мало думал о том, где искать правду. Теперь мне придётся исправлять собственные ошибки.

— Ты понимаешь, что он может обвинить тебя в измене?

— Уже обвиняет.

Хасан внимательно посмотрел на молодого человека. В его голосе не было прежней нерешительности, но и уверенности человека, которому нечего терять, тоже не было. Юсуф боялся. Просто впервые страх перестал быть для него достаточной причиной бездействовать.

— Один ты не пойдёшь, — сказал Хасан.

— Я не просил сопровождения.

— А я не спрашивал, просишь ли ты его.

Али, стоявший у двери, услышал последние слова.

— Я могу поехать с вами.

— Нет, — ответил Хасан. — Ты останешься здесь.

— Но…

— Здесь тоже есть работа. Проследи, чтобы детям ни в чём не отказывали. И особенно присматривай за Гиви. Если ему снова станет хуже, немедленно позови лекаря.

Али хотел возразить, но, взглянув на наставника, промолчал.

Юсуф собрал записи.

— Есть ещё одно обстоятельство. Кара-Мустафа узнал, что дети находятся под вашей защитой. Он требует встречи с Беем Абдуллой.

— Пусть встречается.

— Он будет добиваться, чтобы вас отстранили от этого дела.

Хасан посмотрел на Кетеван, на Тамару, которая осторожно укрывала уснувшего Гиви, на Михаила, пытавшегося выглядеть старше своих лет.

— Тогда ему придётся объяснить, почему он считает, что имеет право распоряжаться чужими детьми.

В этот момент в комнату вошёл Исмаил. Он принёс кувшин с водой и остановился у двери.

— Господин Хасан, — произнёс он, — там один человек спрашивает вас. Он говорит, что пришёл от Бея Абдуллы.

— Кто он?

— Не назвался. Но сказал, что дело срочное.

Хасан взглянул на Юсуфа.

— Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Он вышел во двор, где у ворот стоял незнакомый мужчина в дорожной одежде. Тот поклонился и передал сложенный лист с печатью.

Хасан развернул письмо. Бей Абдулла сообщал, что Кара-Мустафа уже прибыл в его дом и требует немедленного решения. Хасан должен был явиться без промедления.

Ниже, другой рукой, была добавлена короткая строка:

«Не доверяй тем, кто обещает тебе спокойствие. Иногда спокойствие покупают чужой судьбой».

Хасан перечитал её дважды.

Он не знал, кто написал эти слова — сам Бей Абдулла или кто-то из его приближённых. Но теперь понимал: дело перестало быть спором о нескольких пленниках. Люди, привыкшие распоряжаться чужими жизнями, почувствовали, что кто-то нарушил порядок, на котором держалась их власть.

И Хасан собирался встретить их не как человек, защищающий собственную выгоду, а как человек, которому наконец стало ясно, что справедливость иногда требует заплатить за неё самому.

Глава 20. Чужие условия

Дом Бея Абдуллы стоял неподалёку от одной из главных улиц Каира, за высокой каменной стеной, скрывавшей от посторонних глаз внутренний двор с фонтаном и апельсиновыми деревьями. Здесь принимали военных начальников, торговцев, посланников и людей, чьи имена не всегда произносили вслух. Хасан бывал здесь много раз, но сегодня дорога к знакомым воротам казалась ему непривычно долгой.

У входа его встретил Мурад.

— Бей ждёт тебя.

— Один?

— Нет. Кара-Мустафа уже здесь.

Хасан остановился.

— Значит, разговор начался без меня.

— Он не любит ждать.

— Это его трудность.

Мурад едва заметно усмехнулся и повёл его внутрь.

Бей Абдулла сидел у низкого столика. Перед ним стояли чашки с кофе, к которым никто не притронулся. Кара-Мустафа расположился напротив, в дорогой одежде, с перстнями на пальцах. Он выглядел человеком, который привык покупать не только товары, но и время собеседников.

— Хасан, — приветствовал его Бей. — Садись.

— Благодарю, господин.

Кара-Мустафа оглядел его с лёгкой улыбкой.

— Я слышал, ты решил заняться благотворительностью.

— Я решил заняться порядком там, где его не оказалось.

— Красивый ответ. Но порядок в торговле начинается с исполнения договорённостей.

— Договорённость не может оправдывать всё.

Кара-Мустафа поставил чашку на стол.

— Эти дети доставлены по согласованному маршруту. За них уплачены деньги. Люди потратили время, средства, силы. Ты не можешь просто объявить, что теперь они принадлежат тебе.

— Я не объявлял, что они принадлежат мне.

— Тогда почему ты их удерживаешь?

— Потому что они не товар.

В комнате стало тихо.

Бей Абдулла поднял глаза на Хасана. Он не вмешивался, но внимательно следил за разговором.

Кара-Мустафа вздохнул, словно перед ним сидел неразумный ученик.

— Ты говоришь так, будто не знаешь, как устроен этот мир. Дети из горных областей, мальчики из бедных семей, пленники после набегов… Их всё равно увезут. Здесь им дадут пищу, одежду, обучение. Некоторые получат положение, о котором на родине и мечтать не могли.

— Ты говоришь о тех, кому повезло, — ответил Хасан. — А что ты скажешь о тех, кто не пережил дороги? О тех, кого разлучили с матерями? О тех, кто перестал говорить?

— Всякая дорога имеет свою цену.

— Только платят за неё не те, кто её прокладывает.

Кара-Мустафа посмотрел на него уже без улыбки.

— Ты сам прошёл этот путь. И разве твоя жизнь оказалась несчастной?

Хасан выдержал его взгляд.

— Нет. Я благодарен тем, кто дал мне возможность выучиться, стать воином, обрести уважение. Но моя удача не делает правильным то, что со мной сделали в детстве.

Бей Абдулла впервые подался вперёд.

— Это важное различие, Кара-Мустафа. Не всякий человек, получивший выгоду от обстоятельств, обязан оправдывать обстоятельства.

Торговец перевёл взгляд на хозяина дома.

— Я пришёл не для того, чтобы обсуждать философию. Мне нужны ясные ответы. Когда дети будут переданы?

— Не будут, — сказал Хасан.

— Ты забываешь, кому служишь.

— Нет. Я помню, кому обязан своим положением. И потому говорю открыто.

Кара-Мустафа медленно поднялся.

— Тогда я буду вынужден обратиться к тем, кто выше тебя.

— Обращайся.

— Ты рискуешь потерять всё.

Хасан тоже встал.

— Я знаю.

Торговец повернулся к Бею Абдулле.

— Надеюсь, вы понимаете, что подобные решения имеют последствия не только для него.

— Понимаю, — ответил Бей. — Именно поэтому я пока не тороплюсь принимать твою сторону.

Кара-Мустафа поклонился, но в этом поклоне не было уважения.

— Мы ещё поговорим.

Когда он вышел, Бей Абдулла некоторое время молчал. Затем жестом предложил Хасану сесть.

— Ты поставил меня в трудное положение.

— Я не хотел подвергать вас опасности.

— Не льсти себе. Ты уже подверг меня опасности. Вопрос в том, стоила ли она того.

Хасан не ответил.

— Сколько детей у тебя сейчас?

— Трое мальчиков, девочка и женщина из Грузии.

— А остальные?

— Их судьба пока неизвестна.

— И ты собираешься искать каждого?

— Если смогу.

Бей Абдулла посмотрел на него с усталостью человека, который слишком хорошо знал цену большим обещаниям.

— Ты хочешь исправить то, что случилось с тобой.

— Возможно.

— Но ты не вернёшь себе детство, Хасан.

— Я этого и не жду.

— Тогда чего ты добиваешься?

Хасан подумал о Кетеван, о Тамаре, о мальчике Гиви, который впервые за несколько дней уснул без страха, о Михаиле, скрывавшем слёзы за упрямством. Вспомнил и Исмаила, который не знал даже названия своей родной реки.

— Чтобы у них осталось будущее, — ответил он.

Бей Абдулла отвёл взгляд.

— Оставь детей под своей защитой. Но не выходи за пределы Каира без моего разрешения. И не думай, что я смогу остановить Кара-Мустафу, если он найдёт поддержку среди других домов.

— Я понял.

— Нет, Хасан. Ты пока не понял. Этот человек не простит тебе публичного отказа. Он будет искать не только способ вернуть детей, но и возможность доказать, что ты потерял рассудительность.

Хасан поднялся.

— Тогда я постараюсь не дать ему такого повода.

— И ещё одно. Если узнаешь, что кто-то из детей принадлежит семье, готовой заплатить за его возвращение, не принимай решения самостоятельно. Мне нужны сведения, прежде чем начнутся новые неприятности.

Хасан кивнул. Он понимал, что помощь Бея Абдуллы не была безусловной. Но пока это была возможность выиграть время.

Уже у выхода его догнал Мурад.

— Ты слишком далеко зашёл, — тихо сказал он.

— Возможно.

— Кара-Мустафа не из тех, кто забывает обиды.

— Я это заметил.

Мурад помедлил.

— Будь осторожен. Не все в этом доме согласны с Беем.

Хасан посмотрел на него внимательнее.

— Ты предупреждаешь меня?

— Я предупреждаю человека, с которым давно знаком.

— Тогда спасибо.

Мурад не ответил и вернулся во двор.

Глава 21. Синяя лента

На следующее утро Давид отправился к Арчилу. Он взял с собой деревянную птицу, которую вырезал у реки, и спрятал её за поясом. Ему хотелось показать старику свою работу, хотя он подозревал, что Арчил найдёт в ней десяток недостатков.

Дом Арчила стоял на склоне, за небольшим садом. Виноградная лоза оплела деревянную беседку, возле которой старик чинил старую уздечку.

— Опять пришёл? — спросил он, не поднимая головы.

— Ты же обещал показать птицу.

— Я обещал показать одну птицу. Не говорил, что она тебе понравится.

— А если не понравится?

— Значит, будешь смотреть на другую.

Давид рассмеялся.

Арчил отложил уздечку и вошёл в дом. Вернулся он с небольшой деревянной коробкой. Открыв крышку, достал фигурку птицы. Она была вырезана из тёмного орехового дерева, с тонкими крыльями и чуть наклонённой головой. Работа была удивительно точной, хотя дерево местами потемнело от времени.

Давид осторожно взял фигурку.

— Очень красивая.

— Её сделал мальчик, которого увезли много лет назад.

— Он был грузином?

— Да. По крайней мере, так он мне сказал. Его звали Арсен. Он был примерно твоего возраста, когда я впервые его увидел. Только не такой высокий и не такой упрямый.

— А ты его знал?

— Недолго. Я встретил его на дороге, когда он уже находился среди чужих людей. Он почти не говорил. Но эту птицу вырезал сам, а потом отдал мне.

— Почему?

Арчил провёл пальцем по крылу фигурки.

— Сказал, что если однажды вернётся, я должен буду узнать его по этой птице. Я обещал сохранить её.

— И ты веришь, что он вернётся?

Старик не сразу ответил.

— Я верю, что обещание нужно хранить, даже когда не знаешь, сбудется ли оно.

Давид достал свою фигурку.

— Я тоже вырезал птицу.

Арчил внимательно рассмотрел её.

— У этой крыло слишком тяжёлое.

— Я знаю.

— А хвост короткий.

— И это знаю.

— Но она похожа на птицу.

— Значит, я не зря старался.

Арчил улыбнулся.

— Не зря.

Он поставил обе фигурки рядом. Одна была старой, потемневшей, с тонкими линиями, другая — ещё грубоватой, с неровным крылом. И всё же в них было что-то общее.

— Почему ты не рассказал моему отцу об Арсене раньше? — спросил Давид.

— Потому что тогда я ещё не знал, что твой отец станет искать детей. И потому что не всякую историю следует рассказывать только ради того, чтобы облегчить собственную душу.

— А теперь?

— Теперь, возможно, она ему пригодится.

Давид задумался.

— Ты думаешь, этот мальчик ещё жив?

— Я не знаю.

— А если он вернётся и не узнает тебя?

Арчил осторожно положил фигурку обратно в коробку.

— Тогда я покажу ему птицу. Может быть, он вспомнит не меня, а тот день, когда её вырезал. Иногда этого достаточно, чтобы человек нашёл дорогу к себе.

Они ещё долго разговаривали. Арчил рассказывал о старых дорогах, о людях, которые возвращались спустя годы, и о тех, кто так и не смог найти родной дом. Давид слушал, не перебивая.

Когда он вышел из сада, у ворот стояла Нино. Её синяя лента развевалась на ветру.

— Долго ты там был, — сказала она.

— Арчил рассказывал.

— Он всегда рассказывает. Даже когда его никто не спрашивает.

— Зато он знает многое.

Нино посмотрела на фигурку, которую Давид держал в руке.

— Это та самая птица?

— Нет. Эта моя. Но я видел ту, которую сделал мальчик, увезённый много лет назад.

— И что ты о нём узнал?

— Что он хотел, чтобы его помнили.

Нино помолчала.

— Наверное, все хотят, чтобы их помнили.

— Не все. Некоторые хотят, чтобы их нашли.

Девочка опустила глаза. Потом достала из кармана небольшой кусочек синей ткани.

— Я хотела отдать тебе это.

— Зачем?

— На память.

— У меня и так есть память о тебе.

— Но ты ведь поедешь с отцом?

— Он пока не разрешил.

— А если разрешит?

Давид посмотрел на ткань. Она была оторвана от старой ленты, которую Нино носила ещё прошлой весной.

— Я не знаю, когда вернусь.

— Я тоже не знаю, — сказала она. — Но если ты забудешь дорогу домой, я буду сердиться.

Давид улыбнулся.

— Тогда мне придётся запомнить её очень хорошо.

Нино протянула ему ткань. Он взял её и осторожно завязал вокруг запястья.

Они пошли вниз по тропе. Солнце освещало крыши домов, в садах работали женщины, издалека доносился стук молотка. Селение жило обычной жизнью, словно ничего страшного не происходило.

Но Давид уже знал, что за пределами этих гор существовали дороги, на которых дети теряли свои имена. И теперь ему казалось, что он обязан сделать всё возможное, чтобы хотя бы один из них смог вернуться.

Когда они подошли к дому Гиорги, Нино остановилась.

— Передай привет своей матери.

— Передам.

— И Левану тоже.

— Он будет рад.

Нино кивнула и пошла обратно.

Давид ещё некоторое время смотрел ей вслед, потом вошёл во двор. Мариам развешивала бельё, а Леван сидел на ступеньках и катал по каменным плитам свою деревянную лошадку.

— Ты где был? — спросил младший брат.

— У Арчила.

— Он показал птицу?

— Да.

— Она лучше моей лошадки?

Давид присел рядом.

— Нет. Она просто другая.

Леван удовлетворённо кивнул и снова принялся играть.

Давид посмотрел на него и вдруг понял, что именно такие простые вещи он боялся потерять больше всего: голос матери из дома, запах хлеба, шум реки, смех младшего брата, синюю ленту Нино на ветру.

Он поднялся и вошёл в дом.

На столе лежала карта, которую Гиорги разложил перед собой. Отец изучал дороги к побережью.

— Ты всё-таки собираешься ехать? — спросил Давид.

— Да.

— Тогда возьми мою птицу.

Гиорги поднял голову.

— Зачем?

— Может быть, она кому-нибудь напомнит о доме.

Отец долго смотрел на сына, потом взял деревянную фигурку и положил рядом с картой.

— Возьму.

И Давид впервые за последние дни почувствовал, что его желание помочь не осталось только словами.

Глава 22. Человек, который помнил лица

Юсуф знал, что Салих не любит принимать посетителей без предупреждения. Особенно тех, кто прежде работал рядом с ним, а теперь вдруг начинал задавать вопросы о судьбе людей, которых следовало считать уже проданными.

Поэтому он не стал посылать гонца и не стал искать посредника. Он отправился сам.

Салих жил в большом доме неподалёку от торгового двора. Ворота были открыты, но у входа стояли двое вооружённых слуг. Один узнал Юсуфа и хотел было пропустить его, однако второй остановил гостя.

— Господин занят.

— Скажи ему, что пришёл Юсуф.

— Он знает, кто ты.

— Тогда ему будет проще решить, принимать меня или нет.

Через несколько минут слуга вернулся и провёл его во внутренний двор.

Салих сидел под навесом, рассматривая записи в толстой книге. Он был старше Юсуфа лет на двадцать, обладал тяжёлым взглядом и привычкой выслушивать собеседника до конца, прежде чем отвечать. Именно за эту выдержку Юсуф когда-то его уважал.

— Ты изменился, — сказал Салих вместо приветствия.

— Все меняются.

— Не все так быстро.

Юсуф сел напротив.

— Мне нужны сведения о детях, которых доставили последним караваном.

Салих закрыл книгу.

— Ты пришёл просить?

— Пришёл спрашивать.

— Разница небольшая.

— Для меня теперь большая.

Салих посмотрел на него внимательнее.

— Ты действительно решил стать защитником пленников?

— Я решил перестать помогать тем, кто делает их пленниками.

— Красиво сказано. А что ты собираешься делать, когда люди перестанут платить тебе за красивые слова?

Юсуф не ответил сразу. Он вспомнил первую дорогу, на которой сопровождал караван. Тогда он ещё верил, что его работа заключается только в переводе. Он объяснял людям приказы, договаривался о ночлеге, записывал имена. И каждый раз убеждал себя, что не принимает решений, а значит, не несёт ответственности за чужую судьбу.

— Буду искать другую работу, — наконец произнёс он.

Салих усмехнулся.

— Ты думаешь, это так просто?

— Нет.

— Тогда зачем пришёл?

— Среди увезённых детей была девочка по имени Медея. Ей около шести лет. Её мать находится в Каире. Я хочу знать, куда отправили ребёнка.

Салих нахмурился.

— Ты задаёшь вопросы, которые могут дорого обойтись.

— Мне уже говорили.

— И всё же ты здесь.

— Да.

Салих поднялся и прошёлся вдоль стены. Некоторое время он молчал, затем остановился возле открытого окна.

— Девочку отправили вместе с двумя другими детьми. Их должны были доставить в портовый город, а оттуда переправить дальше. Но я не знаю, добрались ли они.

— Кто сопровождал обоз?

— Человек по имени Рашид.

— Где его найти?

— Ты слишком много хочешь узнать за один разговор.

— Тогда начнём с одного ответа. Где сейчас Рашид?

Салих вернулся к столу.

— Он должен быть в торговом дворе к полудню. Но, Юсуф, послушай меня внимательно. Если ты вмешаешься, ты не спасёшь всех. Ты только сделаешь себя врагом людей, которые привыкли решать такие вопросы без свидетелей.

— А если не вмешиваться?

— Тогда проживёшь дольше.

Юсуф поднялся.

— Возможно. Но я не уверен, что смогу уважать себя.

Салих не удерживал его. Только когда Юсуф уже направился к воротам, окликнул:

— Подожди.

Молодой человек обернулся.

— Девочку звали Медея, говоришь?

— Да.

— Я помню этот караван. Там была ещё женщина, которая не хотела отпускать ребёнка. Её пришлось разлучить с дочерью уже на стоянке.

— Кетеван.

— Не знаю её имени. Но помню, как она кричала. Рашид тогда велел увести девочку раньше остальных, чтобы не задерживать обоз.

Юсуф побледнел.

— Ты видел это и ничего не сделал?

Салих устало посмотрел на него.

— Я видел многое, Юсуф. Не всё, что человек видит, он способен изменить.

— Иногда достаточно было хотя бы не помогать.

Юсуф вышел, не дожидаясь ответа.

На улице он остановился, пытаясь собраться с мыслями. Теперь у него было имя — Рашид. И было направление, по которому могла пройти девочка. Но времени становилось всё меньше.

Он направился к торговому двору.

Глава 23. Три имени на листе

Гиорги собирался в путь тщательно. Он не хотел брать лишнего, но понимал, что дорога к побережью может затянуться. Бесо проверял лошадей, Мариам складывала в дорожную сумку хлеб, сыр и сушёные фрукты. Давид молча наблюдал за сборами.

— Ты всё-таки не берёшь меня, — сказал он, когда отец затягивал ремни на седле.

— Не беру.

— Даже если я буду полезен?

— Особенно если будешь полезен. Я знаю, как ты умеешь торопиться, когда считаешь, что от тебя что-то зависит.

— Я уже не маленький.

— Я это вижу.

Гиорги положил руку ему на плечо.

— Послушай меня. Я еду не на войну и не на охоту. Мне предстоит разговаривать с людьми, которым нельзя сразу показывать, что ты думаешь о них. Иногда нужно выслушать даже того, кому не доверяешь. Ты пока не умеешь этого делать.

Давид хотел возразить, но промолчал.

— А если понадобится помощь? — спросил он.

— Тогда я пришлю весточку.

— Обязательно?

— Обязательно.

Мариам вышла из дома с небольшим свёртком.

— Здесь смена одежды и лекарства. Для тебя, Бесо, я положила ещё тёплый плащ. Не спорь, он понадобится.

— Я и не собирался спорить, — ответил Бесо. — С женщинами, которые собирают дорогу лучше мужчин, спорить бессмысленно.

— Наконец-то ты сказал что-то разумное, — заметила Мариам.

Бесо приложил руку к груди, изображая глубокую благодарность.

Перед отъездом Гиорги подошёл к Левану. Мальчик сидел на ступеньках и держал деревянную лошадку.

— Ты опять уезжаешь?

— Ненадолго.

— А если дорога будет длинной?

— Тогда я буду помнить, что меня ждут.

Леван протянул ему лошадку.

— Возьми Мерани.

— Но это твоя любимая игрушка.

— Я знаю. Пусть она поедет с тобой. Тогда ты не забудешь вернуться.

Гиорги осторожно взял деревянную лошадку и присел перед сыном.

— Я не забуду.

Леван обнял его за шею. Мариам отвернулась, чтобы скрыть волнение. Давид стоял рядом, с синей полоской ткани на запястье и деревянной птицей в руках.

— Эту тоже возьми, — сказал он.

Гиорги посмотрел на фигурку.

— Ты уверен?

— Да. Вдруг встретишь кого-нибудь, кто давно не видел родного дома.

Отец положил птицу в дорожную сумку, рядом с лошадкой.

— Тогда у меня будет целая маленькая армия защитников.

— Только не заставляй их сражаться, — попросил Леван.

Бесо уже сидел в седле.

— Если мы сейчас не тронемся, нас здесь оставят до следующего урожая!

Гиорги обнял жену, затем поднялся в седло. Двое охотников, согласившихся сопровождать их до перевала, двинулись следом.

Давид проводил всадников взглядом. Когда они скрылись за поворотом, Нино вышла из-за соседского забора.

— Уехали?

— Да.

— Ты грустишь?

— Я думаю.

— Это иногда одно и то же.

Давид посмотрел на неё.

— Отец сказал, что я ещё не умею разговаривать с людьми, которым не доверяю.

— А ты умеешь?

— Нет.

— Тогда научись. Может быть, когда-нибудь это пригодится.

Он улыбнулся.

— Ты говоришь как Арчил.

— Это потому, что я его иногда слушаю. В отличие от некоторых.

Они пошли к реке. Давид нёс в кармане маленький нож для резьбы, а Нино рассказывала о соседке, которая поссорилась с торговцем из-за цены на овцу. Обычные новости селения звучали теперь особенно дорого. Они напоминали о мире, который существовал до тревожных писем и чужих дорог.

У реки Давид остановился.

— Нино, ты когда-нибудь думала, что человек может забыть, откуда он родом?

— Может забыть название места. Может забыть дорогу. Но разве он забудет всё, что чувствовал там?

— Не знаю.

— Тогда тебе придётся узнать.

Она села на камень и опустила руку в воду. Давид присел рядом.

В тот день они долго не говорили о похищенных детях. Им хотелось хотя бы ненадолго остаться просто двумя молодыми людьми, которым ещё предстояло вырасти, спорить, смеяться и узнавать жизнь.

Гиорги и Бесо тем временем приближались к прибрежной дороге. К вечеру они остановились в небольшом селении, где жили рыбаки и торговцы солью. Хозяин постоялого двора, узнав, что путники направляются к морю, посоветовал им не ехать через старый мост: несколько дней назад там задерживали обозы.

— Кто задерживал? — спросил Гиорги.

— Люди с юга. Говорят, проверяли товары.

— А детей среди товаров не видели?

Хозяин посмотрел на него с недоумением.

— Детей?

— Да.

Тот отвёл глаза.

— Я не люблю говорить о таких вещах.

Бесо положил на стол монету.

— А мы не просим тебя любить. Только рассказать, что ты знаешь.

Хозяин долго рассматривал деньги, затем взял их и убрал в карман.

— Неделю назад здесь ночевал человек по имени Рашид. С ним были двое мальчиков и девочка. Девочка всё время спрашивала, когда увидит мать. Он говорил, что скоро.

Гиорги почувствовал, как внутри всё напряглось.

— Куда они направились?

— К южной дороге. Там есть пристань, откуда уходят небольшие суда.

— Ты запомнил лицо этого человека?

— Да. Высокий, худой, на левой руке старый ожог. И ещё он хромает.

Гиорги переглянулся с Бесо.

— Спасибо, — сказал он хозяину.

Позже, когда они остались одни, Бесо негромко произнёс:

— Мы нашли след.

— Возможно, — ответил Гиорги. — Но пока не знаем, ведёт ли он к Медее.

— Зато теперь у нас есть Рашид.

Гиорги достал из сумки деревянную птицу Давида и положил рядом с собой на стол.

— И есть причина не ошибиться.

За окном шумело море. Где-то в темноте перекликались рыбаки, а на пристани скрипели канаты. Гиорги долго не мог уснуть, думая о девочке, которая спрашивала, когда увидит мать.

Он не знал её лица. Но теперь её имя стало частью его собственной дороги.

В Каире Юсуф тем временем нашёл торговый двор, где должен был находиться Рашид. Однако тот уже уехал. Служащий сообщил, что хромой караванщик отправился к пристани ещё утром, сопровождая небольшую группу людей.

Юсуф почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Когда он вернётся?

— Не знаю.

— Куда именно он направился?

Служащий пожал плечами.

— Спроси у тех, кто отправляет суда. Но не советую вмешиваться в его дела.

Юсуф вышел на улицу и увидел у ворот человека, которого знал по прежней работе. Тот стоял в тени и наблюдал за ним.

— Ты ищешь Рашида? — спросил незнакомец.

— Да.

— Тогда тебе лучше перестать.

— Почему?

— Потому что Кара-Мустафа уже знает о твоих вопросах.

Юсуф молчал.

— Он велел передать тебе, что у каждого человека есть прошлое, которое можно напомнить.

— Передай ему, что я своё прошлое помню.

Незнакомец приблизился.

— А о будущем ты подумал?

Юсуф посмотрел на него спокойно.

— Впервые за долгое время.

Он прошёл мимо, не оглядываясь. В кармане у него лежал листок с тремя именами: Кетеван, Медея и Рашид. И теперь он понимал, что отыскать девочку будет труднее, чем предполагал. Но отступать уже не собирался.

Глава 24. Пристань без названия

Море встретило Гиорги холодным ветром. После горных дорог простор казался непривычным: там, где прежде взгляд упирался в склоны и леса, теперь лежала бесконечная водная поверхность. Волны мерно ударяли о каменные основания пристани, лодки покачивались на канатах, а над крышами складов кружили чайки.

Бесо первым спрыгнул с лошади.

— Если бы я знал, что море такое большое, — сказал он, — я бы никогда не спорил с человеком, который утверждает, что видел его целиком.

— И кто же видел?

— Один купец. Он уверял, что объехал всё море за три года.

— Значит, он три года плутал.

— Вот и я ему сказал. Но он обиделся.

Гиорги не улыбнулся. Он рассматривал пристань, пытаясь понять, где могли держать обозы и кто из местных людей знал о передвижении пленников.

Они нашли небольшую харчевню возле складов. За столами сидели рыбаки, носильщики и несколько торговцев. Хозяин, широкоплечий мужчина с седой бородой, выслушал их вопрос о Рашиде и покачал головой.

— Таких здесь много.

— Этот хромает, — уточнил Гиорги. — На левой руке ожог.

Хозяин перестал вытирать чашку.

— А ты кто ему?

— Человек, которому нужно его найти.

— Это не ответ.

Бесо вмешался:

— А если скажем, что мы его дальние родственники, ты поверишь?

— Нет.

— Вот видишь, Гиорги. В этом городе совсем не ценят семейные связи.

Хозяин поставил чашку.

— Рашид действительно был здесь. Но он уехал вчера вечером.

— С детьми?

— С двумя мальчиками и девочкой. Их сопровождал ещё один человек.

— Куда они направились?

— На южную пристань. Там грузят небольшие суда, которые ходят вдоль берега.

Гиорги побледнел.

— Они уже отплыли?

— Не знаю. Но сегодня утром я видел, как туда привезли бочки с маслом и мешки с зерном. Судно ещё не ушло.

Бесо посмотрел на друга.

— У нас есть время.

— Возможно, — ответил Гиорги.

Он расплатился и вышел. На пристани царила привычная суета. Люди переносили товары, торговались, ругались из-за места у причала. Среди них было много детей — сыновья рыбаков помогали отцам, мальчишки бегали с поручениями, девочки приносили воду.

Гиорги смотрел на каждого ребёнка и всякий раз невольно представлял Левана.

На южной пристани они нашли лодочника, который согласился поговорить только после того, как Бесо купил у него рыбу.

— Я не продаю сведения, — заявил тот.

— Тогда считай, что я купил рыбу, а сведения ты подарил, — ответил Бесо.

Лодочник рассмеялся.

— Ты мне нравишься. Рашида я видел. Он отплыл на небольшом судне, которое принадлежит купцу из Александрии. Девочка была с ним.

— Она плакала? — спросил Гиорги.

— Не знаю. Я был далеко.

— А мальчики?

— Один всё время оглядывался на берег. Другой почти не двигался.

Гиорги почувствовал, как сжалось сердце.

— Когда они вернутся?

— Если вернутся, то не раньше чем через несколько дней.

— Куда направилось судно?

Лодочник назвал прибрежный город.

Гиорги повторил название, стараясь запомнить.

— Мы должны туда попасть, — сказал он Бесо.

— Попадём. Только сначала выясним, кто этот купец и кому принадлежит судно.

Лодочник внимательно посмотрел на них.

— Вы ищете кого-то из своей семьи?

Гиорги не ответил сразу.

— Нет. Но я знаю семью, которая потеряла ребёнка.

Старик долго смотрел на него, затем произнёс:

— Тогда ищите быстрее. На море чужие люди редко возвращают то, что однажды забрали.

Глава 25. Песня на незнакомом берегу

Кетеван не могла спать. В доме, где разместили детей, было тихо. Али дежурил у входа, Михаил уснул на соседней постели, а Тамара сидела возле окна и смотрела на ночные огни города.

— Ты тоже не спишь? — спросила Кетеван.

— Не хочется.

— Почему?

Тамара пожала плечами.

— Когда закрываю глаза, мне кажется, что утром нас снова куда-нибудь увезут.

Кетеван подошла к ней и села рядом.

— Я тоже этого боюсь.

— Но господин Хасан обещал нас защищать.

— Он старается. Это важно.

Тамара повернулась к женщине.

— Ты думаешь, мы вернёмся домой?

Кетеван посмотрела в окно. Она не могла обещать девочке того, чего не знала сама.

— Я думаю, что мы должны продолжать искать дорогу.

— Даже если она очень длинная?

— Особенно тогда.

Тамара некоторое время молчала, затем спросила:

— Ты помнишь все песни, которые пела своей дочери?

Кетеван кивнула.

— Почти все.

— Спой одну.

Женщина задумалась. Потом тихо начала старую грузинскую колыбельную. Голос её сначала дрожал, но постепенно становился ровнее. Она пела не громко, стараясь не разбудить остальных.

Али, сидевший за дверью, услышал незнакомую мелодию. Он не понимал слов, но в ней было что-то удивительно близкое. Ему вспомнился собственный дом, которого он не помнил, и женщина, лицо которой исчезло из памяти раньше, чем он научился его удерживать.

В комнате проснулся Исмаил. Он вышел в коридор и остановился возле двери.

— Что это за песня? — спросил он у Али.

— Не знаю. Кетеван поёт на своём языке.

Исмаил прислушался.

— Я слышал что-то похожее.

— Где?

— Не помню.

Он прислонился к стене. Мелодия продолжала звучать, и вдруг в его памяти возникло несколько слов. Не целая фраза, а отдельные звуки, произнесённые женским голосом. Он попытался повторить их, но не смог.

— Исмаил? — позвал Али.

Молодой человек не ответил.

В комнате Кетеван закончила песню. Тамара осторожно положила голову ей на плечо.

— Твоя дочь тоже её знает?

— Знает. Я пела её, когда она была совсем маленькой.

— Тогда она обязательно вспомнит.

Кетеван погладила девочку по волосам.

— Может быть. Но даже если не вспомнит слов, я надеюсь, что узнает мой голос.

В дверях появился Хасан. Он слышал последние слова.

— Кетеван, — произнёс он на понятном ей языке, — завтра Юсуф отправится искать человека, который сопровождал твою дочь.

Женщина поднялась.

— Вы узнали что-нибудь?

— Пока нет. Но появились новые сведения о караване.

— Значит, Медея жива?

Хасан не стал обманывать её надеждой.

— Мы не знаем. Но теперь у нас есть след.

Кетеван закрыла глаза. Она хотела спросить ещё многое, но не решалась. Наконец произнесла:

— Передайте Юсуфу, что я благодарна ему. И скажите, что если он найдёт мою дочь, я никогда не забуду его.

Хасан кивнул.

— Я передам.

Он вышел в коридор. Исмаил всё ещё стоял возле стены.

— Ты слышал песню? — спросил Хасан.

— Да.

— Что-нибудь вспомнил?

Исмаил долго подбирал слова.

— Не знаю. Мне показалось, что кто-то когда-то пел её возле меня. Но, может быть, это просто воображение.

Хасан положил руку ему на плечо.

— Не торопись. Память не любит приказов.

— А если она никогда не вернётся?

— Тогда у тебя всё равно останется право искать.

Исмаил посмотрел на него.

— Ты тоже ищешь?

Хасан помедлил.

— Да.

— Свою родину?

— Сначала я думал, что ищу её. Теперь понимаю, что ищу ещё и самого себя.

Исмаил опустил голову.

— А если найдёшь, кем ты станешь?

Хасан посмотрел в темноту двора.

— Тем, кем уже стал. Только, возможно, буду лучше понимать, откуда пришёл.

На следующий день Юсуф получил известие от одного из портовых служащих. Рашид действительно сопровождал девочку и двух мальчиков на небольшом судне. Однако на борту находился ещё один человек, которого Юсуф не знал. Служащий описал его как пожилого купца с седой бородой и дорогим поясом.

— Это может быть владелец судна? — спросил Юсуф.

— Возможно. Но я не уверен.

— Как называлось судно?

Служащий назвал имя.

Юсуф записал его на листе.

— Куда оно направилось?

— В сторону Александрии. Потом, вероятно, дальше вдоль побережья.

Юсуф поблагодарил его и вышел. На улице его ждал Хасан.

— Есть новости?

— Да. Медея могла быть на судне, которое направилось к Александрии.

— Могла?

— Пока мы знаем только, что Рашид сопровождал девочку с двумя мальчиками. Но я не хочу давать Кетеван ложную надежду.

Хасан кивнул.

— Что собираешься делать?

— Найти судно. Узнать, кто его хозяин. А потом разыскать Рашида.

— Я поеду с тобой.

Юсуф посмотрел на него.

— Бей Абдулла запретил тебе покидать Каир.

— Он запретил мне выезжать без разрешения. Это не одно и то же.

— А если он не даст разрешения?

— Тогда придётся выбирать, что важнее.

Юсуф внимательно посмотрел на Хасана.

— Ты уже сделал свой выбор.

— Не совсем. Я ещё не знаю, какую цену за него придётся заплатить.

Они направились к дому Бея Абдуллы. Впереди их ждала дорога, а за ней — неизвестность. Но впервые за долгое время в этой неизвестности появился конкретный человек, которого можно было искать, и место, куда можно было отправиться.

А где-то далеко, на берегу незнакомого моря, маленькая девочка по имени Медея, возможно, тоже смотрела на воду и думала о матери. И никто из тех, кто искал её, пока не знал, что именно эта девочка однажды заставит несколько чужих судеб встретиться.

Глава 26. Цена разрешения

Бей Абдулла выслушал Хасана, не перебивая. Юсуф стоял рядом, держа в руках лист с названием судна и несколькими сведениями, полученными от портового служащего.

— Ты хочешь отправиться в Александрию? — переспросил Бей.

— Да.

— Сколько людей собираешься взять?

— Двух сопровождающих. Возможно, Исмаила.

— А Юсуф?

— Он знает людей, связанных с торговыми дворами. Без него мы потеряем время.

Бей Абдулла посмотрел на молодого переводчика.

— Ты понимаешь, что тебя могут задержать?

— Понимаю.

— Тебя могут обвинить в краже сведений, нарушении договоров и помощи беглым пленникам.

— Я понимаю и это.

— А что ты можешь предложить взамен?

Юсуф поднял глаза.

— Правду о том, куда отправляют детей.

Бей Абдулла усмехнулся, но в его улыбке не было веселья.

— Правду нельзя положить на весы. Она не возмещает убытков и не удерживает людей от мести.

— Зато без неё невозможно понять, что именно мы защищаем.

Хасан взглянул на Юсуфа. Молодой человек говорил спокойно, хотя прекрасно понимал, что каждое его слово может окончательно закрыть перед ним двери прежнего мира.

Бей Абдулла поднялся и подошёл к окну.

— Я не могу позволить тебе, Хасан, действовать так, будто весь этот город принадлежит твоей совести. Здесь есть люди, от которых зависит порядок, торговля, безопасность улиц. Ты поставил под угрозу отношения, которые складывались годами.

— Я не требую, чтобы вы поддерживали меня во всём.

— А чего ты требуешь?

— Разрешения поехать в Александрию и выяснить судьбу детей.

Бей Абдулла долго молчал.

— Хорошо. Поезжай. Но не бери с собой большой отряд. Я не хочу, чтобы это выглядело как военная операция.

— Благодарю.

— Не благодари раньше времени. Если найдёшь детей, не пытайся силой забрать их у тех, кто может предъявить документы или договоры. Сначала выясни обстоятельства. Мне нужны доказательства, а не очередная история о том, как один воин решил исправить весь мир.

Хасан принял эти слова без возражений.

— Я понял.

— И ещё. Мурад поедет с вами.

Хасан удивлённо посмотрел на хозяина.

— Мурад?

— Он знает людей в Александрии. Кроме того, мне нужен человек, который будет сообщать, что происходит. Не всякое известие следует передавать через Юсуфа.

Юсуф сдержанно кивнул. Он понимал, что это недоверие, но спорить не стал.

Когда они вышли во двор, Хасан задержался рядом с Мурадом.

— Ты сам вызвался?

— Нет. Бей приказал.

— И ты доволен?

Мурад поправил пояс.

— Я доволен тем, что не обязан выбирать между твоей дружбой и своим положением.

— А если придётся?

Мурад посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда, надеюсь, ты не заставишь меня делать этот выбор.

Глава 27. Чужой берег

Гиорги и Бесо прибыли в прибрежный город на следующий день после полудня. Дорога оказалась трудной: несколько участков размыло дождями, а у одного селения пришлось задержаться из-за заболевшей лошади.

Город встретил их запахом рыбы, смолы и мокрых канатов. На пристани толпились торговцы, грузчики, матросы. Гиорги сразу направился к конторе, где регистрировали прибывающие суда.

Чиновник за столом поднял голову.

— Что вам нужно?

— Сведения о судне, которое недавно отправилось из южной пристани. Оно шло в сторону Александрии.

— Название?

Гиорги назвал его.

Чиновник перелистал несколько страниц.

— Было здесь. Отправилось два дня назад.

— Кто владелец?

— Купец по имени Салман.

— А кто сопровождал груз?

Чиновник внимательно посмотрел на посетителя.

— Почему вас это интересует?

Бесо вмешался:

— Потому что мы ищем родственников.

— Тогда обращайтесь к владельцу судна.

— Где его найти?

— Здесь. Но он не обязан принимать каждого, кто приходит с улицы.

Гиорги положил на стол несколько монет.

— Мы не просим его ничего отдавать. Только поговорить.

Чиновник убрал деньги и назвал адрес.

Дом Салмана находился в квартале, где жили состоятельные купцы. Их встретил слуга, который сначала отказался впустить незнакомцев, но после короткого разговора согласился передать хозяину просьбу о встрече.

Купец принял их в небольшой комнате с коврами и книжными полками. Он оказался человеком лет пятидесяти, с аккуратно подстриженной бородой и спокойными манерами.

— Вы спрашиваете о моём судне, — сказал он. — Что именно хотите узнать?

— На борту были дети, — ответил Гиорги.

— Были.

— Девочка и двое мальчиков?

Салман задумался.

— Возможно. Я не занимаюсь сопровождением пассажиров лично.

— Один из них был человеком по имени Рашид. Он хромает, на руке у него ожог.

Купец посмотрел на Гиорги уже иначе.

— Зачем вам этот человек?

— Я ищу девочку, разлучённую с матерью. Её зовут Медея.

Салман некоторое время молчал.

— Я слышал это имя.

Гиорги почувствовал, как у него пересохло во рту.

— От кого?

— От одного из матросов. Он рассказывал, что девочка всю дорогу спрашивала, когда её вернут домой. Рашид раздражался, но другой сопровождающий велел ему не трогать ребёнка.

— Кто был этот человек?

— Пожилой купец. Я не знаю его настоящего имени. Его называли господином Юнусом.

Бесо наклонился вперёд.

— И куда они направились?

— Судно должно было зайти в Александрию, но я не знаю, оставались ли там дети. Дальше их могли перевезти на другое судно.

— Значит, мы опоздали? — спросил Гиорги.

Салман покачал головой.

— Не обязательно. Есть ещё один человек, который может знать больше. Его зовут Фарид. Он занимается размещением прибывающих людей и товаров. Если дети сошли на берег, он мог видеть их.

Гиорги поднялся.

— Где его найти?

Купец назвал улицу и номер дома.

— Но предупреждаю вас: Фарид не любит, когда его расспрашивают о чужих делах.

Бесо встал следом.

— А мы, напротив, очень любим, когда нам отвечают на вопросы.

Салман невольно улыбнулся.

— Тогда вам придётся запастись терпением.

Когда они вышли на улицу, Гиорги остановился возле стены.

— Ты слышал? Она была на судне.

— Слышал.

— Значит, Медея действительно могла быть там.

Бесо посмотрел на него.

— Мы не знаем, где она теперь. Но знаем, куда двигаться дальше.

Гиорги достал из сумки деревянную лошадку Левана. Он осторожно провёл пальцем по её неровной спинке и снова спрятал игрушку.

— Иногда мне кажется, что я ищу не только чужих детей.

— Знаю, — ответил Бесо.

— Если бы кто-нибудь увёз Левана…

Бесо не дал ему закончить.

— Не думай об этом сейчас. У тебя есть дорога, и ты должен пройти её до конца.

Они направились к дому Фарида.

Глава 28. Мальчик, который не плакал

В Александрии Медея сидела возле маленького окна. Комната, в которой её поселили, была чистой, но чужой. На стене висела лампа, в углу стоял кувшин с водой, а на низкой постели лежало одеяло.

Двое мальчиков находились в соседней комнате. Старший, лет двенадцати, почти не разговаривал. Младший всё время спрашивал, когда их отпустят.

Медея уже перестала задавать этот вопрос. Она поняла, что взрослые отвечают на него каждый раз по-разному.

В дверь вошла женщина с подносом.

— Поешь, девочка.

Медея посмотрела на хлеб и миску с кашей.

— А можно мне оставить кусочек на потом?

— Зачем?

— Для брата.

Женщина нахмурилась.

— Твоего брата здесь нет.

— Я знаю. Но если он придёт, я хочу, чтобы ему было что поесть.

Женщина поставила поднос на стол. Несколько секунд она смотрела на ребёнка, потом отвернулась.

— Поешь сама. Здесь никто не знает, когда кто придёт.

Когда она вышла, Медея отломила маленький кусочек хлеба и спрятала его в тканевый мешочек. Она не знала, зачем продолжает это делать. Возможно, потому, что так поступала дома, когда мать отправляла её к соседям и просила захватить угощение для младшего брата.

Мальчик из соседней комнаты появился в дверях.

— Ты опять оставляешь хлеб?

— Да.

— Зачем?

— Для Давида.

— Он здесь?

— Нет.

— Тогда он испортится.

Медея посмотрела на него.

— А вдруг он придёт завтра?

Мальчик сел на край постели.

— Меня зовут Михаил. А тебя?

— Медея.

— Я знаю. Ты уже говорила.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хотел услышать ещё раз.

Она впервые за долгое время улыбнулась.

Михаил посмотрел на неё.

— У меня тоже есть брат. Его зовут Гиви. Он маленький, но очень упрямый. Если мы вернёмся домой, он будет рассказывать всем, что ничего не боялся.

— А ты?

— Я тоже ничего не боялся.

Медея внимательно посмотрела на него.

— Ты ведь плакал ночью.

Михаил отвернулся.

— Это не считается.

— Почему?

— Потому что я не хотел, чтобы ты слышала.

Медея не стала спорить. Она подвинула к нему кусочек хлеба.

— На. Только не говори, что не голоден.

Мальчик взял хлеб.

В этот момент дверь открылась, и в комнату вошёл Рашид. Его левая рука была перебинтована, а походка оставалась неровной.

— Что вы здесь делаете?

Михаил поднялся.

— Разговариваем.

— Вам запрещено выходить из своих комнат.

— Мы не выходили, — спокойно ответила Медея.

Рашид посмотрел на неё, потом на хлеб в руках мальчика.

— Вы должны есть то, что вам дают, и не задавать лишних вопросов.

— Когда я увижу маму? — спросила Медея.

Он нахмурился.

— Я уже говорил, что скоро.

— Ты всегда говоришь скоро.

— Потому что так и будет.

— А если не будет?

Рашид замолчал. Он не любил смотреть детям в глаза, когда они задавали такие вопросы. В них было слишком много доверия, которое он не заслуживал, и слишком много страха, который не мог устранить.

— Завтра вас переведут в другое место, — наконец произнёс он.

Медея побледнела.

— Всех троих?

— Да.

— А нас опять разлучат?

— Не знаю.

Она прижала к себе мешочек с хлебом.

— Я не хочу.

Рашид посмотрел на неё, потом вышел, не ответив.

Михаил подошёл к окну.

— Нам надо придумать, как не потерять друг друга.

— Как?

— Пока не знаю.

Медея подумала и сказала:

— Давай запомним имена друг друга. Если нас разлучат, мы сможем искать.

— А если забудем?

— Тогда будем повторять.

Она произнесла его имя ещё раз:

— Михаил.

Он улыбнулся.

— Медея.

Они повторили имена друг друга несколько раз, словно это было самое важное занятие на свете. И, возможно, так оно и было.

Глава 29. Человек, который не хотел задавать вопросов

Александрия встретила Гиорги и Бесо шумом, в котором трудно было различить отдельные голоса. Здесь кричали торговцы, спорили грузчики, звали носильщиков, ругались возчики, и над всем этим стоял густой запах моря, рыбы, смолы и пряностей. Казалось, сам город никогда не замолкал, даже ночью продолжая разговаривать с морем на десятках языков.

Бесо, привыкший к горным дорогам и небольшим селениям, некоторое время с интересом разглядывал пристань.

— Если здесь потеряешь человека, — произнёс он, — то найдёшь его разве что через сто лет. И то если он сам захочет, чтобы его нашли.

— Поэтому не будем терять друг друга, — ответил Гиорги.

— Я-то не собираюсь. У меня дома жена. Она, конечно, иногда сердится, но всё-таки предпочитает сердиться на меня живого.

Гиорги невольно улыбнулся. Бесо умел находить слова даже тогда, когда улыбаться совсем не хотелось.

Они нашли Фарида ближе к полудню. Его двор находился за рядом лавок, где торговали тканями, медной посудой и привозным зерном. Сам хозяин сидел в тени навеса, проверяя записи в толстой книге. Это был мужчина лет пятидесяти, с аккуратно подстриженной бородой и усталым лицом человека, который слишком часто вынужден решать чужие неприятности.

— Нам сказали, что ты знаешь прибывающих с моря людей, — начал Гиорги.

Фарид не поднял головы.

— В Александрию ежедневно прибывают люди. Некоторые приходят сами, некоторых привозят, иных сопровождают родственники. Уточните.

— Несколько дней назад здесь высадили детей. Девочку и двух мальчиков. Их сопровождал пожилой купец по имени Юнус. Ещё был человек по имени Рашид.

Перо в руке Фарида остановилось.

Он поднял глаза и внимательно посмотрел на незнакомцев.

— Кто вы им?

— Мы ищем девочку. Её зовут Медея. Её мать находится далеко отсюда и думает о ней каждый час.

— А отец?

— Мы пока не знаем, где он.

Фарид отложил перо.

— Вы не первые, кто ищет детей. И не первые, кто приходит сюда с рассказами о несчастных матерях. Иногда это правда. Иногда люди пытаются выдать чужих детей за своих. Иногда за такими поисками стоят долги, торговые споры и месть.

— Значит, ты привык никому не верить? — спросил Бесо.

— Я привык не задавать вопросов, ответы на которые могут погубить меня.

Гиорги положил на стол небольшой свёрток. Внутри находился кусок детской ткани, который Кетеван передала Юсуфу как примету. На ткани сохранилась вышитая красная веточка с двумя листьями.

— Это сделала её мать. Она сказала, что девочка носила такую вещь. Если ты видел её, то узнаешь.

Фарид долго рассматривал вышивку.

— Я видел девочку, — наконец произнёс он. — Маленькую. Тёмные волосы, большие глаза. Она почти не разговаривала. Когда её привели, она держала за руку одного мальчика. Тот был старше и старался не показывать, что боится.

— Михаил, — тихо сказал Гиорги.

— Возможно. Имя я не запомнил. Запомнил другое: девочка спросила, далеко ли отсюда море. Ей ответили, что оно совсем рядом. Тогда она сказала, что море не может быть далеко, потому что оно помнит её дом.

Бесо опустил глаза. Он понял, что Гиорги услышал в этих словах нечто большее, чем случайную детскую фразу.

— Где они сейчас? — спросил тот.

Фарид помолчал.

— В доме за старым рынком. Их собирались перевести сегодня или завтра. Рашид получил распоряжение подготовить детей к отправке.

— Куда?

— Этого я не знаю.

— Ты можешь нас туда провести?

Фарид посмотрел на обоих мужчин.

— Если я это сделаю, мне придётся объяснять, почему я вмешался в дело, которое меня не касается.

— А если не сделаешь, — ответил Гиорги, — однажды тебе, возможно, придётся объяснять самому себе, почему ты промолчал.

Фарид отвернулся. Несколько мгновений он слушал шум улицы, словно надеялся, что чужой разговор растворится в нём.

— Я не могу обещать, что помогу вам забрать девочку. Но могу показать дом. И ещё одно: не пытайтесь войти туда с оружием. Там есть люди, которые исполняют приказы, не интересуясь, справедливы они или нет.

— Мы не за дракой пришли, — сказал Бесо. — Драка у нас и дома иногда случается, когда жена узнаёт, сколько денег я потратил на дороге. Но это совсем другое дело.

Фарид впервые едва заметно улыбнулся.

Он закрыл книгу, поднялся и велел слуге присмотреть за двором.

— Идёмте. Только помните: я показал вам дорогу. Больше ничего.

Гиорги кивнул.

Он уже понял, что этот человек не был ни другом, ни врагом. Иногда именно такие люди и решают, получит ли чужая беда возможность быть услышанной.

Глава 30. Хлеб, оставленный на завтра

В доме за старым рынком было прохладнее, чем на улице. Узкие окна пропускали мало света, а стены хранили запах сырости и старого дерева. Детей разместили в небольшой комнате, где стояли три низкие лежанки и деревянный сундук.

Медея сидела на полу возле стены. Перед ней лежал кусочек хлеба, завёрнутый в ткань.

Михаил устроился рядом с окном. Он пытался разглядеть улицу через узкую щель между ставнями, хотя видел только ноги прохожих и колёса телег.

Третий мальчик, которого звали Самиром, спал, поджав колени. Он был немного младше Михаила, родом из семьи, жившей где-то на южном берегу моря. Почти всё время он молчал, но иногда начинал тихо напевать какую-то песенку, которую никто из окружающих не понимал.

— Ты опять не ешь? — спросил Михаил, заметив хлеб у Медеи.

— Это на завтра.

— Завтра дадут другой.

— А вдруг не дадут?

Михаил задумался.

— Тогда разделим мой.

Девочка посмотрела на него с недоверием.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что у меня есть младший брат. Я привык делиться.

— А где он?

— Не знаю.

— Ты думаешь, он ищет тебя?

Михаил отвернулся к окну.

— Наверное. Когда я был дома, он всегда искал меня, если я уходил далеко. Однажды я спрятался за сараем, чтобы он не нашёл. Он плакал так, что отец рассердился на меня. Я потом отдал ему свою деревянную свистульку.

— У меня тоже есть брат, — сказала Медея. — Давид. Он старше меня. Он умеет чинить игрушки и однажды сделал мне маленькую лодочку. Я её потеряла.

— Может быть, он тоже тебя ищет.

— Мама ищет, — поправила девочка. — Я знаю.

Она произнесла это с такой уверенностью, что Михаил не стал спорить.

В дверь постучали.

Дети мгновенно замолчали.

Вошёл Рашид. Его левая рука, на которой виднелся старый ожог, была перевязана тонкой полоской ткани. Он посмотрел на лежанки, затем на хлеб возле Медеи.

— Почему не ешь?

— Оставила.

— Для кого?

— Для брата.

Рашид нахмурился.

— Его здесь нет.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Медея прижала хлеб к себе.

— Когда он придёт, ему будет нечего есть.

Рашид хотел что-то ответить, но не нашёл слов. Он видел детей всякими: испуганными, озлобленными, покорными, отчаянными. Но эта девочка сохраняла уверенность, которая не зависела от обстоятельств. Она не понимала устройства мира взрослых, не знала, кто распоряжается её судьбой, но знала, что у неё есть мать, отец и брат. Для неё этого было достаточно, чтобы продолжать ждать.

— Завтра вас, возможно, переведут в другое место, — сказал он.

— Всех? — спросил Михаил.

— Пока не знаю.

— А нас с Медеей вместе?

Рашид посмотрел на мальчика.

— Я не решаю.

— Но ты можешь попросить?

— Я могу многое попросить. Не всё зависит от меня.

Михаил встал.

— Тогда попроси.

Взрослый мужчина неожиданно почувствовал неловкость перед ребёнком.

— Я подумаю.

Он уже направился к двери, когда Самир проснулся и что-то произнёс на своём языке. Рашид остановился.

— Что он сказал?

Михаил пожал плечами.

— Он часто так говорит. Я не понимаю.

Медея подняла голову.

— Он зовёт мать.

Рашид обернулся к мальчику. Тот сидел на лежанке и смотрел на дверь.

— Откуда ты знаешь? — спросил Рашид.

— Потому что я тоже иногда зову маму, когда сплю.

Рашид ничего не ответил. Он вышел и осторожно прикрыл дверь.

Во дворе его ожидал человек, присланный Юнусом. Тот передал распоряжение: детей следовало подготовить к отправке на следующее утро. Место назначения не называлось.

Рашид перечитал записку.

— А если я задержу отправку?

— Тогда отвечать будешь ты.

— Я знаю.

Посланец пожал плечами и ушёл.

Рашид остался стоять посреди двора. Он вспомнил собственное детство, хотя старался не возвращаться к нему. Когда-то и он сидел в чужой комнате, ожидая, что кто-нибудь объяснит, куда его везут и почему нельзя вернуться домой. Он давно убедил себя, что прошлое не имеет отношения к сегодняшним делам. И всё же слова маленькой девочки о хлебе почему-то не выходили у него из головы.

В это время Гиорги и Бесо уже подходили к дому. Фарид остановился на соседней улице.

— Я не пойду дальше, — сказал он. — Если меня увидят, возникнут вопросы.

— Ты и так сделал больше, чем обещал, — ответил Гиорги.

— Не благодарите. Я ещё не знаю, чем всё это закончится.

Бесо протянул ему руку.

— Мы тоже не знаем. Но если однажды у тебя будет нужда в помощи, вспомни, что в горах живут люди, которые умеют быть благодарными.

Фарид пожал руку, затем исчез в толпе.

Гиорги и Бесо остановились у противоположной стены. Через небольшой проём во двор было видно, как Рашид разговаривает с двумя мужчинами. Гиорги узнал приметы, описанные Юсуфом: хромота, ожог на левой руке.

Он не стал торопиться. В доме находились дети, и одно неверное движение могло стоить им последней надежды на спасение.

— Это он? — шёпотом спросил Бесо.

— Да.

— Значит, мы нашли дорогу.

Гиорги посмотрел на закрытую дверь.

— Мы нашли только дом. Теперь надо найти способ открыть её так, чтобы дети не испугались ещё сильнее.

Бесо кивнул.

Они отошли в тень, решив дождаться подходящего момента. А в комнате Медея снова завернула хлеб в ткань и положила возле себя. На этот раз она не стала прятать его глубоко. Ей казалось, что завтра брат может прийти.

Она ещё не знала, что совсем неподалёку её отец впервые за долгое время оказался на расстоянии нескольких улиц от неё. И что дорога, которая так долго уводила людей друг от друга, иногда всё-таки могла привести их к одному порогу.

Глава 31. Ночь перед дорогой

Рашид не спал почти всю ночь.

Он сидел во дворе возле небольшой жаровни, на которой давно погасли угли, и перечитывал записку Юнуса. В ней было всего несколько строк: утром детей следовало передать людям, которые придут за ними до полудня. Никаких объяснений, никаких имён. Только место, время и короткое предупреждение не задерживать отправку.

Рашид знал, что Юнус не любил объясняться. Старый купец считал, что человек, получающий плату за исполнение поручений, должен уметь обходиться без лишних вопросов. Но в последние дни Рашид всё чаще замечал, что вопросы возникают сами собой, даже когда он старается от них избавиться.

Он вспомнил Медею.

«Когда он придёт, ему будет нечего есть».

Рашид посмотрел на свою левую руку. Ожог давно зажил, но кожа на этом месте оставалась стянутой и грубой. Он получил его много лет назад, когда пытался вытащить из горящего дома младшего брата. Брат выжил, однако вскоре после этого их семья распалась, и Рашид больше никогда его не видел. Он не знал, жив ли тот, помнит ли его имя, сохранил ли хоть что-нибудь из прежней жизни.

Возможно, именно поэтому он не мог равнодушно смотреть на детей, хотя привык убеждать себя, что чужие судьбы его не касаются.

Утром он вошёл в комнату раньше обычного.

Михаил уже проснулся и сидел на краю лежанки. Самир спал, а Медея, свернувшись калачиком, прижимала к груди свою ткань с вышитой красной веточкой.

— Вставайте, — сказал Рашид.

Михаил поднялся.

— Мы уезжаем?

— Возможно.

— Куда?

— Пока не знаю.

— Ты всегда говоришь, что не знаешь.

Рашид хотел рассердиться, но вместо этого присел перед мальчиком.

— Послушай. Если сегодня придут люди и начнут вас торопить, не сопротивляйся. Но и не отходи далеко от девочки. Понял?

— Почему?

— Потому что так будет лучше.

Михаил внимательно посмотрел на него.

— Ты хочешь нам помочь?

Рашид не ответил сразу.

— Я хочу, чтобы вы не пострадали.

— Это не одно и то же.

Слова мальчика прозвучали просто, без вызова. Рашид отвёл взгляд.

— Возможно, ты прав.

Медея проснулась и села, потирая глаза.

— А хлеб можно взять?

— Возьми.

— И завтра дадут?

— Не знаю.

Она достала свёрток, осторожно развернула его и отломила маленький кусочек.

— Это Михаилу. Он вчера отдал мне свою часть.

— Оставь себе, — сказал мальчик.

— Нет. Ты тоже должен есть.

Рашид отвернулся к окну. Он вдруг понял, что дети уже создали между собой маленький мир, в котором ещё существовали справедливость, взаимная забота и обещания. И он, взрослый человек, мог разрушить этот мир одним приказом.

Когда он вышел во двор, там уже стояли двое вооружённых слуг. Один из них передал ему, что люди Юнуса задерживаются.

— Насколько? — спросил Рашид.

— Не сказали.

Рашид посмотрел на ворота.

— Тогда пусть подождут.

Слуга удивился.

— Но приказано…

— Я слышал приказ. И сказал, пусть подождут.

Впервые за долгое время Рашид сознательно позволил себе не выполнить распоряжение.

Гиорги и Бесо провели утро неподалёку от дома. Они не могли действовать открыто, пока не понимали, сколько людей находится внутри и кому именно подчиняется Рашид.

— Я бы предпочёл иметь дело с одним человеком, — пробормотал Бесо. — А здесь, похоже, целая лавка хозяев.

— У каждого из них свой страх, — ответил Гиорги. — Надо понять, чего боится этот.

— А если он боится нас?

— Тогда мы должны показать, что пришли не за ним.

Вскоре во двор вошёл незнакомец в дорогой одежде. Он долго разговаривал с Рашидом, несколько раз указывая на записку. Гиорги не слышал слов, но видел, что разговор становится всё напряжённее.

Наконец незнакомец резко развернулся и вышел.

Рашид остался один.

Гиорги решил, что момент настал.

Он подошёл к воротам и постучал.

— Кто? — раздался голос изнутри.

— Человек, который ищет девочку по имени Медея.

За дверью наступила тишина.

Потом послышались шаги.

— Откуда вы знаете это имя?

— От её матери.

Засов отодвинулся не сразу. Но дверь всё-таки открылась.

Глава 32. Имя матери

Рашид стоял перед Гиорги, не убирая руки от двери.

— Кто вы? — спросил он.

— Гиорги. Я ищу девочку, которую привезли сюда с двумя мальчиками.

— Почему вы думаете, что она здесь?

— Потому что мы видели судно, на котором её перевозили. Нам назвали твоё имя.

Рашид внимательно разглядывал незнакомца. В его лице не было ни купеческой самоуверенности, ни привычной настойчивости людей, которые привыкли платить за исполнение своих желаний. Он выглядел измученным дорогой, но держался спокойно.

— Девочку действительно зовут Медея, — сказал Рашид. — Но я не могу отдать её первому встречному.

— И не должен.

Этот ответ удивил Рашида.

— Ты не собираешься спорить?

— Нет. Я слишком долго искал её, чтобы теперь подвергать опасности.

Гиорги достал из дорожной сумки небольшой свёрток. Внутри лежала деревянная лошадка, которую Леван отдал отцу перед отъездом.

Рашид посмотрел на игрушку.

— Что это?

— Мой младший сын сделал её для меня. Его зовут Леван. Он тоже ребёнок. Он не знает, где я сейчас, и каждый день спрашивает мать, когда я вернусь.

Рашид молчал.

— У Медеи есть мать, — продолжил Гиорги. — Её зовут Кетеван. Она жива. Она находится под защитой человека, которого зовут Хасан. Она каждый день произносит имя дочери.

— Кетеван, — повторил Рашид.

— Ты знаешь её?

— Я слышал это имя от женщины, которая ехала с детьми раньше. Она просила передать дочери, что вернётся.

Гиорги почувствовал, как внутри у него всё напряглось.

— Значит, это она.

— Возможно. Я не знаю, кто такая Кетеван и где она сейчас.

— Мы можем доказать, что это её дочь. У девочки есть особая примета. На ткани, которую она носит, вышита красная веточка с двумя листьями. Её мать сделала эту вышивку сама.

Рашид посмотрел на Гиорги уже иначе.

— Подождите здесь.

Он скрылся в доме и вскоре вернулся вместе с Медеей.

Девочка остановилась на пороге. Она увидела незнакомого мужчину, затем деревянную лошадку в его руках.

— Ты кто? — спросила она.

Гиорги присел, чтобы оказаться на одном уровне с ребёнком.

— Я друг твоей матери.

— Где она?

Он не ответил сразу. Слишком хорошо понимал, что нельзя обещать ребёнку того, в чём ещё не уверен.

— Она жива, Медея. И ищет тебя.

Девочка сделала шаг вперёд.

— Она знает, что я здесь?

— Теперь мы знаем.

— А папа?

— Я пока не знаю, где твой отец. Но мы будем его искать.

Медея опустила глаза на деревянную лошадку.

— Это моя?

— Нет. Её сделал мой сын. Но он тоже знает, каково это — ждать отца.

Девочка осторожно коснулась игрушки.

— А можно мне подержать?

Гиорги протянул ей лошадку.

Медея взяла её обеими руками, словно боялась уронить, и вдруг заплакала. Не громко, не отчаянно, а так, как плачут дети, которые слишком долго старались быть взрослыми.

— Я думала, никто не знает, где я, — прошептала она.

Гиорги хотел обнять её, но не решился без разрешения.

— Теперь знаем, — сказал он. — И не оставим тебя одну.

Михаил стоял в дверях. Он смотрел на девочку, и на его лице боролись надежда и страх.

— А мы? — спросил он.

Гиорги поднялся.

— Мы не забудем и о вас.

— Но ты пришёл за ней.

— Я пришёл потому, что знаю, каково это — когда ребёнок пропадает из дома. И если я могу помочь вам, то помогу.

Михаил не ответил, но немного расслабил плечи.

Рашид наблюдал за происходящим. Он впервые увидел, как чужое имя, произнесённое с любовью, может изменить выражение лица ребёнка.

— Вы не сможете забрать их сейчас, — сказал он наконец. — Люди Юнуса могут вернуться в любую минуту. Если они узнают, что вы здесь, начнётся драка.

— Я не хочу драки.

— Тогда вам придётся уйти и ждать.

— А дети?

— Останутся здесь. Пока я смогу их удержать.

Гиорги посмотрел на него.

— Почему ты это делаешь?

Рашид долго молчал.

— Не знаю. Может быть, потому, что однажды я тоже ждал человека, который должен был прийти за мной.

— Он пришёл?

— Нет.

В этой короткой фразе было столько прожитого, что Гиорги не стал задавать новых вопросов.

Он повернулся к Медее.

— Я вернусь. Но до тех пор слушай Михаила и не уходи с незнакомыми людьми.

— А лошадку ты заберёшь?

Гиорги посмотрел на игрушку в её руках.

— Оставь пока себе. Когда вернусь, расскажешь моему сыну, как она тебе помогла.

— Я расскажу.

Они попрощались.

У ворот Бесо встретил Гиорги вопросительным взглядом.

— Нашёл?

— Нашёл.

— И что теперь?

Гиорги оглянулся на закрывшуюся дверь.

— Теперь надо найти её мать.

Бесо кивнул.

— Значит, дорога ещё не закончилась.

А в комнате Медея сидела рядом с Михаилом и держала деревянную лошадку на коленях. Она впервые за много дней позволила себе поверить, что ожидание может однажды закончиться.

Но Михаил смотрел на дверь с тревогой. Он понимал: если девочку найдут и увезут, он снова останется один. И потому, когда Медея тихо спросила, можно ли ему тоже подержать лошадку, он не отказался.

Глава 33. Долг, которого не записывают в книгах

Гиорги и Бесо вернулись в небольшую комнату, которую снимали неподалёку от рынка. Весь путь они почти не разговаривали. Каждый думал о своём, но обоим было ясно: найденная девочка ещё не означала, что её можно вернуть домой.

— Мне не понравился тот человек, который приходил к Рашиду, — сказал Бесо, снимая дорожный плащ. — Слишком уж уверенно он распоряжался чужими судьбами.

— Это не хозяин дома. Он передавал распоряжение.

— Разве это имеет значение?

— Имеет. Если он только посланник, значит, есть кто-то выше. А если есть кто-то выше, то Рашид может не иметь возможности удерживать детей долго.

Бесо сел напротив.

— Ты ему доверяешь?

— Нет.

— А он тебе?

— Тоже нет.

— Вот и прекрасно. Два незнакомца, которые не доверяют друг другу, собираются спасти троих детей. Хорошее начало.

Гиорги усмехнулся.

— Иногда другого начала не бывает.

Он достал из сумки письмо, которое передал ему Закария. На листе были записаны имена нескольких людей, связанных с перевозкой пленников. Среди них упоминался Юнус, пожилой купец, сопровождавший детей. Рядом с его именем стояла короткая пометка: «Знает больше, чем говорит».

— Если Юнус вернётся, — сказал Гиорги, — он может забрать детей. Надо найти его раньше.

— А как?

— Через Фарида. Он знает портовых людей.

Бесо некоторое время смотрел на письмо.

— Скажи мне, Гиорги, ты когда-нибудь думал, что наша жизнь окажется такой?

— Нет.

— Я тоже. Я собирался состариться, ругаться с женой, чинить крышу после каждого сильного дождя и рассказывать внукам, что в молодости был храбрым воином.

— Ты и сейчас рассказываешь, что был храбрым воином.

— Так я же не собираюсь отказываться от всего, что приносит человеку радость.

Гиорги рассмеялся. Впервые за несколько дней смех дался ему легко.

Но вскоре лицо его снова стало серьёзным.

— Я видел Медею. Она маленькая, Бесо. Слишком маленькая для всего, что ей пришлось пережить.

— Все дети слишком малы для чужой жестокости.

— А Михаил? Он тоже ребёнок. И Самир. Нельзя просто забрать одну девочку и оставить остальных.

— Никто этого и не предлагает.

— Но мать Медеи ждёт только её. И я дал обещание.

Бесо положил ладонь на стол.

— Ты обещал помочь Кетеван найти дочь. Ты не обещал забыть остальных. Найдём способ помочь всем.

Гиорги посмотрел на друга.

— Хорошо сказано.

— Я вообще иногда бываю умным. Просто стараюсь не злоупотреблять.

В тот же день Рашид получил второе распоряжение. На этот раз его передали не письмом, а через человека, которого он хорошо знал. Это был управляющий по имени Халиль — сухощавый, немногословный мужчина, служивший Юнусу много лет.

— Почему дети ещё здесь? — спросил Халиль.

— Они больны.

— Кто?

— Младший мальчик. У него жар.

Халиль посмотрел на него с подозрением.

— Я видел его вчера. Он был здоров.

— Вчера.

— Ты что-то скрываешь?

— Я не обязан докладывать тебе о каждом кашле.

Халиль подошёл ближе.

— Юнус не любит задержек.

— Тогда пусть сам придёт.

— Он не станет приезжать из-за трёх детей.

— Значит, дети ему не так уж нужны.

Халиль сжал губы.

— Не забывай, кому ты обязан своим положением.

Рашид медленно поднялся.

— Я помню всё, что мне давали. И всё, что у меня отнимали. Но не надо путать одно с другим.

Халиль некоторое время смотрел на него, затем ушёл, пообещав вернуться с людьми.

Рашид понимал, что отсрочка закончилась. Теперь нужно было решить, что делать дальше.

Он вошёл в комнату. Самир действительно немного кашлял, но жара у него не было. Медея сидела рядом с ним и рассказывала Михаилу о своей матери. Она вспоминала, как та месила тесто, как поправляла ей волосы, как однажды спрятала от неё сладкий ореховый пирог, чтобы девочка не съела всё до ужина.

— А ты помнишь запах дома? — спросил Михаил.

— Да. У нас пахло хлебом и дымом. А ещё мама иногда сушила травы возле окна.

— У нас пахло деревом. Отец работал во дворе. Он всё время что-нибудь строгал.

Самир слушал их, не понимая слов. Потом достал из-за пазухи маленькую тряпичную куклу и показал Медее.

— Это его сестра, — объяснил Михаил, заметив её вопросительный взгляд. — Он говорит, что она осталась дома.

Медея осторожно коснулась куклы.

— Значит, у неё тоже есть мама.

Самир улыбнулся, хотя не понял её слов.

Рашид смотрел на них с порога. Он вдруг осознал, что эти трое уже стали друг для друга чем-то вроде семьи. Не потому, что были родственниками, а потому, что каждый из них знал, как страшно остаться одному.

— Собирайтесь, — сказал он.

Михаил поднялся.

— Нас забирают?

— Нет. Мы уйдём отсюда.

— Куда?

— Туда, где вас не смогут так легко найти.

Рашид впервые произнёс эти слова вслух. Теперь отступать было некуда.

Глава 34. Дорога к матери

Кетеван в это утро проснулась раньше остальных.

Она сидела возле окна и смотрела на первые солнечные лучи, ложившиеся на стены каирского двора. Ночью ей снова снилась Медея. Во сне девочка стояла у порога, протягивала к ней руки и никак не могла переступить через невидимую черту.

Кетеван проснулась с ощущением, что должна немедленно куда-то идти.

Хасан-бей заметил её состояние ещё за завтраком.

— Ты опять не спала?

— Спала.

— Тогда почему смотришь на дверь так, словно ждёшь, что она сейчас откроется?

Кетеван не ответила.

Хасан отложил чашку.

— Я не хочу давать тебе обещаний, которых не могу выполнить. Но Юсуф получил сведения из Александрии. Там действительно была девочка, похожая на твою Медею.

Кетеван подняла голову.

— Ты уверен?

— Нет. Поэтому и не говорю, что это она.

— Как её звали?

— Человек, который видел детей, не запомнил имени. Но рядом с девочкой был мальчик по имени Михаил.

Кетеван задумалась.

— Медея говорила мне о Михаиле. У соседей был мальчик с таким именем. Они вместе играли, когда мы ещё жили возле Кутаиси.

— Возможно, это тот самый мальчик.

Она встала и подошла к Хасану.

— Отвези меня туда.

— Сейчас это невозможно.

— Почему?

— Потому что я должен сначала понять, кто находится в Александрии и кому подчиняется этот дом. Если мы приедем туда без подготовки, можем потерять и девочку, и тех, кто её нашёл.

Кетеван сжала руки.

— Ты говоришь разумно. Но мне всё труднее ждать.

— Я понимаю.

Она посмотрела на него внимательно.

— Нет, Хасан. Ты не понимаешь. Ты помнишь своё детство. Ты знаешь, что у тебя когда-то было другое имя. Но ты не знаешь, каково это — каждое утро просыпаться и не видеть ребёнка, которого вчера ещё можно было обнять.

Хасан не стал спорить.

— Наверное, не знаю, — тихо ответил он. — Но я знаю, каково это — ждать, что однажды кто-нибудь произнесёт твоё прежнее имя.

Кетеван опустила глаза.

— Прости меня.

— Не за что просить прощения.

В дверях появился Юсуф.

— Хасан, пришло письмо из Александрии.

Он протянул свёрнутый лист.

Хасан быстро прочитал его. Писал человек, связанный с портовыми складами. Он сообщал, что Рашид отказался передать детей людям Юнуса и покинул дом вместе с ними. Куда именно он направился, никто не знал.

— Значит, он решил бежать, — произнёс Юсуф.

— Или спрятать детей, — поправил Хасан.

— Это опасно. Если Юнус узнает, что Рашид помог им скрыться, он не оставит его в покое.

Кетеван подошла ближе.

— А Медея?

Хасан поднял глаза.

— Мы пока не знаем, где она.

Кетеван закрыла лицо руками.

Юсуф посмотрел на Хасана.

— Нам нужно ехать в Александрию. Чем скорее, тем лучше.

— Я согласен.

— А Бей Абдулла?

— Он дал разрешение на поездку, но потребовал не начинать силовых действий. Мы не будем нарушать его условия.

Хасан помолчал и добавил:

— И Кетеван поедет с нами.

Юсуф удивлённо посмотрел на него.

— Это может быть опасно.

— Для неё опасно оставаться здесь и ждать, когда другие решат её судьбу.

Кетеван подняла голову.

— Я готова.

Хасан кивнул.

— Тогда готовься. Но помни: мы едем не для того, чтобы немедленно броситься на поиски. Сначала найдём людей, которые знают, где дети. Затем убедимся, что это действительно твоя дочь.

— Я узнаю её, — ответила Кетеван.

— Я верю тебе. Но мы должны позаботиться и о том, чтобы никто не воспользовался твоей надеждой.

Вечером Исмаил помогал готовить лошадей к дороге. Хасан вышел во двор и некоторое время наблюдал, как молодой конюх проверяет ремни.

— Ты слышал, что мы отправляемся в Александрию? — спросил он.

— Да, господин.

— Ты хочешь поехать?

Исмаил поднял голову.

— Если я нужен, поеду.

— Ты знаешь, что там могут быть люди, которые когда-то были похищены так же, как ты?

Исмаил задумался.

— Иногда я думаю, что, если найду человека, который помнит меня маленьким, то смогу вспомнить и сам.

— А если он не вспомнит?

— Тогда, наверное, будет больно. Но я всё равно хотел бы попробовать.

Хасан положил руку ему на плечо.

— Поедешь с нами.

Исмаил кивнул и вернулся к работе.

А далеко от Каира, в Александрии, Медея впервые за много дней уснула спокойно. Она держала деревянную лошадку, подаренную незнакомым человеком, и во сне снова видела мать. Только теперь между ними не было стены.

Она ещё не знала, что мать уже собирается в дорогу. И что впереди их ждёт не просто встреча, а необходимость заново узнать друг друга после долгой разлуки.

Глава 35. Те, кто идут навстречу

Решение отправиться в Александрию было принято, но подготовка заняла больше времени, чем рассчитывал Хасан. Бей Абдулла не собирался отпускать своего доверенного в долгую дорогу без ясного понимания, кто и зачем будет сопровождать его. Мурад получил распоряжение подготовить необходимые письма, а Юсуфу поручили ещё раз проверить сведения о Рашиде и купце Юнусе.

Кетеван почти не участвовала в разговорах. Она собирала небольшие вещи, которые могла взять с собой, и время от времени доставала из узелка детскую рубашку Медеи. Рубашка была выстирана, аккуратно сложена и хранилась так бережно, словно девочка могла вернуться за ней в любую минуту.

Хасан застал её за этим занятием.

— Ты берёшь её с собой?

— Да.

— Она маленькая. Медея могла уже вырасти из неё.

Кетеван улыбнулась печально.

— Я знаю. Но она была на ней в тот день, когда мы расстались.

Хасан не стал спрашивать, почему она хранит вещь, которую дочь, возможно, никогда больше не наденет. Он слишком хорошо знал, что память не всегда нуждается в практическом объяснении.

— Когда мы найдём её, — сказал он, — не пытайся сразу вернуть всё, что было прежде. Дай ей время.

Кетеван посмотрела на него.

— Я не хочу, чтобы она снова стала маленькой девочкой, которая боялась темноты. Я хочу только, чтобы она знала: у неё есть мать.

— Она это узнает.

В комнату вошёл Юсуф.

— Письма готовы. Мурад ждёт во дворе. Но есть одна новость.

Хасан повернулся к нему.

— Какая?

— В Александрии видели Гиорги. Он действительно нашёл дом, где содержали детей. По словам человека Фарида, он разговаривал с Рашидом.

— Удалось увидеть девочку?

— Да. И, кажется, Гиорги уверен, что это Медея.

Кетеван прижала детскую рубашку к груди.

— Он видел её?

— Видел.

Она закрыла глаза. Несколько мгновений никто не произносил ни слова.

— Значит, она жива, — прошептала Кетеван.

— Похоже, что так, — ответил Юсуф. — Но после этого Рашид увёл детей из дома. Мы пока не знаем, куда.

Хасан нахмурился.

— Гиорги знает?

— Он тоже ищет их. Но ему придётся действовать осторожно. Юнус уже послал людей на поиски Рашида.

— Тогда нельзя терять времени.

Кетеван подняла голову.

— Когда мы выезжаем?

— Завтра на рассвете, — ответил Хасан.

Она кивнула и снова сложила рубашку в узелок.

В тот вечер Исмаил долго не мог уснуть. Он сидел у конюшни и смотрел на дорогу, уходившую за городские стены. Ему казалось, что вся его жизнь состояла из дорог, на которых он ничего не выбирал. Теперь впервые ему предстояло отправиться туда, куда он хотел сам.

Али подошёл к нему с двумя лепёшками.

— Ты опять не спишь?

— Завтра выезжаем.

— Я заметил. Лошади уже готовы.

Али сел рядом.

— Ты думаешь, найдёшь там свою семью?

— Не знаю.

— А если нет?

Исмаил долго молчал.

— Тогда, может быть, хотя бы узнаю, откуда я родом.

Али протянул ему лепёшку.

— А я надеюсь, что ты найдёшь. Иначе кому мне будет рассказывать о своих победах над учителем?

Исмаил рассмеялся.

— Ты ещё ни разу не победил Хасана.

— Именно поэтому мне нужен свидетель. Когда-нибудь я всё-таки это сделаю.

Они сидели рядом, ели хлеб и говорили о пустяках. За эти годы они стали почти братьями, хотя ни один из них не произносил этого вслух.

А в Александрии Гиорги и Бесо получили известие от Фарида: Рашид покинул дом вместе с детьми и, вероятнее всего, направился к старой мастерской за пределами торгового квартала.

— Почему туда? — спросил Бесо.

— Потому что там есть выход к каналу, — объяснил Фарид. — Оттуда можно добраться до складов, не проходя через главные улицы.

— А дальше?

— Дальше дорога к южным пристаням.

Гиорги задумался.

— Значит, он хочет вывезти детей из города?

— Возможно. Но я не уверен.

— Ты знаешь эту мастерскую?

— Знаю. Её хозяин давно умер. Иногда там останавливаются люди, которым нужно переждать несколько дней.

Гиорги поднялся.

— Покажи нам дорогу.

Фарид покачал головой.

— Я уже достаточно вмешался.

— Тогда скажи хотя бы, как туда пройти.

Фарид посмотрел на него, потом вздохнул.

— Идите вдоль канала до старого моста. За ним будет улица, где торгуют кожей. В конце улицы повернёте налево. Мастерская стоит за заброшенным колодцем.

Бесо внимательно выслушал.

— А если мы встретим там людей Юнуса?

— Не вступайте в разговор. Они не станут разбираться, кто вы такие.

Гиорги поблагодарил Фарида.

Когда они вышли на улицу, Бесо негромко произнёс:

— Ты заметил, что Фарид всё-таки помогает нам?

— Заметил.

— Значит, не все здесь забыли, что такое совесть.

— Нет, Бесо. Просто не каждый решается её слушать.

Они направились к каналу.

В старой мастерской Рашид устроил детей на ночлег. Место было тесным, но безопасным. Самир уснул почти сразу, Михаил долго сидел у окна, а Медея перебирала деревянную лошадку.

— Как зовут твоего сына? — спросила она у Рашида.

Он удивился.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты сказал, что у тебя когда-то был брат. А этот мужчина сказал, что у него есть сын. Мне интересно, как зовут твоего сына.

Рашид сел рядом.

— У меня нет сына.

— А брат?

— Я не знаю, где он.

Медея задумалась.

— Может быть, он тоже тебя ищет.

Рашид посмотрел на девочку.

— Может быть.

— Тогда ты тоже должен идти домой.

Он отвернулся, чтобы она не заметила, как изменилось его лицо.

Впервые за много лет ему захотелось поверить, что потерянные люди действительно могут найти друг друга.

Глава 36. Мастерская у старого колодца

На рассвете Рашид вышел во двор. Он рассчитывал дождаться человека, который должен был принести ему новые распоряжения, но вместо этого увидел незнакомца у ворот.

Это был пожилой плотник по имени Фадиль. Он жил неподалёку и иногда помогал поддерживать мастерскую в порядке.

— Ты всё ещё здесь? — спросил Фадиль.

— Пока да.

— Вчера приходили двое. Расспрашивали о детях.

Рашид насторожился.

— Кто?

— Один высокий, с усталым лицом. Другой коренастый, с весёлым голосом. Я не знаю их имён.

Рашид понял, о ком идёт речь.

— Они искали девочку?

— Искали всех троих.

Фадиль помолчал, затем добавил:

— Тебе лучше решить, кому ты собираешься доверять. Люди Юнуса тоже задавали вопросы. И они не похожи на тех, кто умеет ждать.

Рашид поблагодарил старика и вернулся в мастерскую.

Михаил уже проснулся.

— Они нашли нас?

— Кто?

— Те люди, которые приходили вчера.

Рашид не стал обманывать.

— Пока нет.

— А если найдут?

— Тогда я постараюсь, чтобы вы не пострадали.

Михаил посмотрел на него с недоверием.

— Ты всё время говоришь, что постараешься. Но раньше ты тоже говорил, что ничего не решаешь.

Рашид сел на скамью.

— Я был неправ.

Мальчик удивлённо поднял глаза.

— Ты признаёшь это?

— Неужели ты думаешь, что взрослые не умеют ошибаться?

— Думаю, умеют. Но не все признают.

Рашид улыбнулся.

— Ты слишком рано научился понимать взрослых.

— А ты слишком поздно научился понимать детей.

Эти слова заставили Рашида замолчать.

Гиорги и Бесо нашли мастерскую ближе к полудню. Дверь была приоткрыта, внутри слышались голоса.

Бесо хотел войти первым, но Гиорги остановил его.

— Подожди. Не надо пугать детей.

Он постучал.

Дверь открыл Рашид.

— Вы снова пришли.

— Мы узнали, что ты здесь, — сказал Гиорги.

— Откуда?

— От человека, который ещё не разучился помогать другим.

Рашид пропустил их внутрь.

Медея сидела на старой скамье. Увидев Гиорги, она сразу поднялась.

— Ты вернулся!

— Я обещал.

Она показала ему деревянную лошадку.

— Я её берегла.

— Я вижу.

Бесо присел рядом.

— А я, между прочим, тоже кое-что умею делать из дерева. Правда, жена говорит, что мне лучше заниматься чем-нибудь другим.

Медея улыбнулась.

— А что ты умеешь?

— Я умею чинить телеги. А ещё могу вырезать такую лошадку, что она будет похожа на осла.

Девочка рассмеялась. Даже Михаил улыбнулся.

Но разговор быстро вернулся к серьёзному.

— Юнус ищет вас? — спросил Гиорги.

— Да, — ответил Рашид. — Он не простит мне задержки. Но я не собираюсь отдавать ему детей.

— Тогда нам нужно действовать вместе.

— Почему я должен тебе доверять?

— Не должен. Но ты видел, что я пришёл не за деньгами и не за властью. Я пришёл за девочкой, которую ищет её мать.

Рашид посмотрел на Медею.

— А мальчики?

— Они тоже должны получить возможность вернуться домой.

— Ты знаешь, где их дома?

— Нет. Но мы можем начать поиски.

Михаил поднялся.

— Я хочу найти брата.

Гиорги кивнул.

— Найдём всё, что сможем. Но сначала нужно уберечь вас от тех, кто хочет снова увезти.

Рашид подошёл к небольшому сундуку и достал оттуда несколько свёртков.

— Здесь немного денег. И документы, которые могут пригодиться. Я не знаю, насколько они помогут, но это всё, что у меня есть.

— Ты пойдёшь с нами? — спросил Бесо.

Рашид посмотрел на него.

— Если вы позволите.

— Мы не собираемся оставлять тебя здесь одного, — ответил Бесо. — Но имей в виду: у нас в дороге принято делиться едой и работой. За тебя никто всё делать не будет.

Рашид неожиданно рассмеялся.

— Справедливо.

В этот момент снаружи раздался стук копыт.

Все замолчали.

Фадиль, заглянувший в мастерскую, тихо произнёс:

— Это люди Юнуса.

Гиорги выглянул в узкую щель между досками. На улице остановились трое всадников. Один из них спешился и направился к воротам.

— Они знают, что мы здесь, — сказал Рашид.

Бесо положил руку на рукоять ножа.

Гиорги остановил его.

— Не торопись.

Он повернулся к Рашиду.

— Есть другой выход?

— Через задний двор, к каналу. Но там узкий проход.

— Дети смогут пройти?

— Смогут.

Гиорги взял Медею за руку, Михаил помог поднять сонного Самира. Рашид открыл заднюю дверь.

Перед тем как выйти, Медея обернулась и посмотрела на комнату, где провела последние ночи.

— Мы ещё вернёмся?

Гиорги не стал обещать.

— Не знаю, милая. Но теперь мы идём не в неизвестность. Мы идём к людям, которые тебя ждут.

Они вышли в узкий проход.

Впереди шумел канал, а за ним начиналась другая улица, где их никто пока не искал.

И всё же Гиорги понимал: теперь их путь стал общим. Он отвечал не только за Медею, но и за Михаила, Самира и даже за человека, который ещё недавно перевозил детей по чужим приказам.

Он оглянулся на Рашида.

— Ты уверен, что готов?

Рашид посмотрел на него.

— Нет. Но я больше не хочу жить так, будто у меня нет выбора.

Гиорги кивнул.

— Тогда пойдём.

И они пошли вдоль канала, навстречу городу, который ещё не знал, что несколько его забытых пленников впервые за долгое время обрели не хозяев, а спутников.

Глава 37. За стенами Александрии

Узкий проход вдоль канала вывел беглецов к старому кварталу, где располагались мастерские лодочников и склады древесины. Здесь было шумно, пахло мокрыми канатами, смолой и рыбой. Люди занимались своими делами, почти не обращая внимания на небольшую группу путников.

Гиорги шёл впереди, держа Медею за руку. Бесо нёс Самира, который ещё не вполне проснулся и время от времени утыкался лицом ему в плечо. Михаил держался рядом с Рашидом.

— Куда мы идём? — спросил мальчик.

— К человеку, который может помочь нам покинуть город, — ответил Рашид.

— Он добрый?

— Не знаю. Но он умеет держать слово.

— Это лучше, чем просто быть добрым, — неожиданно заметил Михаил.

Бесо обернулся.

— Вот видишь, Гиорги, какие мудрые дети нам достались. Скоро нам самим придётся у них учиться.

— Ты бы сначала научился не заблудиться в городе, — ответил Гиорги.

— Я не заблудился. Я просто изучаю местность с разных сторон.

Медея тихонько засмеялась.

Гиорги впервые за долгое время услышал её смех и почувствовал, как напряжение немного отпускает сердце.

Человек, к которому они направлялись, был лодочником по имени Мансур. Рашид знал его давно: когда-то они вместе работали на речных переправах. Мансур не задавал лишних вопросов, но никогда не соглашался перевозить людей, если подозревал, что их принуждают к дороге.

Они нашли его возле небольшой пристани. Он чинил весло, сидя на перевёрнутой лодке.

— Рашид? — удивился он. — Не ожидал тебя увидеть.

— Мне нужна твоя помощь.

Мансур отложил инструмент и оглядел спутников.

— Вижу. Но сначала скажи, почему ты привёл ко мне детей.

— Потому что их нужно вывезти из города.

— От кого?

— От людей, которые считают их своей собственностью.

Мансур медленно поднялся.

— Ты наконец понял, чем занимался все эти годы?

Рашид опустил голову.

— Поздно понял.

— Поздно бывает, когда человек уже умер. Пока жив, ещё можно исправить хотя бы часть сделанного.

Мансур посмотрел на Гиорги.

— А ты кто?

— Отец. Хотя не этих детей. Я ищу их родных и хочу помочь им вернуться домой.

— И куда собираетесь?

— Сначала к людям, которым можно доверять. Потом будем искать их семьи.

Мансур задумался.

— У меня есть небольшая лодка. Она может доставить вас к селению за пределами города, где живёт мой брат. Там вы сможете переждать несколько дней. Но я не повезу вас прямо сейчас. На пристанях ищут Рашида.

— Сколько ждать? — спросил Бесо.

— До темноты.

Бесо посмотрел на небо.

— Значит, у нас есть время поесть?

Мансур улыбнулся.

— Есть. И, судя по твоему лицу, ты давно не ел.

— Я человек скромный. Мне достаточно хлеба, сыра и чего-нибудь горячего.

— Тогда ты попал по адресу.

В полдень они расположились в небольшом помещении при пристани. Мансур принёс лепёшки, сыр, финики и кувшин воды. Дети ели молча, но постепенно разговорились.

Михаил рассказывал Самиру о своём брате Гиви. Медея показывала ему деревянную лошадку, объясняя, что её сделал мальчик, которого она никогда не видела.

— А ты? — спросил Самир Рашида.

Тот не понял вопроса, но Михаил перевёл жестами.

— Он спрашивает, есть ли у тебя игрушка.

Рашид улыбнулся.

— Была. Деревянная птица. Её сделал мой брат.

Медея подняла голову.

— А где она?

— Не знаю. Осталась дома.

— Может быть, её кто-нибудь хранит?

Рашид долго смотрел на девочку.

— Может быть.

Он ещё не знал, что далеко на севере, в доме Арчила, действительно хранилась деревянная птица, оставленная другим мальчиком много лет назад. Не его птица, не его брат, не его история. Но между двумя незнакомыми людьми уже возникла невидимая связь — через вещи, которые дети оставляют после себя, надеясь однажды вернуться.

К вечеру Мансур сообщил, что путь свободен.

Они погрузились в лодку. Гиорги помог детям устроиться под навесом, Бесо сел ближе к корме, а Рашид остался на пристани, пока Мансур проверял канаты.

— Ты не боишься? — спросил Гиорги.

— Боюсь, — ответил Рашид. — Но впервые страх не заставляет меня возвращаться назад.

Лодка оттолкнулась от берега.

Александрия медленно отдалялась. Её башни, купола и высокие стены постепенно растворялись в вечернем свете. Медея смотрела на город, пока он не превратился в тёмную полосу на горизонте.

— Мы вернёмся сюда? — спросила она.

— Возможно, — ответил Гиорги. — Но уже не за тем, чтобы искать тебя.

Девочка прижалась к нему плечом.

— А когда мы увидим маму?

Гиорги посмотрел на тёмную воду.

— Скоро, Медея. Мы сделаем всё, что сможем.

Глава 38. Женщина, которая ждала у дороги

В грузинском селении осень постепенно уступала место холодам.

Мариам всё чаще выходила к воротам и смотрела на дорогу. Она не знала, где сейчас находится Гиорги, но старалась не показывать тревогу Левану. Мальчик по-прежнему спрашивал, когда вернётся отец, и каждый раз получал один и тот же ответ:

— Скоро, сынок.

Давид стал чаще помогать по хозяйству. Он уже не спорил с матерью, когда та просила его принести дрова или сходить к соседям. Но временами его охватывало беспокойство. Ему казалось несправедливым, что отец отправился в далёкую страну, а он должен оставаться дома, ничего не зная о происходящем.

Нино заметила перемену.

Однажды они встретились возле реки. Девочка принесла небольшой свёрток.

— Что это? — спросил Давид.

— Хлеб. Мать испекла. Сказала, что тебе пригодится.

— Я не голоден.

— А я не спрашивала, голоден ли ты.

Он улыбнулся.

Нино развернула ткань и положила хлеб на камень.

— Ты всё думаешь об отце?

— Да.

— Он вернётся.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но если я буду думать, что он не вернётся, мне станет страшно. Поэтому я думаю иначе.

Давид посмотрел на неё.

— Ты всегда умеешь сказать что-нибудь такое, после чего мне нечего ответить.

— Значит, иногда полезно молчать.

Они рассмеялись.

Потом Давид рассказал ей о деревянной птице, которую отец взял с собой. Он надеялся, что она поможет кому-нибудь вспомнить дом.

— Ты думаешь, отец найдёт того мальчика? — спросила Нино.

— Не знаю. Но мне хочется верить, что найдёт.

— Тогда пусть найдёт. Ведь если человек однажды потерял дом, это не значит, что ему нельзя вернуться.

Давид посмотрел на реку. Вода бежала между камнями, не останавливаясь ни перед чем. Он вспомнил слова Закарии о дороге и впервые понял, что путь человека может быть длиннее, чем он способен представить.

В тот же день в дом Гиорги пришёл Закария.

Мариам встретила его у порога.

— Есть новости?

Старик покачал головой.

— Пока нет. Но я принёс кое-что, что может помочь.

Он достал небольшой лист бумаги. На нём было написано имя человека, который служил посредником между портовыми купцами и перевозчиками.

— Это человек из Кутаиси, — объяснил Закария. — Его зовут Гурам. Он знает несколько языков и некоторое время сопровождал караваны. Я слышал, что недавно он вернулся на побережье.

Мариам нахмурилась.

— Гурам? Это не муж Кетеван?

— Нет. Другой человек. Молодой переводчик, который ездил с Шотой.

— Он может знать, где Гиорги?

— Возможно. Если удастся его найти, он сможет передать сведения в Александрию.

Мариам взяла лист.

— Я не хочу больше ждать, ничего не делая.

Закария внимательно посмотрел на неё.

— Ты думаешь отправиться в дорогу?

— Я думаю, что должна быть готова к тому дню, когда Гиорги вернётся не один.

Старик понял, что она имеет в виду.

— Ты ждёшь не только мужа?

— Нет. Я жду всех, кого он сумеет привести домой.

Закария опустил голову.

— Тогда, может быть, пришло время и мне сделать то, что я давно откладывал.

— Что именно?

— Отправиться к Арчилу. У него хранится вещь, которая может оказаться важной. Деревянная птица мальчика, которого увезли много лет назад. Я обещал вернуть её, если он когда-нибудь найдётся.

Мариам посмотрела на него.

— Ты думаешь, что найдёшь его?

— Не знаю. Но теперь я понимаю: обещание нельзя хранить вечно, ничего не делая.

Вечером Мариам долго сидела возле Левана. Мальчик уже спал, прижимая к себе другую деревянную игрушку, которую сделал Давид. Она поправила одеяло и тихо произнесла молитву.

За окном поднимался ветер. Где-то далеко шумела горная река, а дорога, уходившая от селения к югу, оставалась пустой. Но Мариам больше не казалось, что она только ждёт. Она начала готовиться к возвращению. И впервые за долгое время это ожидание было наполнено не одной лишь тревогой, но и надеждой.

Глава 39. Дом Мансура

Лодка шла вдоль берега медленно, почти бесшумно. Мансур хорошо знал эти воды и выбирал путь так, чтобы не приближаться к оживлённым пристаням. Ночью он несколько раз менял направление, сверяясь с береговыми огнями и едва заметными ориентирами, знакомыми только местным рыбакам.

Дети спали под навесом. Медея устроилась рядом с Михаилом, положив деревянную лошадку между ними. Самир свернулся возле мешков с провизией. Бесо сидел на корме и время от времени поглядывал на берег.

— Ты умеешь управлять лодкой? — спросил он Мансура.

— Умею.

— А если вдруг начнётся буря?

— Тогда будем надеяться, что она не начнётся.

— Прекрасный ответ. Я обычно тоже так отвечаю жене, когда она спрашивает, починил ли я крышу.

Мансур тихо рассмеялся.

Гиорги сидел неподалёку, погружённый в мысли.

— Ты давно знаешь Рашида? — спросил он.

— Достаточно давно, чтобы помнить его другим человеком.

— Каким?

— Молодым. Упрямым. Он мог часами рассказывать о брате, которого потерял. Потом перестал. Я думал, что забыл.

— Люди редко забывают тех, кого любили.

— Да. Но иногда они так долго живут с потерей, что начинают считать её частью своей природы.

Гиорги посмотрел на спящих детей.

— Вот этого я и боюсь. Чтобы они не привыкли считать чужбину своим единственным домом.

Мансур не ответил сразу.

— А если кто-нибудь из них действительно найдёт счастье здесь? Если у него появится семья, работа, друзья? Ты станешь требовать, чтобы он всё бросил и вернулся?

— Нет. Я хочу, чтобы у каждого была возможность выбирать.

Мансур кивнул.

— Тогда ты понимаешь больше, чем многие, кто называет себя спасителем.

На рассвете лодка подошла к небольшому селению. Оно располагалось за полосой песчаных холмов, среди садов и низких каменных домов. Здесь жили рыбаки, лодочники и несколько семей, занимавшихся выращиванием оливок.

Брат Мансура, Салем, встретил их у ворот. Он был моложе брата, но выглядел старше из-за седины и глубокой морщины между бровями.

— Ты привёз гостей? — спросил он.

— Людей, которым нужно немного покоя.

Салем посмотрел на детей.

— Тогда заходите. В моём доме всегда найдётся место для тех, кто не пришёл причинять зло.

Он отвёл их в небольшую комнату с выходом во внутренний двор. Жена Салема принесла воду, лепёшки и миску фиников. Увидев детей, она сразу распорядилась приготовить им постели.

Медея с интересом разглядывала двор. Там росла старая смоковница, под которой стояла деревянная скамья.

— Можно я посижу здесь? — спросила она.

— Конечно, — ответила хозяйка. — Только не забирайся высоко на дерево.

Медея улыбнулась.

Впервые за долгое время ей позволили просто быть ребёнком.

После завтрака Михаил вышел к Гиорги.

— Ты правда поможешь мне найти Гиви?

— Да.

— Даже если мы далеко отсюда?

— Даже если очень далеко.

— А если он меня не помнит?

Гиорги посмотрел на мальчика.

— Тогда ты познакомишься с ним заново.

Михаил задумался.

— А если он уже стал другим?

— Все мы становимся другими. Но это не мешает нам любить тех, кем мы были.

Мальчик долго молчал, затем спросил:

— Ты тоже скучаешь по своим сыновьям?

Гиорги почувствовал, как защемило сердце.

— Каждый день.

— А они знают, что ты их любишь?

— Думаю, знают. Но когда вернусь, скажу им ещё раз.

Михаил кивнул.

— Я тоже скажу Гиви.

Вечером Рашид сидел возле смоковницы. К нему подошёл Салем.

— Мансур рассказал мне, что ты сделал.

— Не знаю, что он тебе рассказал.

— Достаточно.

Салем сел рядом.

— Ты понимаешь, что теперь за тобой будут искать?

— Понимаю.

— И всё равно не жалеешь?

Рашид посмотрел на детей, игравших во дворе.

— Нет.

— Тогда, может быть, ещё не поздно начать жить по-другому.

Рашид поднял глаза.

— Ты думаешь, люди способны измениться?

— Я думаю, что они способны сделать следующий поступок лучше предыдущего. А это уже немало.

Рашид ничего не ответил. Но в ту ночь он впервые не проснулся от кошмара, в котором слышал голос младшего брата.

Глава 40. Письмо из Кутаиси

Гурам-переводчик прибыл в прибрежный город за два дня до того, как Закария отправился к Арчилу.

Он был человеком подвижным и наблюдательным. За несколько лет странствий успел побывать в разных землях, научился понимать речь купцов, моряков и военных, но не утратил привычки говорить по-грузински, когда встречал земляков.

Его сопровождал молодой писец, которого звали Нико. Тот вёл записи о торговых договорах и помогал переводчику разбирать письма.

Вечером Гурам получил записку от Шоты.

«Если встретишь Закарию, передай ему, что сведения из Александрии подтвердились. Гиорги нашёл девочку. Но детей пришлось переместить. Их судьба пока неизвестна».

Гурам перечитал записку дважды.

— Значит, дело продвигается, — сказал Нико.

— Продвигается, но не так, как хотелось бы.

— Ты знаешь этого Гиорги?

— Нет. Но Шота писал о нём. Человек ищет детей, которых увезли с родины.

Нико задумался.

— А почему он сам не возвращается домой?

— Потому что не может оставить тех, кого уже нашёл.

Переводчик сложил письмо.

— Я должен передать эти сведения Закарии. А потом отправиться в Александрию.

— Ты собираешься туда один?

— Нет. Со мной поедешь ты.

Нико удивился.

— Почему я?

— Потому что ты умеешь слушать. А в дороге это важнее, чем умение говорить.

На следующий день Закария пришёл к Арчилу.

Старый друг встретил его у ворот, опираясь на палку.

— Долго же ты собирался, — сказал он.

— Долго.

— Значит, наконец решил перестать откладывать?

Закария кивнул.

Они вошли в дом. Арчил достал из сундука деревянную птицу. Она была вырезана из орехового дерева, немного потемнела от времени, но сохранила тонкую резьбу на крыльях.

— Я всё ещё помню того мальчика, — сказал Арчил. — Он был совсем маленький. Не плакал, не просил еды. Только повторял, что его зовут Арсен.

Закария осторожно взял фигурку.

— Ты думаешь, он жив?

— Не знаю. Но если он жив, то где-то должен быть человек, который помнит это имя.

— Я встречал много людей, потерявших имена.

— А ты сам когда-нибудь пытался вернуть хотя бы одно?

Закария поднял глаза.

— Да. И не всегда успевал.

Арчил положил ладонь на плечо друга.

— Тогда не теряй времени теперь.

В тот же вечер Гурам-переводчик получил письмо от Закарии. Старик сообщал, что готов встретиться и передать новые сведения.

Они договорились увидеться в небольшом доме неподалёку от пристани.

Когда Гурам пришёл, Закария уже ждал его.

— Ты знаешь, где сейчас Гиорги? — спросил старик.

— Последние сведения говорят, что он находится за пределами Александрии. С ним трое детей и Рашид, человек, который прежде сопровождал пленников.

Закария нахмурился.

— Рашид перешёл на их сторону?

— Похоже, он пытается исправить то, в чём участвовал.

— Хорошо. Но ему придётся доказать это делом.

Гурам кивнул.

— Я собираюсь отправиться к ним.

Закария достал из сумки деревянную птицу.

— Тогда возьми это с собой.

Переводчик внимательно осмотрел фигурку.

— Чья она?

— Мальчика, которого увезли много лет назад. Его звали Арсен. Мы не знаем, кем он стал и жив ли вообще. Но если ты встретишь человека, который узнает эту птицу, попроси его вспомнить детство.

Гурам бережно завернул фигурку в ткань.

— Я сохраню её.

Закария посмотрел на старика Арчила, который стоял в дверях.

— Мы слишком долго хранили чужие воспоминания в сундуках, — произнёс он. — Пора попробовать вернуть их людям.

А в селении Мариам получила короткое письмо от Шоты. В нём сообщалось, что Гиорги жив и нашёл девочку, которую разыскивал.

Она прочитала письмо вслух Давиду.

Леван, услышав знакомое имя отца, выбежал из соседней комнаты.

— Папа вернётся?

Мариам присела перед ним.

— Да, сынок. Он жив. И он помогает детям вернуться домой.

Леван немного подумал.

— А он привезёт с собой других детей?

Мариам погладила его по голове.

— Возможно.

— Тогда я отдам им свои игрушки. У меня их много.

Давид отвернулся к окну. Он не хотел, чтобы мать заметила, как дрогнули его губы.

Он впервые понял, что отец возвращается не просто из далёкой страны. Он возвращается с чужой болью, которую не смог оставить на дороге. И, может быть, именно поэтому его возвращение будет таким долгожданным.

Глава 41. Те, кому доверили дорогу

В доме Салема утро начиналось рано. Едва первые лучи солнца коснулись плоских крыш селения, как во дворе уже слышались голоса, плеск воды и стук деревянной посуды. Где-то неподалёку кричали торговцы, предлагавшие свежий хлеб, а над селением поднимался лёгкий дымок — женщины готовили завтрак.

Гиорги проснулся раньше остальных. Несколько мгновений он лежал неподвижно, прислушиваясь к непривычным звукам чужого дома. Потом осторожно поднялся, чтобы не разбудить детей.

Медея спала рядом с Михаилом. Во сне она крепко прижимала к себе деревянную лошадку Левана. Михаил лежал на боку, подложив ладонь под щёку. Самир устроился у стены, завернувшись в старое покрывало. Даже во сне его пальцы не выпускали маленькую тряпичную куклу.

Гиорги задержался у порога.

Он думал о собственных сыновьях. Давид уже, вероятно, помогал матери по хозяйству, а Леван мог с самого рассвета спрашивать, когда вернётся отец. И всё же сейчас перед ним лежали дети, которых он не мог оставить без защиты. У каждого из них был свой дом, своя мать, свои воспоминания. И каждый, возможно, уже начинал сомневаться, существует ли ещё тот дом, куда можно вернуться.

Во дворе его встретил Рашид. Хромая нога мешала ему быстро двигаться, но он уже успел принести воду и починить расшатавшуюся дверь.

— Ты рано встал, — заметил Гиорги.

— Плохо спал.

— Совесть не даёт?

Рашид не обиделся. Он поставил кувшин на каменную скамью.

— Иногда она просыпается позднее человека. А иногда, кажется, вовсе не просыпается.

Гиорги посмотрел на него внимательно.

— Ты решил помогать этим детям. Но я пока не знаю, можно ли тебе доверять.

— И правильно делаешь.

— Я не ищу красивых слов, Рашид. Мне нужно знать, что ты сделаешь, если за ними придут люди Юнуса.

Рашид некоторое время молчал.

— Не отдам.

— Даже если предложат деньги?

— Нет.

— Даже если пригрозят тебе?

— Я уже достаточно раз выбирал страх вместо того, что считал правильным.

Гиорги отвёл взгляд. Ему хотелось верить этому человеку, но слишком хорошо он знал, как легко произнести обещание и как трудно выполнить его, когда опасность становится настоящей.

— Тогда начнём с простого, — сказал он. — Нам нужно отправить письмо в Каир. Там есть люди, которые ищут девочку. Её мать зовут Кетеван. Её муж — Гурам.

— Я слышал эти имена.

— Ты мог слышать многое. Но теперь каждое имя должно привести к человеку, а не к очередной сделке.

Рашид кивнул.

Салем вышел во двор, неся под мышкой небольшой свёрток.

— Я приготовил для вас двух ослов, — сказал он. — Не для немедленного отъезда. Просто пусть будут. Дорога иногда открывается раньше, чем человек к ней готов.

— Ты и так сделал для нас больше, чем мы могли просить, — ответил Гиорги.

— Мансур привёл вас в мой дом. Значит, вы не чужие мне. А дети тем более.

Вскоре проснулись Михаил и Медея. Девочка первой заметила, что Гиорги стоит во дворе.

— Мы сегодня поедем к маме? — спросила она.

Он присел перед ней.

— Сегодня мы будем готовить дорогу. Но до мамы ещё далеко.

— А она знает, где я?

— Она ищет тебя. И знает, что ты жива.

Медея посмотрела на деревянную лошадку.

— Я ей покажу. Скажу, что её сделал мальчик, которого зовут Леван. Он тоже ждёт своего папу.

Гиорги улыбнулся, но ответить сразу не смог.

Михаил подошёл ближе.

— А моего брата вы будете искать?

— Будем.

— Его зовут Гиви. Он маленький. Когда мы были дома, он боялся темноты, но никогда не признавался. Говорил, что просто не любит закрывать глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.